

Худайберды Тухтабаев

КОНЕЦ ЖЕЛТОГО ДИВА

Роман

Часть I

Товарищ полковник

Выбрал наконец профессию

Вот так и пошли, и пошли мои дела на лад. И это неудивительно, ведь я такой парень: чего захочу — того всегда добьюсь. Мы уже заканчивали восьмой класс, и я нет-нет да задумывался над тем, что буду делать дальше. То ли пойду еще учиться и продолжать морочить учителям голову, то ли подыщу себе какую-нибудь подходящую работенку. Но мне ведь всегда улыбается счастье. Так оно случилось и на этот раз. Наш дорогой директор Атаджан Азизович произнес речь на выпускном вечере и в конце своей речи длиной в семьдесят три минуты сорок одна секунда (я сам следил по часам «Ракета», которые мои папа и мама подарили мне к этому дню) сказал так:

— Вот таким, значит, образом, — Атаджан Азизович отхлебнул немного чаю из пиалы, — все остальное зависит от вас самих, дорогие друзья. Кто хочет закончить среднюю школу, пожалуйста, переходите в школу имени Макаренко, что в соседнем кишлаке, и учитесь на здоровье. Со своей стороны мы можем сегодня же переправить им ваши личные дела. Кто хочет приобрести какую-либо профессию — тоже пожалуйста. Везде полно профессиональных училищ, а мы в меру своих сил поможем вам устроиться. Хоть вот ты, например, Хашим, что ты собираешься делать?

Вот тут-то вроде и стукнули меня по голове: сразу озарение нашло. Я вскочил с места и твердо, не моргнув даже глазом, заявил:

— Я хочу стать парикмахером.

— А?.. Ты сказал... парикмахером?

— Да, я хочу стать парикмахером. Бабушка моя говорит, что от долгой учебы у меня разжижились мозги и поэтому иногда мокро под носом.

Ребята, конечно, засмеялись, а Атаджан Азизович поспешно перевел разговор на другое.

— Ты это твердо решил?

— Если хотите, могу поклясться.

— Нет, клясться не обязательно, — остановил меня наш уважаемый директор. — Я тебе верю и так. И одобряю твой выбор, Хашимджан. Это хорошо — пусть один из вас станет парикмахером, другой — столяром, третий — монтером, главное, чтобы все вы стремились к знаниям и к благородным профессиям.

Пусть люди говорят, что хотят. Но я знаю: нет на свете прекраснее ремесла, чем ремесло парикмахера. И те самые инженеры, строящие высоченные дома, и поэты, радующие людей своими стихами, и артисты, заставляющие нас плакать и уматываться от смеха, в общем все, все зависят от парикмахера, здороваются с ним, приложив руку к сердцу.

Я как-то уже говорил, что напротив нашей школы стоит парикмахерская. В этой избушке, чуть больше куриной клетушки, работает старик, которого все зовут Уста бува, что значит «Дедушка мастер». Так вот он души во мне не чаёт, хотя и к другим ребятам относится неплохо.

Когда опаздывал на уроки или убегал из школы, я всегда шел прямо к нему, в парикмахерскую, в свое надежное убежище.

— Ассалому алейкум, — говорил я обычно, входя. При этом никогда не забывал приложить руку к сердцу.

— Эй, ха, это ты, Хашим? — спрашивал мастер.

— Да, это я.

— Опять пришел журналы воровать?

— Нет, сегодня не буду, пришел просто так...

— Знаю, все вы такие: как нужно выпустить фотогазету — сразу вспоминаете про Уста буву... Я несу журналы в парикмахерскую, чтобы очередь не скучала, смотрела картинки, читала статейки, а вы вырезаете эти картинки и тащите из парикмахерской. Садись, постригу тебя.

— Но я еще не оброс!

— Садись, тебе говорят. Волосы торчат, как перья клушки, а еще говорит: «Я не оброс!»

— Но у меня нет денег.

— А когда у тебя бывали деньги?! Дошлая пошла нынче молодежь: берут у родителей деньги будто бы на стрижку, а на денежки покупают мороженое...

Вот так за приятной беседой и не замечаешь, как Уста бува тебя постриг. А потом он в большинстве случаев брызгает на вас водой вместо одеколona да еще приговаривает при этом:

— Ох, ох, как пахнет, а? Ты чуешь запах? Щиплет? — И начинает обмахивать ваше лицо полотенцем...

Таким образом, я твердо решил стать парикмахером. Вы же знаете, если я что решил, то не успокоюсь, пока не доведу дело до конца. Даже ценою великих мучений. К тому же решение мое пришлось по душе всем — моим дорогим бабушке, папе, маме и даже дражайшим сестренкам Айшахон с Донохон. Только папа сказал с сомнением:

— Лишь бы кому-нибудь вместо бороды не снял голову.

В тот же день я направился к Уста буве и, войдя в его клетушку, поздоровался, как обычно, приложив руку к сердцу.

— Эй, ха, Хашим, это ты? Чего так запыхался или случилось что-нибудь?

— Ничего не случилось, дедушка, все нормально.

— Или за тобой гонится твоя дорогая бабушка?

— Никто за мной не гонится. Я к вам, дорогой дедушка, пришел с очень большой просьбой.

— Ну, ну, выкладывай.

— Нет, выложу только тогда, когда вы скажете «согласен».

Бува немного помолчал. Потом сказал:

— Ты парень с открытой душой. Я не смогу не выполнить твоей просьбы.

— Уста бува, я хочу пойти к вам в ученики, — выпалил я, — хочу стать парикмахером...

То ли старый мастер не слышал меня, а думал о чем-то своем, то ли от радости — он перестал даже дышать. И молчал почти десять минут. Все глядел на меня.

— Хашимджан, ты ли это? — спросил он наконец.

— Я самый.

— Подойди сюда, сынок, дай поцелую тебя в лобик...

Вот так. Когда я хороший, все сразу начинают звать меня не Хашимом, а Хашимджаном и даже целуют в лобик...

Уста буве сейчас ровно семьдесят три года. Парикмахером работает шестьдесят лет. За это время приблизительно остриг двести пятьдесят тысяч голов и получил столько же «спасибо». Подстриг и подправил приблизительно около четырехсот тысяч усов и бород и самое меньшее

заработал триста шестьдесят тысяч благодарностей. По словам Уста бувы, на свете нет более почетной профессии, чем парикмахер. Еще он сказал, что люди не могут обойтись без парикмахера даже в таком священном городе, как Мекка и Медина, куда ездят мусульманские паломники.

— И даже в джунглях Африки? — съехидничал я.

— Везде, сынок, везде. Дай еще раз поцелую тебя в лобик. Баракалло — молодец, Хашимджан! А я все беспокоился, думал, кому же оставлю свое место, ведь я уже стар и недолго мне осталось жить. Спасибо, сынок, спасибо.

Затем Уста бува рассказал много всякого-всяческого, что нужно знать ученику парикмахера. Перво-наперво, конечно, прежде чем взяться брить или стричь кого, даже подправить усы, ты должен чисто вымыть руки. С мылом. Во-вторых, перед началом работы и после работы должен вытереть инструменты, продезинфицировать их. И в-третьих, и перед работой и после работы обязательно должен подмести парикмахерскую, протереть окна, а если дело происходит летом, полить тротуар водой. В-четвертых, переступая порог парикмахерской, про себя трижды должен повторить, что сегодня, как и вчера, будешь честно служить людям...

Уста бува только было насчитал шестнадцать таких незыблемых правил, как в парикмахерскую вошел незнакомый мужчина (наверное, из соседнего кишлака).

Уста бува поздоровался с ним, порасспросил о жите-бытье, здоровье, потом обратился ко мне:

— Хашимджан, ну-ка проверим твои способности, намажь голову клиенту, чтобы волосы стали шелковыми и бритва не замечала их на своем пути.

— С удовольствием, Буваджан! — ответил я и, засучив рукава, приступил к делу. Должен вам заметить, ну и голова у этого человека — точно самый гигантский арбуз сорта Кузыбай!

Я развел мыла, чтобы больше пены было, в корытце, не уступающем по величине тем, в каких месят тесто; но, видно, не до конца развел: как мазнул пеной по этому арбузу — струйки мыльной воды побежали и по затылку, и по лицу. Должно быть, самая малость попала и в глаза клиенту, так что он вскочил с места и грозно спросил, потирая глаза:

— Что ты за парикмахер?! Кто же льет на голову человека целыми ведрами мыльную воду?!

— Голова ваша, оказывается, очень гладкая, все сразу стекает с нее, — попытался я защититься. Но тут появился Уста бува, который зачем-то отлучился на минутку, и сразу взял дело в свои руки. Но все же этот странный клиент, уходя, хмуро поглядел на меня, словно я сделал ему что дурное...

— Ничего, сынок, постепенно всему научишься, — успокаивал меня старый мастер.

Таким образом, вначале я научился работать ножницами, потом — электрической машинкой, а через три месяца вовсе уже орудовал опасной бритвой. В общем, через четыре месяца я считался если уж и не отличным, то во всяком случае хорошим мастером. Это и не удивительно, ведь я способный и хваткий. Люди даже стали поговаривать, что у Хашимджана, дескать, рука легкая, бреет и стрижет без боли, да еще смешит все время, пока сидишь в кресле. Больше всех, конечно, радовалась моим успехам моя дорогая бабушка. Целыми днями пропадала у соседей, меня расхваливала.

Все было хорошо, если, конечно, не считать нашу клетушку, в которой мы работали. Сколько мы ни обклеивали стены самыми красивыми разноцветными картинками из журналов, они не могли скрыть трещины, щели и желтые подтеки. А кто дожидался у нас очереди хоть минут десять — тот начинал задыхаться. Но вскорости я и тут нашел выход.

Как-то Уста бува уехал на чью-то свадьбу в соседний кишлак, и я остался на рабочем месте один. Гляжу, поспешно вбегают председатель нашего колхоза.

— А где же мастер? — спросил он еще с порога.

— Скоро будет, но не знаю когда, — ответил я. — Может, появится вечером, вроде на свадьбу собирался.

Председатель постоял, помялся, потом спросил:

— А сможешь ты по-человечески постричь меня?

— Да ведь недавно я вас стриг и вы еще благодарили... — напомнил я.

— Тогда давай, только быстренько, а то я опаздываю на совещание в район.

— Прошу садиться.

Усадив раиса, я с таким усердием взялся за работу, что он прямо-таки замороженными глазами следил ea моими летающими руками. Я должен был обрить ему голову, но, обрив левую сторону, отложил инструменты, спокойно уселся на стуле.

— Ты чего это расселся? — удивился председатель. — Я же тебе говорил, что очень спешу!

— Я объявил забастовку.

— Забастовку?! С чего это?

— С того, что парикмахерская наша сырая, узкая и темная. Мы не желаем с Уста бувой дальше работать в таком помещении.

— Это верно, здесь не очень-то хорошо, — согласился раис-ака, кося взглядом по сторонам. — Но ведь я тебе говорил, братишка, я очень спешу, опаздываю на совещание. Потом решим этот вопрос.

— Если опаздываете — поезжайте.

— Ты в своем уме?! — заорал председатель.

— Не знаю, — пожал я плечами.

— Говорю тебе: добрей голову!

— Не добрею.

Раис-ака вне себя начал было вставать с места, но я проворно выскочил на улицу, а оттуда просунул голову в узкое окошко.

— Я вас добрею, если пообещаете выстроить новую парикмахерскую.

— Ладно, обещаю, — рухнул на место председатель.

— Вы так же обещаете Уста буве уже десять лет.

— Я тебя не обманываю, братишка, ну иди же...

— Нет. Напишите расписку — тогда добрею.

— Я тебя, наглеца, завтра же выгоню с работы! — опять вышел из себя раис-ака.

— Если сможете, увольняйте сегодня, сейчас же! Лучше гулять безработным, чем обслуживать людей в такой темной и сырой дыре!

— Хорошо, какую написать тебе расписку? — опять упал в кресло председатель.

— Будет достаточно, если напишете, что если с завтрашнего дня не начнете строительство новой парикмахерской, не называть вас раисом.

Председатель вскочил, хотел было дать пинка нашему столу и уйти, но вовремя вспомнил про свею недобриту голову и, вздохнув, сел на место. Потом вынул из кармана шариковую ручку, сорвав со стены какую-то красотку и написав на обороте расписку, протянул мне в окно.

— На, держи, наглец, держи, нахал! Доволен теперь?

— Нет, недоволен, — сказал я, возвращая ему расписку. — Тут печати не хватает.

Раис-ака опять начал багроветь.

— Если бы ты был моим сыном — выпорол бы самым широким ремнем за такое издевательство! — С этими словами он выудил из кармана печать и с силой шлепнул ею по расписке.

— Бери и добривай поскорей, сын шайтана!

— Сию минуту, дорогой раис-ака!

Пена на голове клиента, оказывается, давно засохла. Пришлось начинать все сначала. Оба мы молчали. Я работал молча, он сидел молча, лишь иногда встречались наши взгляды. На душе у меня, правда, кошки скребли. Думал, вот встанет сейчас, пойдет прямо в правление и подпишем приказ о моем увольнении, да еще заодно и Уста буву прогонит! Натворить-то натворил я, а хлебать придется старику.

Но к счастью, поднимаясь с кресла с сияющей, как никелированный шарик, и гладкой, как яйцо, головой, раис-ака вдруг так захохотал, что верьте — не верьте, вся наша клетушка заходила ходуном, двери распахнулись, а створки окна захлопнулись сами собой!

— Ну и сыграл ты со мной штуку, — сказал он, нахлобучивая тюбетейку. — Столько уж лет на свете живу, а такого еще не видывал. Как тебя зовут?

— Хашимджаном.

— Чей будешь?

— Сын тракториста Кузыбая. Знатного механизатора.

— А-а, так это ты — Хашимджан? Тот самый, который... Ага, ага, понятно... Будь ты чуть постарше, принял бы тебя на работу экспедитором. Ох и мастер ты, оказывается, добиваться того, что тебе нужно. На, держи вот эти деньги, купите на них, пока что, бритв, помазков и тому подобного... Но, но, откажешься — не видать вам нового помещения, как своих ушей.

Деньги я взял, но заставил его тоже взять с меня расписку, так что мы были квиты. И расстались друзьями.

Надо сказать, раис-ака сдержал слово. На другой день явился главный инженер колхоза, обмерил рулеткой место будущей парикмахерской, записал в блокнотик, сколько и какие строительные материалы потребуются. А через пятнадцать дней все было готово: мы получили помещение с широкими окнами, просторной прихожей и даже небольшой подсобкой, где мы со старым мастером могли попить чайку, пообедать. На шестнадцатый день мы с Уста бувой трудились, как муравьи, — таскали вещи в новое помещение. На семнадцатый только собрались было с новыми силами наброситься на головы и бороды своих односельчан, как вдруг Уста буве стало плохо. Несколько дней я работал в одиночестве. И вот как-то рано утром в парикмахерскую вошла тетушка Хайри, жена старого мастера.

— Муж хочет повидать тебя, — сказала она и зарыдала.

— Как он себя чувствует? — спросил я, опешив.

Тетушка ничего не ответила, повернулась к выходу. Я поспешил за ней.

Уста-бува выглядел очень плохо. Он лежал с закрытыми глазами, бессильно откинув голову. Его внуки, правнуки — бородатые дяди, парни моего возраста, малыши — все сидели или стояли вокруг него. Иные гладили ему руки, другие массажировали ноги, остальные ждали своей очереди. Всем хотелось как-то облегчить страдания любимого дедушки.

Старый мастер вдруг открыл глаза.

— Эй, ха, Хашимджан, ты пришел, сынок?

— Пришел, дедушка.

— Не бросай наше ремесло, сынок. Пусть не пустует наша парикмахерская.

— Не брошу, дедушка.

— Будь всегда честным и чистым.

— Буду стараться, дедушка.

— Служи всегда людям, дитя мое... Дети мои... — С этими словами Уста-бува резко дернулся и умолк. Рука его безжизненно свесилась с кровати.

— Дедушка! — закричал я.

— Дедушка! — сотрясся дом от криков и рыданий внуков и правнуков, родных и близких Уста бувы.

Я никогда еще в жизни так не плакал, как в тот день. Я, не задумываясь, умер бы вместо Уста бувы, если бы он мог жить вместо меня. Целую неделю я плакал, даже во сне вскрикивал: «Дедушка! Уста бува, мой дорогой!..»

Но, как вы знаете, во всем кишлаке нашем не сыщешь человека, способного так быстро справиться с горем и печалью, как я. Вообще, у меня такое свойство: один глаз плачет, а другой в это время смеется. В память дорогого мастера я решил как можно скорее приняться за работу. Написал на куске жести крупными буквами: «ПАРИКМАХЕРСКАЯ ИМЕНИ ПОКОЙНОГО УСТА БУВЫ АКРАМА» и повесил прямо над дверью. Вместо прейскуранта, который должен висеть в нашем «зале ожидания», вывесил такое объявление:

1. Учащиеся-отличники обслуживаются бесплатно.

2. Двоечники платят в двойном размере.

3. Старики обслуживаются вне очереди.

а) При желании» если им нездоровится, они могут вызвать меня на дом. Прибегу сию минуту.

4. Плачущие детишки будут выгоняться вон, чтоб не росли трусами.

Администрация: главный мастер-парикмахер

Хашиджан Кузиев.

Пока я ходил в трауре, мои односельчане, оказывается, здорово обросли. Работы было много, однако я быстренько справился с ней. Ведь в проворстве и ловкости мне не откажешь. Но, видно, в спешке, я допустил грубую, непоправимую ошибку, за что и был справедливо наказан.

Дедушка Уста бува, будучи еще живым, налил, оказывается, в стакан какую-то ядовитую жидкость против мух. А я, раззява, принял ее за воду с хлоркой и прополоскал в ней для дезинфекции все свои ножницы, расческу, бритву... И вот у всех в кишлаке, кого коснулись мои инструменты, на голове, шее, лице стали выскакивать какие-то болячки. Я и так отбрехивался, и сяк, а под конец стало неважно: навесил на двери замок и наострил лыжи. Отсиджусь дома, пережду бурю в подвале или на чердаке, решил я.

Печальное прощание с бабушкой

Я полеживал в тепленькой постели, ленясь вставать, и старался думать о всяческих приятных вещах. Вдруг калитка начала сотрясаться от сильных ударов, как барабан взбесившегося музыканта.

— Кто там? — крикнул я, высунув голову из-под одеяла.

— Открывай, дружище. Это я — Закир, — донесся знакомый голос. Признаться, нет у меня на свете друга более верного, чем Закир. Во всех случаях жизни бывал он рядом со мной, умел прощать многое. Даже шмякну, бывало, по несдержанности его по лбу, а он тут же участливо спрашивает, не отбил ли я себе руку?

Я выскочил из постели и устремился к калитке.

— Дома никого нет? — был первый вопрос Закира.

— Нет. Девчонки в школе, родители — на работе.

— А ты сам?

— Сам? Как видишь, дома. Болею.

— Это хорошо, дружище, что болеешь. Если можешь, поболей еще денька три-четыре.

— Это почему же?

— Дружище, к нам прислали нового парикмахера. Он велел мне пойти позвать тебя...

— Новый парикмахер? — вскричал я, бросаясь в дверь.

Все оказалось верно. У нашей парикмахерской сидел незнакомый человек. На коленях он держал небольшой чемоданчик, один угол которого, верно, прогрызли мыши. Человек мурлыкал себе под нос песенку про красавицу Лайло.

— Ассалому алейкум, — поздоровался я с ним со всей возможной вежливостью.

— Это вы и есть Хашимджан? — спросил незнакомец, не отвечая на мое приветствие.

— Так точно.

— В таком случае я попросил бы вас открыть дверь.

— Слушаюсь.

Новый парикмахер вошел в помещение, засунув руки в карманы, стал ходить туда-сюда, заглядывая в каждый угол. При этом он продолжал насвистывать свою песенку: «О Лайло, Лайло, моя незабвенная».

— Так вот, дорогой мой молодой человек, — сказал он, перестав, наконец, свистеть. — Для начала снимите эту безобразную вывеску над дверью. Кто это такой вообще ваш Уста Акрам? Кто позволил назвать его именем целое государственное учреждение?!

— Это был мой учитель. Вот!

— А у вас есть специальное разрешение на то, чтобы назвать парикмахерскую его именем?

— Нет.

— Тогда немедленно снимите эту штуку.

— Не сниму, — сказал я тихо. У меня вдруг отчего-то запершило в горле и я чуть не заплакал.

Новый парикмахер был такой длинный, что в лестнице не нуждался: он протянул руку, легко отодрал вывеску и зашвырнул ее на крышу соседнего магазина. Затем вернулся обратно, остановился напротив преysкуранта:

— А эт-то что еще за чепуха?!

Я хотел ответить, но голос мне никак не повиновался. У меня прыгали губы, першило в горле, щипало в глазах и я не мог вымолвить ни словечка.

Новый парикмахер побросал все инструменты моего Уста бувы в картонную коробку, валяющуюся в углу, глубоко засунул руки в карманы брюк, откашлялся (я подумал было, что опять засвистит свое «О моя любимая Лайло») и заговорил. Тихо так и внушительно. Он сказал, что его сюда направило управление районными парикмахерскими, что я лично должен, не откладывая на завтра, явиться туда же, отчитаться, а потом, если хочу и дальше работать парикмахером, — пройти соответствующую комиссию.

— А теперь прошу исчезнуть отсюда, — подытожил он свою речь.

Я взял картонный ящик с инструментами своего мастера и понурился головой направился к выходу.

— Надеюсь, что вы не дадите скучать по себе, будете хоть изредка навещать нас, грешных, — сказал новый парикмахер, ехидно улыбаясь.

— Вы сами, сами вы... — начал я, но так и не смог ничего выговорить; прижав к груди картонный ящик, выбежал на улицу. До дома домчался за какие-то секунды. Потом весь день лежал в темной комнате, уткнувшись лицом в подушку, не знаю, почему: то ли боялся расплакаться, то ли от злости...

Проснулся, когда сестренка Донохон пощекотала мне пятку. Лениво потирая глаза, вышел во двор. Там, на сури, сидели моя дорогая бабушка, папа и еще какой-то незнакомый человек. Я пристально поглядел на него и попятился назад — это был наш участковый. Ну, сказал я себе, дальше, видно, дела пойдут еще хуже. Дело ясное: меня решили арестовать. Не-ет, меня не

проведешь. Сейчас вот испарюсь. Пойду как будто умываться, а там выскочу в сад, выкопаю из земли дорожную мою Волшебную шапку, которую еле-еле выпросил обратно у Акрама, — а там ищи в поле ветра! Просчитались, мои дорогие: Хашимджан вам не какой-нибудь пустоголовый олух. Его так запросто за решетку не упрячешь!

— Хашимджан, что же ты не здороваешься с гостем? — окликнул меня папа.

— Сейчас, папочка, только умоюсь.

— Иди вначале поздоровайся, невежа!

В этот миг участковый вскочил с места и, вытянув перед собой обе руки, направился ко мне.

— О-о, Хашимджан, как ты вырос, братец!

— Уж росту бог для него не пожалел, — тут же вставила бабушка. — Только дал он это ему вместе ума.

— Настоящий джигит таким и должен быть, высоким, — сказал участковый, пожимая мне руку. А я в это время лихорадочно думал: «Бежать или не бежать?»

С виду товарищ милиционер вроде бы настроен доброжелательно, решил я. (Впрочем, из какой-то книжки я знал, что преступники не имеют права называть их иначе, как «гражданином»). Надо посмотреть, что произойдет дальше, а смыться — всегда успеется.

Я присел на краешек сури. Папа и дядя... то есть гражданин участковый быстренько так, чтобы я не заметил, переглянулись.

— Да раскрой же рот, Кузы, или ты и собственного ребенка стесняешься?! — взорвалась вдруг бабушка.

Бедный мой папа! Совсем говорить не умеет — просто удивительно! Он вроде бы родился только работать, а я — языком чесать.

Папа откашлялся, сел поудобнее, потом снял тубетейку, ударил ею о ладонь левой руки и, словно не зная, что делать дальше, надел на голову.

— Ну так вот, сынок... Чаю хочешь?

— Нет, не хочется что-то.

— Вот так, сынок, ты ведь знаешь, кем я мечтал стать, когда был молодым. Я ведь тебе рассказывал.

— Вы мечтали стать милиционером.

— А почему меня не приняли в милицию, ты помнишь?

— Потому что вы были глухим.

— Не глухим, а просто плоховато слышал. А сейчас, сам знаешь, этот недуг как-то сам собой прошел. Ну так вот, ты помнишь, почему я мечтал стать милиционером?

— Потому что один милиционер спас вас от смерти, а сам умер.

— Не умер, а погиб. Погиб смертью храбрых, — вставил со стороны участковый.

— Чей портрет висит у нас дома на самом почетном месте? — продолжал допрос папа.

— Портрет покойного капитана Акрамова, — продолжал я отвечать без запинки.

На лбу папы заискрились мелкие капельки пота. Он поискал в карманах носовой платок и, не найдя, хотел вытереть лоб уголком дастархана, но бабушка тотчас подала голос:

— Хоть ты и сесть начал, Кузы, а ведешь себя, как ребенок. Оставь дастархан в покое!

— Сесть-то я начал, — не сдался папа, хотя оставил дастархан в покое, — но каково втолковать что-нибудь в башку вашего Хашимджана, вы ведь не знаете!

— Ну, не так уж он глуп!

Начиналась обычная между отцом и бабушкой дискуссия: хороший я или плохой. Если папа говорит «плохой», бабушка твердит обратное, а если бабушка говорит «плохой», то папа утверждает, что я отличный малый. Словом, подобная ситуация многим знакома, даже рассказывать неинтересно...

Куда интереснее вспомнить случай, который случился с папой лет двадцать тому назад, когда меня еще и на свете не было. Поехал он однажды в город поздней осенью. Хотел продать весь виноград, чтобы выручить побольше денег, — тогда он смог бы жениться на моей маме. Пока папа распродал виноград, стемнело, а когда выбрался из города, то уже было совсем темно, хоть глаз выколи. И тут на него налетели грабители.

— Давай сюда деньги! — заорали они.

Папа в ответ так громко завопил, что, говорят, земля затряслась, как при землетрясении. А в этот момент невдалеке проезжал милиционер на велосипеде, вез на раме свою маленькую дочку. Главное, при нем и пистолета не было. Но, несмотря на все это, он соскочил с велосипеда, прибежал и бросился на грабителей. Папа здорово обрадовался неожиданной помощи, подхватил свой мешок с покупками и — ноги в руки, километров пятьдесят в час давал. Не знаю, то ли он испугался, что отберут у него денежки, то ли побоялся, что при драке могут порвать рубашку и за это влетит ему от бабушки по первое число. Не знаю, что он там думал, но деру дал... А через шесть дней увидел в газете фотографию в черной рамке и некролог. Поняв, что этот человек — тот милиционер, который спас его, он еще раз дико заорал и стал колотить себя по голове кулаками. Потом пришел в дом покойного и заявил, что это он виноват в смерти товарища Акрамова. Но разве можно было облегчить этим горе жены и дочери капитана?.. Тогда папа направился в отделение милиции, где служил Акрамов, рассказал все как было и попросил принять его к ним на службу. В тот день ничего определенного ему не ответили, но и не отказали. Вскоре папа прошел комиссию, которая его забраквала. Из-за уха.

— Пусть я плоховато слышу, но работать смогу, — настаивал папа.

— Нет, вылечите сначала ухо, а потом приходите, — посоветовал ему начальник милиции.

...Вдоволь поспорив с бабушкой, папа снова взялся за меня. Он разъяснил мне, наконец, что все уши прожужжал нашему участковому, прося взять меня в ученики, сделать из меня милиционера.

После папы заговорил участковый. Оказывается, недавно в городе открылась средняя школа, которая готовит молодых милиционеров. Оттуда прислали письмо с печатью, в котором просят подыскать и направить в школу достойного парня, вроде меня. Наш участковый не долго думал, сразу вспомнил обо мне. Написал в школу, какой я смелый, как помог разоблачить «муллу» — жулика Янгока-кары, поймать опасного преступника Султанова. Тогда пришел вызов от начальника той самой школы, в котором говорилось: «Срочно доставить к нам того самого Хашимджана Кузыева». Наш добрый участковый сразу же поехал на поле, к папе, показал ему вызов, сказал, что надо принимать решение. «Я-то согласен, — ответил отец. — Надо уговорить бабушку и маму Хашимджана. Приходите вечером, вместе это и сделаем».

Участковый пришел к нам, когда я спал, расстроенный встречей с новым парикмахером. Меня будить не стали. Все сели в кружок и обсудили мой вопрос. Бабушка заявила: «Я согласна с тем, чтобы мой внучек пошел в милицию, чтобы он успокоил дух того хорошего человека, который отдал сбою жизнь ради моего единственного сына. Но я бы хотела, если ему доведется повстречаться с бандитами, чтобы он лучше свистел в свисток или стрелял издали из пистолета». Сестренка Донохон потребовала: «Если мой брат Хашимджан станет милиционером, то пусть он посадит в тюрьму Артыка Разноцветные глаза, который дергает меня за косички и мешает слушать уроки». А Айшахон, конечно, все это решила использовать по-своему. Она сказала: «Ур-ра, когда мой брат-милиционер уснет, я стащу его свисток и целый день буду свистеть в него!» Короче говоря, все успели надеть милицейскую форму на своего любимого внука, сына и брата, успели даже похитить его свисток, но сам будущий милиционер ничего не знал обо всем этом...

— Вот такие дела, — заключил свою речь наш добрый участковый. — Все уже что-то

решили, а как ты думаешь сам?

Вообще, здорово! Но я никак не пойму: во сне все это происходит или наяву? Что мне сейчас делать? Плакать или радоваться? Только что я был готов бежать куда глаза глядят, вновь пуститься в странствия. А теперь... Товба... Я должен стать милиционером! Что правда, то правда. Папа частенько говаривал, что в милиции работают отличные парни: смелые, отчаянные, умные. Что такие качества у меня есть, — это знают все. Но пусть, скажем, я пошел в милиционеры, а кто будет тогда парикмахером? Я же слово дал буве — никогда не бросать это благородное ремесло!.. Или можно будет найти выход: днем стричь да брить, а ночью милиционером служить?

— Ну чего молчишь, отвечай! — нетерпеливо сказал папа.

— А парикмахерская? Что с нею будет? — спросил я, вспомнив того надутого типа.

— Для доброго джигита семьдесят профессий мало иметь, — веско ответил товарищ участковый. — Цирюльничать можно и там. Милиционер всегда должен быть аккуратен...

— Ах, вот как! Когда поедем? — сразу перешел я к делу.

— Значит, ты согласен? — взволнованно вскинулся товарищ участковый.

Не менее взволнованно ждали, оказывается, моего ответа и все остальные. Вы только посмотрите, этот человек еще спрашивает, согласен ли я! Да вспомните, когда задумывался Хашимджан, выбирая себе новую профессию?! Никогда.

Я встал по стойке «смирно», поднес руку к виску и отчеканил:

— Полковник Хашимджан Кузыев готов выполнять ваши приказы!

Все, конечно, засмеялись. И от души притом. Потом подоспел плов, после него уничтожили огромный полосатый арбуз, в общем, короче, сидели за дастарханом до тех пор, пока не допили даже остывший чай. Условившись, что отправляемся завтра в девять ноль-ноль, товарищ участковый откланялся.

Вы б зидели, как крутились вокруг меня в тот вечер мои домашние! Такими заботливыми стали, прямо не говорите. Сестренка Айшахон кинулась стирать мои носки, Донохон гладила брюки, мама пекла сдобные лепешки, а папа пошел к колхозному кассиру за деньгами. Ну, а бабушка не отходила от меня ни на шаг. Когда же я наконец лег, сидела у моего изголовья до полуночи, гладила мои волосы, то и дело целовала в лоб.

— Об-бо, мой непутевый мальчишка, значит, опять ты покинешь нас? — говорила она чуть не плача.

— Покину, бабушка, — вздыхал я.

— Пиши мне почаще.

— Буду писать, бабушка.

— Не шатайся по улицам в неурочный час.

— Не буду шататься, бабушка.

— Учись прилежно, чтоб стать человеком.

— Буду стараться, бабушка.

— Не путайся там с негодными мальчишками.

— Не буду путаться, бабушка.

— Если старшие что поручат, не отказывайся. Постарайся выполнить.

— Постараюсь, бабушка.

— Если рубаха загрязнится, постирай с вечера — к утру высохнет. Не ходи грязнулей.

— Хорошо, бабушка.

— В еде себе не отказывай. Кушай побольше. Слава богу, отец твой неплохо зарабатывает, будем почаще слать тебе деньги.

— Присылайте почаще, бабушка. Но не забывайте и фруктовые посылочки слать.

— Еще бы, сыночек, мы ради вас и живем, ради детей. Главное, чтоб смерть не пришла... — И бабушка вдруг заплакала.

Я выскочил из постели, принялся успокаивать ее. Но не тут-то было. Слезы лились и лились, видно, немало их накопилось...

— Нет, вы не умрете, бувиджан, никогда не умрете! — Я обнял свою дорогую бабушку и начал целовать ее морщинистые щеки, добрые глаза, ласковые жесткие руки.

— А если умру?

— Нет, не умрете.

— Нет, умру!

— Не умрете.

— Ладно... Но знаешь, жизнь она ведь такая штука... Коли услышишь, сынок, тотчас приезжай, чтоб проводить меня в последний путь...

— Бабушка!

— Сын мой! Сыночек мой непутевый!

Вдруг откуда-то из глубин моей груди вырвался глубокий вздох и я, уж на что мужественный и стойкий, не выдержал... Мне показалось, что я вот-вот лишусь своей доброй бувиджан, готовой броситься ради меня в огонь и воду, не спать ночами, не есть-не пить, но иногда и больно шлепнуть!

— Не плачь, сынок, — принялась теперь бабушка успокаивать меня.

— Нет, я никуда не поеду, а то вы умрете! — продолжал я реветь.

— Не умру!

— Кто его знает... жизнь ведь она такая... а-а-а!

— Какая — «такая»?! Никакая она не такая! Я еще твоих детей буду нянчить!

— Зна-аю! — тянул я. — Только чур: не будете их за уши таскать?

— Буду таскать!..

Вот так мы и встретили рассвет: то я плачу, то — бабушка, то она одно твердит, то я — другое.

Наутро мы с товарищем участковым отправились в город. Потом узнал: все, кто нас видел, оказывается, искренне жалели меня. «Вот и увели бедного Хашимджана в тюрьму, — говорили люди. — Жаль парня. Правда, неважно учился, озорничал, но все-таки неплохим был человеком. И надо было ему стать цирюльником?! Хлебнет теперь горя...»

Сержант Кузыев приступает к исполнению...

Можете мне не поверить, но могу поклясться, что это правда: я даже не заметил, как пролетели все три года учебы. За это время несколько раз навещала меня в городе дорогая моя бабушка. Я тоже несколько раз ездил в кишлак. И вот пролетело три года...

Признаться, трудно сказать, кем я здесь себя больше чувствовал: курсантом милицейской школы или мастером действующей на общественных началах парикмахерской имени покойного Акрама бувы. Да, кстати, я ведь не сказал вам еще: на другой же день, как приняли меня в школу, я облюбовал небольшую каморку рядом с общежитием и превратил ее в парикмахерскую. И дощечку соответствующую прибил. Вначале я брил и стриг своих друзей и приятелей, у которых так же, как и у меня, не залеживались в кармане денежки. Потом дорогу сюда узнали наши преподаватели, начиная от лейтенантов и кончая полковниками. Поверите ли, однажды я брил даже генерала! Он инспектировал нашу школу, ну, само собой, заглянул и в общежитие. А там и «заведение» мое обнаружил. Я как раз перебирал свои инструменты. Увидев генерала, вмиг принял стойку «смирно», отдал честь:

— Курсант-парикмахер Хашимджан Кузыев!

Генерал усмехнулся.

— Вольно, — сказал он, а потом: — Скажите, курсант Кузыев, кто это такой «покойный Акрам бува»?

— Мой учитель, товарищ генерал.

— Бывший милиционер?

— Никак нет, товарищ генерал, он был парикмахером.

— У вас там написано: «Бесплатная парикмахерская». Что это значит?

— Умирая, мой учитель наказал, чтобы я никогда не гонялся за деньгами, товарищ генерал.

— Гм... И как вы бреете? — Генерал провел ладонью по подбородку.

— Можете испытать, товарищ генерал.

— Что ж, давайте рискнем...

Вы б только видели меня в те минуты! Какая легкость, точность, изящество, проворство появились в моих движениях! Безошибочно выбрал самую лучшую бритву, так наострил ее (благо, форменный ремень мне выдали, отличный), так ловко, красиво снял малейшую щетинку с лица генерала, что сам до сих пор удивляюсь! Потом я сделал клиенту легкий массаж, обрызгал духами, кое-где тронул пудрой. Закончив, снова встал смирно и коротко брссил: «Готова, товарищ генерал!»

— Молодец, Кузыев? — Он похлопал меня по плечу. — Не знаю, каким ты станешь милиционером, но парикмахером отличным ты уже стал...

Вот так. После школы наши ребята разъехались в разные концы. Меня оставили в городе, направили в распоряжение Каттасайского районного отделения милиции. Напутствуя, председатель распределительной комиссии сказал:

— Пусть они используют вас по своему усмотрению, Кузыев. Вы сможете работать в любом отделе, а впрочем, если хотите, можете брить и стричь милиционеров! Тоже дело нужное.

Я решил вначале пойти в отделение, определиться, а потом уж съездить домой, используя положенный отпуск, отдохнуть недельку-другую, повстречаться с друзьями...

В приемной начальника сидела красивая девушка, и, конечно же, красила губки, поглядывая в небольшое кругленькое зеркальце. Как ни жаль, пришлось прервать ее столь полезное занятие. Девушка исчезла за дверью, обитой дерматином, на которой красовалась табличка. «Нач. отделения Али Усманов».

— Можете заходить! — явилась секретарша и снова, как ни в чем не бывало, занялась своим искусством.

Представ перед начальником, я вытянулся в струнку, громко ударил каблуком о каблук и отпартовал по всей форме:

— Парикмахер Хашимджан Кузыев явился в ваше распоряжение!

— Что-о?! — Полковник даже привстал с места. А я прикусил язык.

— Прошу прощения, товарищ полковник, ошибся. Сержант Хашимджан Кузыев явился в ваше распоряжение.

— Вот это другое дело. Я вас слушаю.

Пробежав глазами по направлению, которое я ему подал, он не спеша вернулся на место, сел. Потом начал расспрашивать, как я учился, кто нам преподавал, откуда родом, чем занимаются родители. На это ушло почти полчаса. Потом Усманов вскрыл засургученный конверт, пухлый, как ученический портфель, тщательно изучил мое личное дело. На это тоже ушло почти полчаса. Все это время лицо его было непроницаемо, но под конец начало проясняться, проясняться, и когда начальник поднял голову, оно было прямо отечески добрым.

— Неплохо... Так в каком бы отделе вам хотелось работать?

Да, вопрос. В каком, именно? Вы, может, знаете, а, может, и не знаете, что в отделениях милиции масса всяких отделов: отдел уголовного розыска, отдел борьбы с хищениями социалистической собственности, следственный, отдел службы, автоинспекция, пожарная охрана, — э, ну, в общем, самые разные отделы. В какой-то миг даже захотелось попроситься в пожарный: каждый день готовили бы с другими пожарниками плов в складчину, кипятили бы чай в электрическом чайнике, резались в «козла»... Но вы сами знаете, какой у меня характер: долго такую жизнь я бы не вытерпел. Пожары все-таки редко бывают, а душа у меня все время горит... Так в какой же отдел мне пойти, чтобы поскорее исполнить давнюю мечту дорогого папы, совершить какое-нибудь геройство, на зависть Арифу, Закиру, Мирабиддинходже и другим друзьям?

— Что, никак не решитесь? — подал голос мой начальник.

— Меня бабушка учила семь раз отмерить, один раз отрезать, товарищ полковник.

— Значит, меряете?

— Так точно, товарищ полковник.

— Долгонько, однако, меряете, сержант.

— Нет, уже отрезал, товарищ полковник! В какой отдел найдете нужным назначить, там и буду работать.

— Вот это другое дело, товарищ сержант. Это достойный ответ. Милиционер должен быть похож на оседланного коня — всегда готов скакать, куда надо и когда надо. И скакать во всю прыть, то есть, если вернемся от коня к милиционеру, делать свое дело отлично. Ладно. Я передаю вас в распоряжение полковника Салимджана Атаджанова. Будете учиться у него. Это известнейший работник милиции нашей республики. Честный, верный, готовый жизнь отдать на благо людей, государства. Постарайтесь перенять его опыт. А там еще подумаем, в каком отделе вам окончательно осесть.

Начальник отделения нажал на кнопку. В дверях появилась секретарша.

— Попросите товарища Атаджанова.

Через минуту в комнату вошел высокого роста широкоплечий человек лет уже пятидесяти пяти. Он был без фуражки. Поздоровался за руку с Али Усмановым, кинул на меня быстрый цепкий взгляд. Я тоже всю разглядывал его: ведь теперь мне вместе с ним работать, горевать и радоваться! Слегка удлиненное лицо, шрам на левой щеке, широкий лоб с залысиной, густая седина. Сам улыбается, а глаза словно строго вопрошают: «Ну-ка, признайся честно, кто ты есть такой?» Прямо хочется вскочить и сознаться даже в несуществующих грехах. Я уже собирался это сделать, но начальник коротко представил меня и закончил:

— Товарищ Кузыев будет работать под вашим началом.

— По-видимому, вы хотите превратить мой отдел в детский сад, — усмехнулся Атаджанов.

— Да, потому что вы хороший воспитатель, — засмеялся Али Усманов.

Я молча отправился за своим новым начальником. Бай-бай-бай, ну и здоровый дядя, точно сказочный батыр. Идет по коридору — полы трещат! Ни в одну дверь не вмещается, если не пригнется.

Вошли в кабинет. Он опустил на свой стул, кивком головы приказал и мне сесть. Помолчали.

— Как тебя зовут, сынок? — заговорил он вдруг на «ты».

— Хашимджан.

— О-о, тезка моего брата! Выходит, ты один из первых выпускников новой милицейской школы? Добро, добро. Скажи-ка мне, сынок, ты сам захотел стать милиционером или кто-нибудь посоветовал?

— Да, отец посоветовал.

— А самому-то нравится эта работа?

— Нравится. Мы практику проходили...

— Это хорошо. Тогда, надеюсь, мы с тобой сработаемся. Иные ведь идут в милицию, желая покрасоваться в форме или посвистеть в свисток. Такие недолго задерживаются у нас. Ты где живешь?

— Пока что в общежитии училища. Попозже подыщу комнатку, товарищ полковник.

— Вот что, Хашимджан. Не люблю я официальщину. Зови меня просто Салимджаном-ака. В личной беседе. Но берегись, если не будешь обращаться по всей форме по службе, при рапорте... А насчет квартиры, ты прав, поживи пока в общежитии. Потом посмотрим, как быть. Есть другой вариант... Ты знаешь, в каком отделе будешь служить?

— Нет, не знаю.

— В ОБХСС. Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности. Работа у нас трудная, хлеб едим свой не зря. Хватает еще типов, то и дело норовящих запустить лапу в государственный карман. Не лыком они, жулики, шитые нынче, чуть зазеваешься — так и натянут тебе нос. Я сторонник самых крутых мер против преступников. А Али Усманович, видите ли, жаждет перевоспитать их, мягкотелость, считаю, проявляет... Ну да ладно, обо всем этом мы еще поговорим... Как бы то ни было, у милиции должна быть твердая рука.

Мое мнение о Салимджане-ака менялось в тот день несколько раз. Совсем недавно, в кабинете Усманова, признаться, он нагнал на меня достаточно страха. Потом поговорил со мной малость, и я уверовал, что в такого начальника можно даже влюбиться. А вечером Салимджан-ака так разнес одного молоденького лейтенанта, что тот, бедняга, дрожал, как котенок перед бульдогом, и я опять перетрусил не на шутку. Да-а, сложный это человек — полковник. К такому начальнику и не поймешь, как надо относиться: то ли обожать, то ли бояться... А может, просто — уважать?..

Прошло тринадцать дней, дежурства там, знакомство с инструкциями... Как-то Салимджан-ака вызвал меня к себе.

— Ну Хашимджан, пора, я думаю, и за серьезные дела приниматься. Как вы считаете?

— Пора, я считаю.

— Прочитайте вот это заявление трудящихся и принимайте соответствующие меры.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

Я взял заявление, отправился к себе в кабинет. Началось! Вот теперь попляшут всякие жулики, расхитители народного добра! Берегитесь, мошенники: сержант Хашимджан Кузыев приступает к исполнению своих служебных обязанностей!

Разнесчастный директор

Все-таки нешуточное это дело — первое задание. С одной стороны — радость распирает грудь, так и тянет пуститься в пляс; а с другой — жутко делается, как представляю, что вдруг не справлюсь с ответственным заданием. Сижу, перечитываю заявление.

«Начальнику Каттасайского Районного Отделения Милиции тов. У С М А Н О В У А. У.

От группы трудящихся, постоянно питающихся в кафе «Одно удовольствие»

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, студенты зубопротезного техникума, рабочие артели «Алюминиевые ложки и кастрюли», работники поликлиники № 43 и аптеки № 34, а также жители близлежащих улиц, постоянно питаемся в кафе № 12, которое носит название «Одно удовольствие». Мы с полным основанием могли бы изменить это название на другое, например, на такое: «Одно огорчение», потому что побывавший здесь человек получает не удовольствие от вкусных блюд, хорошего обслуживания, а одни огорчения, а также несварение желудка, ибо обслуживающий персонал кафе груб, нахален, нечист на руку в прямом и переносном смысле. О качестве пищи лучше и не говорить: недожарено, пересолено или переварено и недосолено, лагман здесь — комок теста, плов — каша, сваренная на одной воде, суп — просто жидкая водица. О том, что мяса в блюдах и под микроскопом не сыщешь, мы уж молчим. В начале этого месяца мы обращались с заявлением в городскую торговую инспекцию, после чего была произведена проверка, которая обнаружила, что 25—30 процентов продуктов, обязанных идти в котел, прямиком плывут в кошелки работников кафе. Вот теперь уж дадут жуликам по рукам, — обрадовались было мы, но не тут-то было! Виновникам вынесли по выговору и все. Если нанизать тысячу таких выговоров на нитку, как жемчуг, и повесить на шею этим типам — они и не пикнут, будут продолжать свое дело. Потому что им все равно: что выговор, что благодарность — им дай только воровать.

Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к Вам, товарищ начальник, с просьбой помочь, наконец, навести порядок в кафе № 12.

Камбаров, Касымов, Кадыров и другие».

Это заявление я взял с собой в общежитие и столько раз перечитал, что, поверите ли, выучил наизусть. Выучить-то выучил, но с какого конца подступиться к делу?.. В конце концов решил просто пойти в это самое кафе пообедать, посмотреть, правда ли так плохо готовят. Если плохо, сниму с каждого блюда контрольные пробы и доставлю в Главную городскую лабораторию для анализа.

Кафе находилось у площади Победы, на первом этаже высотного дома. Народу полно, точно у билетных касс вокзала. Для начала проверил витрины с имеющимися в меню блюдами. Все на месте. На ценниках написано: котлеты — 42 коп., лагман — 38 коп., плов — 63 коп. Ничего не скажешь — все выставлено умело, привлекательно, хоть и сыт, сразу набегают слюнки.

Прошел в буфет. Здесь орудовал квадратный парень с красным, как свекла, лицом. Со лба, с двойного загривка струйками сбегает пот, на голове торчит сломавшийся пополам белый колпак. Руки парня порхают, как птицы: одному наливают стакан вина, другому подают пирожки с рисом, третьему отвешивают конфет... И ни к чему не придерешься: продавец и покупатель взаимно вежливы.

Решил посмотреть, как работает касса. За аппаратом сидела девчонка лет семнадцати — восемнадцати, такая худущая, такая хрупкая, точно ее не кормили с тех пор, как поступила работать в это кафе. Но ее нежные пальчики работали с такой неопишуемой ловкостью, что я загляделся.

— Вам чего? — прощепетала кассирша, когда дошла моя очередь.

— Порцию лагмана.

— Хлеб берете?

— Нет.

— Тридцать восемь копеек. — Девушка протянула мне чек.

Я подал ей две монетки по двадцать копеек. Махнул рукой:

— Сдачи не надо.

Девушка положила передо мной две копейки.

— Берите свои деньги. Пригодятся.

Получив лагман, я сел в сторонке, приготовился есть. Не успел поднести первую ложку ко рту, как к моему столу подошел представительный мужчина. В одной руке он нес тарелку с котлетами, в другой — с шавлей.

— Свободно?

— Пожалуйста.

Человек сел напротив меня. Кого-то он очень напоминал мне. Кого же это? Постой, постой... Длинная лапша лагмана чуть не застряла у меня в горле: это же... это же точная копия Янгока-кары, моего «наставника» на «святом месте», которого я помогал разоблачить. Я еще раз взглянул на своего соседа. Не-ет, у Янгока-кары была длинная окладистая борода, в руках — четки, на голове — чалма с корзину величиной. Правда, я видел его и в другом обличье, когда он был чисто побрит, при галстукке и шляпе. Но ведь столько лет прошло... Нет, нет! Это другой человек. Я ошибся. И вид такой честный-пречестный...

— Тфу! — фыркнул человек, громко ударив ложкой по тарелке. — И это называется еда!

— Признаться, я тоже сижу, не могу съесть свой обед, — поднял я голову. — Не лагман, а помои.

— Просил их дать котлет, а они вроде подсунили мне подмоченные куски хлеба, — продолжал возмущаться сосед.

— А в лагмане нашинкованное мясо заменили баклажанами, — подлил я масла в огонь.

— Воруй, воруй, но знай же меру, жулик! — совсем стал выходить из себя мой сосед.

Так, слово за слово, мы перебрали косточки директору кафе, повару, даже бедную истощенную кассиршу не обошли.

— Вот вы — сотрудник милиции, — продолжал негодовать мой сосед, — скажите мне, почему не принимаются решительные меры против этих воров и хапуг?

— Почему же, мы предпринимаем...

— Нет, никаких мер вы не принимаете, — наступал собеседник. — Получите жалобу, почешете в затылке и положите под сукно. И мимо безобразий проходите, глядя в сторону.

— Нет! — вспылил я и постучал ложкой по тарелке с недоеденным лагманом. — Я и пришел сюда, чтобы прекратить это безобразие!

— Ой, что-то не верится...

— Сейчас поверите. Вот, в кармане у меня жалоба трудящихся лежит.

— Значит, будет дело?

— Будет.

— Тогда пойдемте со мной. Здесь есть тихое местечко, где можно спокойно потолковать.

Я очень обрадовался, что нашелся человек, который поможет мне. И это почти не удивило меня. Ведь я вообще такой, везучий: как возьмусь за что-нибудь, так дело само по себе катится вперед.

За общим залом кафе находилась небольшая комнатка. Мы вошли в нее и мой спутник захлопнул за собой дверь.

— Давайте вначале познакомимся: меня зовут Адылом, фамилия — Аббасов.

— Сержант Хашимджан Кузыев.

— Очень приятно, уважаемый Хашимджан. Я — самый несчастный человек на свете, дорогой, потому что я директор этого кафе.

— А?! — Я невольно вскочил с места.

— Не бойтесь, — мягко положил несчастный директор пухлую руку мне на плечо. — Я не собираюсь мешать вам выполнять свой долг. Наоборот, хочу помочь. Я, братишка, очень одинок, один против целой шайки, целой банды! Мне помощь нужна, помогите мне. Шесть

месяцев уже как я здесь директором, и все шесть месяцев я тщетно бьюсь над тем, чтоб еда наша стала вкусной. Но здесь оказались два повара, отъявленные мерзавцы и мошенники: один специалист по национальным блюдам, другой — по европейским. Оба считаются главными. У каждого по пять помощников, считайте, пять верных подручных. Говорят, где собралось десять шайтанов, там нечего делать одному ангелу. Так и я: не могу справиться с ними. Под конец не вытерпел: подговорил людей, питающихся у нас, написать жалобу в Городскую торговую инспекцию. Написали. А что толку? Разве простым выговором уймешь их?.. Товарищ сержант, могу я довериться вам полностью?

— Кому же вам доверять, как не милиции?

— Спасибо, тысячу раз вам спасибо, дорогой. Я хочу вам доложить, что те повара, о которых я говорю, ежедневно уносят отсюда по сто рублей в кармане. Помощники загребают поменьше, по двадцать пять рублей.

— Да ну-у? — не поверил я.

— Истинная правда, могу поклясться. Эти негодяи способны подкупить кого угодно. Боюсь... простите, Хашимджан, все мы люди... боюсь, как бы они и вас...

— Хашимджан Кузыев не из тех, кто продается! — резко перебил я директора, ударив кулаком по столу.

— Нет, я этого не говорил. Просто хочу предупредить, чтобы вас случайно не охмурили.

— Мы еще посмотрим, кто кого охмурит!

— Я вижу, вы — крепкий парень. Даже глаза сверкают ненавистью и отвагой. Молодой вы еще, пламенем горите, пламенем! Так слушайте дальше. После первой неудачи я снова взялся за дело, как говорится, засучив рукава. Попросил трудящихся еще раз написать жалобу. И отправить ее не куда-нибудь, а в милицию, в ОБХСС! Там-то уж, сказал я, не найдешь равнодушных людей, тем паче — взяточников! Дайте-ка мне это заявление...

Я выхватил из кармана заявление трудящихся и протянул несчастному директору. Он развернул листки и принялся читать. А я, глядя на него, думал: «Бедный, бедный Адыл-ака! Конечно, что вы могли сделать один против десяти прохиндеев, которые надуют самого шайтана?! Что ж вы, не могли сразу придти к самому Усманову и все рассказать? Но ничего, и теперь еще не поздно, ведь есть на свете я. Мы им прижмем хвосты!»

Мне захотелось сказать этому бедному, загнанному человеку какие-то теплые слова, подбодрить его, поднять дух.

— Вот этих людей я знаю хорошо, — проговорил Адыл-ака, возвращая мне жалобу. — Камбаров работает зубным врачом. Мастер своего дела, любой зуб, хоть больной, хоть здоровый, может вырвать с первого раза. Кадыров — хирург. Похож на вас: любит справедливость, честен... Ну, а теперь давайте перейдем к делу.

— Я готов.

— Когда вы думаете взять пробы с блюд для анализа?

— Я думал, завтра...

— Нет, это не годится. Пробы надо брать в субботу или воскресенье. Ибо в эти дни у всех контролирующих учреждений выходной. Именно потому в эти дни наши жулики наглеют: воруют в три-четыре раза больше, чем обычно. Как в пословице: тащи все, что можешь, пока сторож спит. Кроме того, товарищ сержант, в другой раз не допускайте такой оплошности.

— Какой оплошности?

— Вы вошли в кафе и прямо направились проверять цены блюд на витрине. Даже я тотчас догадался, с какой целью вы пришли. А повара могли заметить это гораздо раньше меня, это народ битый-стреляный. Поэтому-то я и поспешил, боясь, что они обведут вас вокруг пальца. Мой вам совет на будущее: пошлите сперва кого-нибудь взять пробу с блюд, а потом —

коршуном — и хватайте воров за руку!

— Спасибо. Учту ваши советы, — сказал я, искренне радуясь, что натолкнулся на такого благожелательного, доброго человека.

— Еще, товарищ сержант, что я хочу сказать, — продолжал директор. — Здесь заведены две книги жалоб. Одну выдают, когда люди желают писать благодарности, по ней и получают премиальные, другая — для жалоб, но ее никогда никому не показывают. Оба книги хранятся у буфетчика. Товарищ сержант, еще об одном хочу вам сказать. Только пообещайте не отказывать мне.

— Обещаю.

— Проверьте еще деятельность буфетчика! — Адыл-ака пугливо оглянулся вокруг, словно боясь, что нас кто-то может подслушать. И продолжал шепотом: — Он-то и есть главарь всей шайки! Все под меня копает, подлец, свалить хочет, ибо знает, что я всегда за честность, на стороне трудящихся. Такого жулика свет еще не видывал. И коньяк, и водка у него не натуральные. Он сна лишается, если двадцать граммов водки не разбавит восьмьюдесятью граммами воды!

— Ну и негодяй!

— Вы его еще не знаете! Хотите убедиться сами, какой это страшный человек? Тогда идите, возьмите у него два стакана водки. Если я пойду, мне он нальет неразбавленной, прощельга!

— Но ведь это как-то... водку... мне?..

— Опять хотите попасть впросак? — упрекнул меня Адыл-ака и мне стало совестно. Вмиг сбегал, купил два стакан водки у взмыленного буфетчика.

— Вот это я понимаю, вы храбрый молодой человек! — похвалил Адыл-ака. — Вот теперь выпейте один стакан, и, если ощутите хоть малейший привкус водки, — плюньте мне в лицо!

— Но я никогда ее не пил!.. — возразил я. — И потом, я ведь на службе.

Директор засмеялся, махнул рукой.

— Вот в том-то и дело, что это совсем не водка, а чистая вода.

— Да, но я все равно не могу...

— Ну, ладно, — Адыл-ака обиженно поднялся с места, направился к двери. — Я-то уж думал, что вы храбрый, умный юноша, настоящий Шерлок Холмс. Доверяя вам свои секреты, я не думал, что вы тотчас пойдете на попятный...

Мне не хотелось в самом начале расследования лишаться такого ценного помощника. Кроме того, разве мог я допустить, чтобы кто-нибудь хоть на миг, усомнился в моей храбрости, уме и смекалке?!

Одним махом я опорожнил стакан водки.

— Ну и как? — поинтересовался директор, возвращаясь назад.

В первый миг я не мог ответить, потом кое-как выдохнул из себя воздух и ответил, скривившись от отвращения:

— Гадость какая-то... Очень горькая.

— Молодец! Я не ошибся в вас. Сразу смекнули, какой гнусностью поит людей этот буфетчик. Чистую водку выпьешь — удовольствие получаешь, душой и телом отдыхаешь, а этот настоящую отраву продает, будь он проклят! Воруй, воруй, но знай же меру, несчастный! Выпейте второй стакан тоже, а то тошнить будет. От такой гадости только так и спасаются...

— Не могу, голова кружится.

— Вот потому-то и говорю вам: выпейте еще! Все сразу пройдет. Вот так. Молодец! Парень вы, оказывается, не из робких, можете с любыми трудностями справиться. Ах если бы все милиционеры были такими, как вы!

Головокружение у меня теперь и вправду немного прошло. На душе стало радостно, весело.

Я поцеловал Адыла-ака в лоб.

— Вашу бескорыстную помощь органы милиции оценят по достоинству, — заявил я. — Хотите, я вам спою?

— Погодите, дорогой, вы нам еще и спляшете, — сказал Адыл-ака и вроде бы уплыл куда-то.

Больше я ничего не помню.

Сон это или явь?

Открыв глаза, я обнаружил, что лежу в кабинете Атаджанова на диване. Видно, меня обливали водой — весь был мокрый. В комнате кроме Салимджана-ака сидели лейтенант Артыков, самый пожилой сотрудник нашего отдела, который называл меня «пареньком», капитан Карабаев из следственного отдела. Лица у всех хмурые. Что это, сон или явь? Как я очутился здесь? Куда подевался бедняга директор кафе?

Я хотел встать, поздороваться с товарищами, но голова, тяжелая, как семипудовая гиря, потянула меня обратно. На мое невнятное приветствие никто не ответил. Значит, это сон, решил я и хотел опять растянуться на диване, но Салимджан-ака вдруг заговорил, да еще как!

— Очнулся наконец?

— Очнулся, но я никак не...

— Встать! Иди, умойся под краном, потом поговорим.

Я с трудом поднялся, умылся холодной водой. В голове немного прояснилось, чуть полегчало.

— А теперь давай выкладывай по порядку, как докатился до жизни такой, — приказал полковник.

— До какой жизни? — удивился я.

— Доложи о своих безобразиях в кафе.

— Безобразиях? Каких безобразиях? — Не тяни кота за хвост!

Салимджан-ака произнес это таким грозным тоном, что я невольно вытянулся в струнку. И начал говорить. Рассказал все с самого начала, не опуская ни одной подробности, ничего не прибавляя. Мои слушатели изредка недоумевающе переглядывались, пожимали плечами. Когда я замолчал, Атаджанов кивнул Артыкову. Тот неторопливо, как бы нехотя, начал говорить:

— Часов около пяти позвонили из кафе «Одно удовольствие» и попросили пригласить к телефону товарища Атаджанова. Поскольку вас не было, я сказал, что товарищ Атаджанов отсутствует. Тогда приезжайте сами, попросил меня звонивший, ваш сотрудник сержант Кузыев дебоширит здесь, замучил нас всех, не знаем, что и делать.

Я сразу выехал на место происшествия. Прибыв, обнаружил: товарищ Кузыев валяется на диване в беспамятстве. А директор кафе вручил мне вот этот акт.

— Прочитайте, — бросил Атаджанов. Лейтенант встал с места, развернул лист бумаги и начал читать торжественно, величаво, точно оглашал окружающим мой смертный приговор.

Акт

Мы, нижеподписавшиеся, а именно: директор кафе «Одно удовольствие» Адыл Аббасов, повара Ураз Хайдаров, Карим Тургунов, буфетчик Закир Зарипов, составили этот акт в том смысле, что сержант милиции Хашимджан Кузыев пожаловал в каше кафе, потребовал, чтобы ему обставили отдельный стол и принесли поллитра водки. Осушив водку до дна, вытащил из кармана какую-от бумагу и начал кричать: «Судьба ваша — вот в этой жалобе! Дам ей ход — всех вас сомну! Но если вы дадите мне триста рублей, это дело замну». Посоветовавшись

между собой, мы решили дать сумму, которую он требует, но тут же сообщить обо всем в соответствующие органы. Получив взятку, сержант Кузыев тотчас передал нам жалобу трудящихся (жалоба прилагается к сему акту), но опять начал буянить, говоря, что продешевил, что жалоба эта стоит не триста рублей, а пятьсот...

К сему составители акта...»

— Ложь! Неправда! Клевета! — вырвался у меня отчаянный крик. — Ничего подобного я не делал!

— Успокойся, — спокойно проговорил Салимджан-ака, словно и не слышал ужасных обвинений, возведенных на меня в этой грязной бумажке. — Товарищ Артыков, я надеюсь, что, обнаружив спящего Кузыева в кабинете директора кафе, вы проверили его карманы.

— Увы, нет. Я не подумал, что он взяточник...

— Тогда исправьте свою ошибку. Проверьте сейчас.

— Слушаюсь.

Артыков ощупал вначале меня, затем мою гимнастерку, висевшую на спинке стула, и вытащил из ее кармана пачку денег. Мои глаза чуть не вылезли из орбит.

— Сосчитайте! — приказал полковник.

Поплевав на пальцы, Артыков не спеша начал считать деньги. Глядя на его руки, я сам тоже, точно боясь, что он ошибется, стал считать эти грязные, замусоленные бумажки. Раз, два, три пять, десять, двадцать, тридцать...

— Ровно триста, — объявил лейтенант вроде бы удовлетворенно, что сумма совпала...

Мне опять захотелось крикнуть «Клевета!», но я не смог издать ни звука. Оказывается, так сжал зубы, что не было сил их разжать, а про кулаки и не говорю — ногти впились в ладони. Просто окаменел, как в сказке...

— Подайте ему воды! — крикнул полковник.

Подали. Выпил. Вроде полегчало.

— Может быть, это подстроено, — проговорил полковник, как бы раздумывая вслух. — А может быть, и правда. Во всем мы, конечно, разберемся. А пока что, я считаю, мы дадим возможность сержанту отдохнуть, прийти в себя. Возражений нет? Тогда, значит, решено.

Лейтенант Артыков проводил меня в общежитие. Это был человек, немало повидавший на своем веку, и он, конечно, понимал мое состояние, потому и пытался всячески успокоить. Говорил, что работа у нас нелегкая, врагов много. Они изо всех сил стараются очернить нас, лишиться воли, заставить сложить оружие.

— Не расстраивайся, — подытожил он. — Все образуется.

Легко сказать: «Все образуется». А каково мне? Ведь вон как обвинили ни за что, ни про что! И во сне не видывал я таких штук, и на тебе — взяточник, дебошир, хулиган! Ох, этот «бедненький, разнесчастный» директоришка Аббасов Адыл, Адыл-баттал. Как плакался, а?! Как ловко подвел меня к яме и как ловко столкнул в нее! Теперь ведь никто ни за что не поверит, что я честный человек!

Мне захотелось сию же минуту подкатить к кафе «Одно удовольствие», выволочь этого «разнесчастливого» директора на улицу и всенародно отколотить.

Поразмыслив, однако, признал, что так не годится. Опять сам буду во всем виноват.

А что, если выследить его и тукнуть по башке камнем где-нибудь в безлюдном месте?.. Ну вот, совсем, кажется, с ума начал сходить: милиционер подготавливает преступление!..

Ах, где ты, моя Волшебная шапочка, дорогая моя советница и помощница, как мне тебя не хватает! Будь ты со мной, не свалилось бы на мою голову столько бед!

...Десять дней я приходил в отделение, отбывал там семь рабочих часов, шел домой, —

никаких заданий мне не давали. Казнь да и только! На одиннадцатый день собрались в кабинете Али Усмановича для рассмотрения моего дела. Насколько я понял, «разнесчастный» директор написал жалобу в Министерство, где обвинял ОБХСС в «покровительстве хулигана и взяточника — сержанта милиции Хашимджана Кузыева».

Естественно, прибыла комиссия.

Вначале выслушали меня. Я рассказал все как было. Но мне показалось, что моим словам никто не поверил. Председатель комиссии вроде даже позевывал. Потом слово дали Аббасову и тем двум поварам. Ого-го, вы бы видели, как они красиво говорили! Никогда не думал, что человеческий язык способен говорить так трогательно и так возмущенно! Обвиняя меня во всех смертных грехах, Адыл Аббасов раза два даже всплакнул. Глядя на него, мне и самому захотелось заплакать! Потом «потерпевших» попросили выйти — их миссия закончилась.

Поступило два предложения. По первому предлагалось привлечь меня к уголовной ответственности по статье сто сорок четвертой Уголовного кодекса республики за взяточничество и использование служебного положения в корыстных целях. Второе предложение: учитывая мою молодость и совершение подобного преступления впервые, ограничиться освобождением от работы в органах милиции.

— Ставлю на голосование, — объявил полковник Усманов.

— Подождите-ка, — встал Салимджан-ака. — Дайте мне тоже сказать. Мы боремся с преступниками, мы боремся с хулиганами... Работа у нас опасная, и мы неплохо справляемся с ней. Однако далеко не всегда и не вовремя умеем мы распознать ложь и клевету. Мне кажется, в данном случае тоже проявляем определенную слепоту и глухоту. В деле Хашимджана Кузыева я чувствую уверенную, мастерскую руку опытного клеветника. В последние дни я попытался установить кое-какие факты и вот что мне удалось узнать. За два года в вышестоящие организации поступило двадцать жалоб на вопиющие безобразия в кафе «Одно удовольствие». Но странное дело: все эти двадцать жалоб по тем или иным мотивам признаны необоснованными. То есть, если сравнить каждую жалобу трудящихся с выстрелом, то все двадцать выстрелов оказались холостыми. Появилась двадцать первая жалоба, разобраться в которой было поручено сержанту Хашимджану Кузыеву. Чем все это кончилось, вы знаете сами... Тут есть доля и моей вины. Я должен был знать, что случай здесь не рядовой, а отправил туда новичка.

Товарищи! Я не могу согласиться ни с одним из поступивших предложений, а требую сначала расследовать все стороны этого дела и лишь потом выносить какое-либо решение.

Большинство присутствующих поддержало Салимджана-ака.

Из кабинета начальника отделения я вышел немного воспрянув духом. «Слава богу, — думал я, — хороших людей на свете все же, оказывается, больше, чем плохих. Отныне я тоже буду стремиться ответить добром на добро...»

В коридоре столкнулся лицом к лицу с «невинным» директором и квадратным буфетчиком. Видно, стояли, дожидались, чем окончится собрание. Проходя между ними, я сделал вид, что споткнулся, и правым локтем довольно сильно ударил несчастного директора под ложечку, он аж ойкнул от боли, а левый локоть проехался по студенистому расплзшемуся животу буфетчика. Все это нечаянно, как вы понимаете.

— Извините, — сказал я, — обе книги жалоб находятся у буфетчика. В одну записываются только благодарности, в другую — только жалобы.

И дальше пошел по коридору, крепко печатая шаг: мы с вами еще встретимся, достопочтенные клеветники и хапуги. Подождите!

Вернулся в общежитие. Но не знал, куда себя девать — на душе все-таки скребли кошки. Вытащил из шкафа новенький костюм, подаренный бабушкой ко дню выпуска из милицейской

школы (костюм она купила на деньги, вырученные за сушеный персик), оделся, вышел на улицу. Думал, зайду куда-нибудь, поужинаю. Есть, однако, не хотелось. Решил сходить в кино. Странно, и здесь не развеялось паршивое настроение. Вообще я, как вы знаете, чудной человек. Иногда, если плохое настроение, мне помогает песня. Но в городе, сами знаете, на улицах не распоешься: бог весть что еще подумают. То ли дело в кишлаке: приложишь ладонь ко рту, грянешь во всю мочь какую-нибудь молоденькую песню — и все печали как рукой сняло! А тут, значит, остается одно — просто гулять.

Я бродил по улицам города до полуночи. Вспомнил Вакира. Он работает сейчас скотником на ферме. Как бы не уснул и не растерял своих коров, подумалось мне. И Мирабиддинходжа, молодец парень, нашел-таки свое место — в политехнический поступил, человеком станет.

Я шел по темной, неосвещенной улице. Как забрел сюда, сам не помню. Вдруг откуда-то послышался женский голос, который вроде бы выкрикнул: «На помощь! Помогите!» Крик шел откуда-то справа, где находился обрыв. Я пошел на голос, но не очень уверенно: «Быть может, в таком состоянии мне просто померещилось?»

— Вайдод, спасите! — раздалось снова.

На сей раз я точно определил, откуда шел голос: из-за чернеющей впереди чинары. В несколько прыжков я оказался там. Ну и гады! Четыре здоровых балбеса окружили маленькую, хрупкую девушку. Ограбить, видно, собрались! Вот и пробил твой час, Хашимджан, теперь ты должен показать себя! Не бойся, смело вперед! Сейчас ты смоешь с себя всю эту грязь, которой тебя облили. Пусть все узнают, какой ты честный, смелый человек. Ты не взяточник и не простоватый олух, а храбрый милиционер. Сегодня ты отомстишь и за любимого отца. Да, твой отец, молчаливый, скромный человек, которому иногда попадает даже от мамы, будет гордиться тобой! Смело вперед!

— В чем дело? Что тут происходит?

— Вот эти... пристали... — плача, пожаловалась девушка.

— Сейчас же отпустите ее! — крикнул я, хватая девушку за руку, чтобы вытащить ее из круга. Но почему-то она сама сильно потянула меня к себе. И я сам оказался в кругу.

— Снимай костюм! — холодно приказала только что плакавшая девушка. Вот тебе и пострадавшая!

— Да ты что? Чего ты орала тогда?.. — Я задрожал от негодования. Не знаю, быть может, от страха задрожал, но задрожал сильно, ноги стали ватными.

— Если орут, так, значит, ты обязательно должен сунуться, болван! — засмеялась девушка мне в лицо. — А ну, скидывай костюм!

Меня окружали четверо здоровенных детей, в руке каждого — не соврать — нож с полметра длиной. Выходит, они заодно с девицей. Она служила приманкой, чтобы завлекать простаков, вроде меня, в ловушку. Драться? С двумя типами я бы как-нибудь уж справился. Но ведь их четверо! И у всех ножи. Нет, будь что будет: так просто я не сдамся. Убьют — и ладно, зараз избавлюсь от всех бед.

Делая вид, что собираюсь снять пиджак, я слегка подался назад и изо всей силы ударил ногой в живот бандита, стоявшего напротив. Завязалась драка. Пять человек — это все-таки пять человек (ведь этим четверым помогала и девица): они вскоре прижали меня к земле, воткнули в рот кляп, сняли костюм, ботинки. Я остался в одних трусах и носках, хорошо еще удостоверение служебное в общежитии оставил...

Костюм — ладно. Бабушка засушит еще персиков, продаст на рынке и купит другой костюм. Но авторитет мой?! Ведь его не купить за деньги, даже заработанные честным, кропотливым трудом. Как пережить еще и этот позор?!

В сумасшедшем доме

Я кое-как поднялся, отряхнулся и глубоко задумался. Куда теперь денусь? Как доберусь до общежития?

Меня начало охватывать отчаяние. В одних трусах по городу не потопашешь. Нормальные люди так не ходят. Над тобой будут или смеяться, или признают сумасшедшим. Станут жалеть. Лучше, конечно, пусть жалеют, чем смеются. А может, кричать, звать на помощь?! Но это недостойно милиционера: вместо того, чтобы защищать людей, дал ограбить себя. Хорош милиционер! Нет, ни за что не опозорю еще раз свое звание...

А что если побегу домой дворами, придерживаясь темных закоулков? Нет, это тоже не годится: все будут принимать за вора или бандита, поймают и продержат до завтра в каком-нибудь сарае или сыром подвале. Лучше всего, конечно, первый вариант — притвориться сумасшедшим: никто ничего не скажет, все будут жалеть.

Решившись, я вышел на самую середину дороги и зашагал строевым шагом, широко размахивая руками. На сигналы машин не обращаю никакого внимания. Иные водители осторожно объезжают меня, словно понимая, что человек сошел с ума. Другие злятся:

— Эй, оглох что ли?

Третьи шутят:

— Давай, парень, давай топай, еще далеко идти!

Однако вскоре ко мне привязалась машина, которая и не думала объезжать меня. И я, конечно, не собирался уступать ей дорогу. Вначале она давала длинные гудки, потом остановилась, уткнувшись бампером в мои голые икры. Это был желтый «УАЗ» с красной продольной полосой по бокам. Из него вышли два милиционера: один сверхдлинный и худой, другой — коротенький и толстый. Они, видно, специально так подобрались, чтобы смешить людей, как Тарапунька и Штепсель.

— Далеко собрались, гражданин? — поинтересовался длинный.

— На рынок. За дынями, — ответил я, стараясь не оборачиваться.

— Вот как? — вроде бы удивился толстяк.

— Вражьи войска беспорядочно отступают, вперед! — скомандовал я, продолжая свой путь.

— Пойдите, — длинный взял меня за локоть.

— Не трогайте, а то взорвусь, я — бомба! — припугнул я.

Коротышка дернул напарника за рукав:

— Оставь ты его в покое, не видишь, настоящий сумасшедший.

На что длинный ответил:

— У тебя сколько-нибудь жалости есть вообще?! А что будет, если машина наедет на беднягу? Такой молоденький парнишка и на брата моего младшего похож... Может, он из клиники удрал и все его ищут?

Коротышка взмолился:

— Но мы ведь опаздываем в отделение!

— Все равно, — возразил длинный. — Я его так не брошу, совесть не позволяет.

И, дважды шагнув, нагнал меня.

— Слушай, братишка, как тебя зовут? — Он произнес эти слова таким заботливым голосом, что я чуть не ответил: «Хашим». Но взял себя в руки — надо же играть свою роль!

— Зовут Наполеоном.

— Хорошо. А фамилия?

— Бонапарт.

— Хорошо, отлично! Вот и познакомились. А не скажете ли, ваше величество, куда так

спешите?

— Завоевать Европу! А потом Индию...

— Ну, ну. Это дело.

Нет, не мог я продолжать в том же духе. Сколько ни трепался, этот мягкосердечный милиционер все больше жалел меня. Чувствую, не в силах дальше морочить голову хорошему человеку. Остановился, повернулся к милиционеру.

— Простите, товарищ сержант, я не сумасшедший.

— А кто вам говорит, гражданин, что вы сумасшедший?

— Если вы мне верите, у меня к вам просьба.

— Конечно, верю. Просите.

— Если вас не затруднит, отвезли бы меня в общежитие. Ведь неприлично в таком виде по городу шляться.

— Вы правы. Очень неприлично. Прошу в машину.

Длинный милиционер даже помог мне забраться в УАЗ. Потом они сели по бокам, сильно прижав меня.

— Трогай! — крикнул коротышка водителю.

— Куда ехать-то?

— В психиатрическую.

— В дом сумасшедших?! — попытался было я вскочить с места, но оба милиционера ловко перехватили меня, усадили обратно, точно приколотили гвоздями. Я не мог даже пошевелинуться.

— Не беспокойся, братишка, — сказал длинный сердечным, успокаивающим голосом. — Мы отвезем тебя домой. Только скажи, где живешь.

— Я живу в общежитии милиционеров.

— Опять началось... — с беспокойством произнес толстяк.

— Не верите? Могу сказать больше: я сам служу в милиции. Сержант Хашимджан Кузыев.

— А может быть, вы полковник? — пошутил коротышка.

Я решил тоже ответить шуткой:

— Пока нет, но буду и генералом.

Долго еще после этого старался я доказать свою нормальность. Назвал имена коллег, начальников, но никак не мог признаться, почему оказался ночью на улице чуть не в голем виде: боялся прослыть трусом.

— Сегодня убежали? — только и отреагировал на все это длинный.

— Откуда?

— Ну из больницы этой.

— Я же говорю вам, что не болен. Только...

— Что — только?..

Я решился:

— Только сегодня вот на грабителей нарвался — хоть верьте, хоть нет — они раздели меня. Эта чистейшая правда.

— Не бойтесь, я все объясню вашему лечащему врачу, чтобы у вас не было неприятностей. В конце концов, вы ничего плохого не совершили: не дебоширили, не били стекол. Просто вышли прогуляться по городу, подышать свежим воздухом. Разве не так? — голос его звучал мягко, заботливо.

— В общем-то так: я вышел погулять.

— Вот это другое дело. Наконец-то признались...

— Но я не сумасшедший.

— А я разве утверждаю, что сумасшедший? Вы здоровы, вполне здоровы.

— Если здоров, то отпустите меня!

— Не кричи! — прикрикнул сердито коротышка, который задремал, прижавшись ко мне, а теперь очнулся.

Опять все полетело вверх тормашками. Сам накликал беду на свою голову. Уподобился тому лжецу, у которого сгорел дом. Не знаю, читали вы эту притчу или нет, но я прочитал ее еще в четвертом классе и помню до сих пор. Она вот о чем: жил-был человек и вот он однажды решил испытать, насколько может положиться на своих соседей. Начал кричать: «Пожар! Помогите!», хотя никакого пожара не было и в помине. Прибежали соседи, глядят — все тихо-спокойно! А лжец пояснил, что пошутил. Обиженные люди разошлись. Но на другой день дом того человека загорелся вправду. Забрался лжец на крышу, кричит, плачет, призывая на помощь, а никто не идет. Все думали, что он опять их разыгрывает. Так и сгорел дом того человека. И я похож сейчас на него. Что бы я ни говорил, все равно не поверят. Точка. Хашимджан Кузыев сумасшедший. И никуда теперь не денешься. А раз так, почему не повеселиться еще немного? Если усыпить бдительность провожатых, кто знает, возможно, удастся убежать у самых ворот больницы.

— Хотите спляшу вам? — предложил я.

— Ну-у, вы и плясать умеете?

— Неподражаемо. Все танцы. Но особенно «Андижанскую польку».

— Пока не надо. Мы обязательно приедем посмотреть, как вы пляшете. А вот и дом ваш.

Приехали.

Машина остановилась у железных ворот. Над ними аршинными буквами написано «Городская психиатрическая лечебница». Надпись освещалась яркими лампочками.

Створки ворот бесшумно разъехались в стороны, машина въехала на территорию больницы. Тут же подошла женщина в белом халате.

— Выходи! — приказал толстяк.

Я шагнул к выходу и вдруг взвыл не своим голосом:

— Ой-ой, нога!

— В чем дело?

— На ногу наступили, я же в носках, а вы в сапогах.

Милиционер-коротышка сердобольно нагнул, чтобы посмотреть, не повредил ли мне чего. А я перепрыгнул через толстяка и бросился в темноту...

Так мы целый час играли в прятки. На территории больницы сад — больше гектара, здорово мы там набегались. Трое-то не смогли бы меня поймать, но им подоспела подмога: два врача, два сторожа. И пять таких же, как я, сумасшедших. Особенно один из них — парнишка моих лет — здорово досаждал мне: бегал, точно гончая собака, издавая вопли, точно участник козлодрания. Он-то и доконал меня. Пришлось сдаваться. А еще свой!.. Меня тотчас окружили, ввели в приемную, уложили на жесткий деревянный диван, покрытый простыней. Четверо взяли за руки, ноги. Как я ни брыкался, кто-то спустил мне трусы и — какой стыд! Симпатичная девушка, примерно одного возраста с моей сестренкой Айшахон, с алым, как яблоко, лицом, вонзила что-то острое в мягкое место. Тут мне все стало безразлично, и я уснул крепким здоровым сном.

Крылатые люди

Не знаю, когда я проснулся: на другой день или через день, а может быть, и через неделю. Проснулся я, открыл глаза и не пойму, сколько времени, где нахожусь... В комнате горит

ровный голубоватый свет, стоят четыре койки. В проходе, на самой середине комнаты, стоит человек. Он застыл, как статуя, уставившись в потолок. На стенах висят картины. На одной изображено море, голубые волны бьются о берег, на котором растут зеленые ели. В синем небе порхают птицы... На другой картине — долина между двух отрогов гор, вернее, не долина, а целое море тюльпанов. На них льются алые лучи солнца, поднимающегося из-за скал: вся долина пылает алым пламенем. Девочка лет десяти-двенадцати собирает цветы. Глядя на эту картину, я почему-то почувствовал себя легко-легко, и захотелось мне оказаться там, в этой долине, рядом с девочкой, бегать с ней вперегонки и собирать тюльпаны, громко смеяться и радостно кричать. «Неужели я в доме умалишенных? — подумалось. — А может, я попал на курорт?» Где-то неподалеку слышны крики...

Человек, застывший, как статуя, посреди комнаты, все еще продолжал стоять. Мне показалось, что он даже похрапывает потихоньку.

Шум снаружи, который, по-видимому, и разбудил меня, усилился. Завернувшись в простыню, я поспешил туда.

Под большой чинарой лежали человек шесть, на ветвях чинары тоже были люди. Только эти висели: кто зацепился за сук рубахой, кто — пижамными штанами. Висят себе, как переспелые груши, а врачи и сестры носятся вокруг, просят, увещевают. Кто тащит лестницу, кто бежит с одеялом.

— Ой, вы уже проснулись?

Обернулся, смотрю — та молоденькая девушка, которая сделала мне укол. Стоит, улыбается.

— Проснулся, — растянул я тоже рот в улыбке.

— Как себя чувствуете?

— Здоров, как бык. Долго я спал?

— Да не очень. Сутки всего.

— Ох-х, хорошо выспался. А что здесь происходит?

— И не спрашивайте. Настоящая трагедия разыгралась! — Лицо девушки сразу погрузнело, из глаз чуть не полились слезы. — Идемте в палату. Врачи заметят — обоим влетит.

— Нет, давайте узнаем сначала, что тут происходит.

— Нет, нет, пойдемте.

...Что случилось, я узнал наутро. В четырнадцатой палате (у меня десятая) обитали десять человек, которые страдают недугом уже года два-три. И вот, видно, им всем надоело находиться здесь и они решили бежать. Больной по имени Талиб тщательно разработал план побега. Он заявил, что они должны сначала смастерить себе крылья и вылететь отсюда курсом прямо на луну, там откроют кондитерский магазин, где будут продавать только бублики. Каждый больной соорудил себе из простыней легкие изящные крылья, а из одеял — хвосты. Перед сном Талиб проверил готовность своих товарищей к полету и предупредил, что вылет состоится сразу же, как только на небе появится самая яркая звезда. Она и будет служить ориентиром в полете.

Когда дежурный врач уснул, они бесшумно взобрались на чинару и стали дожидаться старта. Наконец на небе появилась самая яркая звезда.

— В полет! — скомандовал Талиб.

«Птицы» рванулись ввысь. Семеро тут же шлепнулись оземь, трое повисли на суках. К счастью, чинара находилась недалеко от водопроводного крана, который постоянно увлажнял землю под деревом — никто из упавших не пострадал серьезно...

Так о чем я рассказывал? Да, о том, что медсестра заставила меня вернуться в палату. Ну я и

вернулся. Правда, с ней вместе. Там я указал на все еще стоящего человека.

— Чего это он?..

— Не удивляйтесь: он спит стоя.

— А почему?

— Боится. Говорит, если ляжет, во время сна ему в рот змея вползет... Вы, наверно, голодны?

— Еще как!

— У меня осталось немного патира, хотите?

— Ох, если бы к лепешечке и пиалку чая... — сказал я, слегка смущаясь.

— Одевайтесь и идемте за мной.

Вошли в дежурку. Девушка подала патир, оставшийся от ее ужина, чай в малюсеньком термосе, апельсин и кусочек шоколада. Видно, здорово я проголодался: в один миг все умял подчистую. Сестричка сидела в сторонке, наблюдала за мной. Поев, я поблагодарил и хотел немного поболтать с ней, но она приказала идти спать.

— Вы проснулись раньше, чем полагается.

Я пошел, лег на место. Тот человек все еще стоял. Интересно, не устал он? Трудно приходится бедному, ведь так он упасть может!

Вскоре я уснул. Вначале приснился мне Закир. Будто бы он верхом на воле пасет коров. Спина вола была до того широка, что на одном участке я собрался построить себе парикмахерскую. Потом видел Мирабиддинходжу. Почему-то он надел себе на голову огромный кувшин. Когда я спросил, зачем, он ответил: «Ребята житья не дают, все по голове щелкают. Если теперь будут бить, то по кувшину, а голова ничуть не пострадает».

Приснилась мне и мама. Я долго не навещал их, и вот она, оказывается, приехала, устроилась доктором в психбольницу, где я лежу, и ухаживает за мной.

— Мама, мамочка, дорогая! — закричала я и от собственного крика проснулся.

Нет, не во сне, наяву сидела у моей кровати... женщина, очень похожая на мою маму. На голове шапочка, похожая на пельмешку. В белом халате. От моего крика она вскочила на ноги, на всякий случай отбежала к двери. Я удивленно глянул на нее: чего пугается, я ведь не кусаюсь?

— Проснулись, уважаемый гость? — спросила она, на всякий случай держась за ручку двери. — Идите умойтесь, пора ужинать.

Вот как — гость! Действительно, здесь прямо курорт и можно бы отдохнуть после всех треволнений...

Но я тут же отогнал эту предательскую мысль: во что бы то ни стало — скорее на волю, там ждет меня много дел...

Потом я узнал: это была мой лечащий врач Фатима Салахиддиновна. Меня пригласили в ее кабинет после ужина. Видно, не зря я принял ее за маму. Она была добра и заботлива, как любящая мать. Почти целый час беседовали мы с ней. Она не морочила мне голову разными пустыми вопросами и не писала всякие научные слова в больничную карту. Спросила только, откуда я родом, сколько детей у нас в семье, чем болели родители, чего больше всего боюсь и что очень люблю. Под конец взяла для анализа несколько капель крови, несколько капель слюны и сделала рентгеновский снимок мозга. Думаю, ей редко попадались такие замечательные снимки!

— Я вас очень прошу, тетушка, только побыстрее выписывайте меня, — попросил я уходя. — Вы же видите, здоров я.

— Я тоже так думаю. Почти уверена, что вы не больны, — успокоила меня Фатима Салахиддиновна. — Через день-два выпишем.

Когда вернулся в палату, моим глазам представилось удивительное зрелище: соседи мои по палате устроили настоящий концерт! Человек, спящий стоя, был, видимо, прирожденным дойристом: сейчас он с великим мастерством играл на своей тубетейке мелодию «Вахай бала». Пожилой больной, который спит у двери, лихо плясал, щелкая пальцами и поминутно раскланиваясь перед несуществующими зрителями. Косоглазый парень стучал алюминиевой чашкой по спинке койки и во весь голос пел:

Завмагу дочь свою не отдавай, вахай бала!
Растратчик он и негодяй, вахай бала!

Признаться, неприятности последних дней заставили меня забыть, что есть на свете песни, смех, шутки. Долго не раздумывая, я раскинул руки и тоже пустился в пляс. Но мне помешал человек, спящий стоя.

— Беги, змея ползет! — крикнул он и в один прыжок выскочил в коридор. Пожилой больной, спящий у двери, юркнул на свою койку и с головой укрылся одеялом. Косоглазый парень застыл на месте, уставившись в одну точку. Так он сидел с полчаса, потом вдруг обернулся ко мне и спросил:

- Как тебя зовут?
- Хашимджан.
- Ты не похож на больного.
- Точно, я не больной.
- А чего тогда ты здесь?
- Привезли по ошибке.
- Хочешь яблоко?
- Давай.

Парень достал из тумбочки два яблока, кинул их на мою койку, потом наклонился к моему уху:

- Тебе можно верить?
- Конечно.
- Не продашь?
- Нет.

— Тогда слушай. — Парень воровато оглянулся по сторонам, потом горячо зашептал: — Здание этой больницы строил мой отец. На потолке одной из комнат, под фанерой, он спрятал мешочек золота. Умирая, отец открыл мне свою тайну. Для того я и в больнице, чтобы найти и унести это золото.

- Откуда вы знаете, что золото спрятано именно в этой комнате?
- Другие я уже проверил.
- Не оказалось?
- Нет.
- Значит, золото здесь?
- Да, в этой комнате.
- А что вы сделаете с золотом, если найдете его?
- Скажу, если не предашь.
- Говори же — не предам!
- Вдвоем мы с тобой убежим в Афганистан.
- А что мы там будем делать?
- Построим автомобильный завод. Станем миллионерами.

— Не хочу быть миллионером, не хочу бежать.

— Убежишь.

— Нет, не хочу.

— Ах вот как!!!

Парень вскочил, схватил меня за ворот и начал душить, так что я аж захрипел. Я собрал все силы и вырвался из рук душителя, оставив ему клочки моей рубахи. Но он опять пошел на меня, изготавившись к прыжку. Я разбежался и ударил его головой в грудь, он кувыркнулся и упал на свою койку. Полежал малость и вдруг давай хохотать!

— Дурак ты, я ведь пошутил!

— Сам ты дурак.

— Но, Хашим, ты меня не выдашь?

— Сказал же, не выдам.

— Поможешь разыскать золото?

— Нет!

— Ладно, мне больше останется. Хочешь яблоко?

— Ешь сам! — Я набросил халат на плечи и вышел в коридор. Очень нужно мне: даст пару яблок и тут же кинется душить! А золото свое пускай сам ищет.

Но поклонник «желтого дьявола» не осуществил своего намерения. Вечером в палате появились два элегантных лейтенанта из угрозыска, велели ему переодеться в свою одежду и увели. Минут через десять пожилой больной, койка которого стояла у двери, попрощался со мной за руку и тоже ушел. Я всю ночь не сомкнул глаз: все думал, желая разгадать, за что же забрали косоглазого, почему так поспешно выписался пожилой человек. Я чувствовал, что между этими двумя событиями есть какая-то связь, но не мог точно сказать, какая. Все стало ясно на другой день. Фарида, так звали медсестру, похожую на мою Айшахон, утром вдруг появилась в моей палате с кастрюлькой, завернутой в полотенце, и смущенно сказала:

— Это вам. Пельмени принесла.

— Да вы что? — вскинулся я.

Она даже отшатнулась.

— Я так... просто... — залепетала девушка, потупясь и медленно краснея.

— Но откуда вы узнали, что я люблю пельмени?

— Ой, это правда?! — обрадовалась Фарида.

— Ничего я не люблю так, как пельмени. Когда мама собиралась вечером приготовить пельмени, то я начинал с утра петь.

— А у меня папа любит пельмени.

— Значит, мы с тестем похожи друг на друга!

Довольный своей шуткой, я загоготал на всю палату.

Фарида осталась серьезной, словно и не слышала моих слов.

— Откуда вы родом, Хашимджан?

— Из Ферганской долины.

— Вы здесь учитесь?

— Нет. Работаю в милиции.

— Я вижу, ваша палата стала чисто милицейской.

— Это почему же?! — опять вскинулся я.

— Ариф-ака, который лежал тут у дверей, тоже, оказывается, из милиции.

И Фарида открыла мне тайну, над которой я ломал голову всю ночь.

Косоглазого парня звали Алимом. Это, оказывается, известный рецидивист, отъявленный мошенник. Он трижды сидел в тюрьме, а по освобождении справлял себе новую трудовую

книжку и «чистеньким» начинал работу. В последний раз ему удалось устроиться завскладом на крупный винзавод, где тотчас сколотил шайку и начал сбывать на стороне вино, водку и спирт. Он умел влазить людям в душу, поэтому разыскал мягкосердечного врача, которому внушил, что является душевнобольным. Тот вписал ему в больничную карту, что он страдает вот уже более пяти лет. Когда украденная сумма достигла солидной цифры, Алим с помощью того же грача лег в психбольницу. Но милиция следила за его фокусами давно. Поэтому управление милиции «вселило» в одну палату вместе с косоглазым своего сотрудника Ариф-Асамова. Тому предстояло выяснить, вправду ли косоглазый Алим подвержен душевному заболеванию, с кем он общается, каковы его намерения. Ариф-ака Асамов сам почти полгода притворялся сумасшедшим, чтобы досконально изучить преступника и его связи. Бред коегоглазого про золото был всего лишь навсегда ловко придуманной ширмой.

— Откуда вы все это узнали? — удивился я.

— Фатима Салахиддиновна рассказала, — пояснила она, осторожно оглянувшись вокруг. — Она думает, что вы тоже здесь с каким-нибудь таким заданием.

— Ну-у... — протянул я неопределенно и пожал плечами.

— Понимаю, понимаю — это тайна! Я просто диву даюсь, какие это волевые люди — милиционеры! — воскликнула Фарида. — Ариф-ака, например, чтобы никто не заподозрил, что он здоровый и нормальный человек, полгода твердил, что он лошадь, да не какая-нибудь, а чистокровный карабир. Полгода бегал по палатам и коридору на четвереньках, ржал, лягался... Мне кажется, вы тоже сильный, волевой человек.

— Да, нелегко каждый день уплетать целую кастрюлю пельменей! — решил я все обратить в шутку. Но ответа услышать мне не удалось. В палату вошла с узелком в руке Фатима Салахиддиновна.

— Товарищ Кузыев, вам надлежит одеться и пойти в кабинет главврача. — Она подала мне узелок и вышла.

Я развернул шуршащую бумагу — о, чудо! — новый костюм, новая модная рубашка, новые туфли, новая тюбетейка, новая майка, новенькие носки, — все, все новое!

— В чем дело, Хашим-ака? — испуганно спросила Фарида.

— Идите тоже переоденьтесь, едем в ЗАГС, — деловито приказал я.

— Да ну вас! — смутилась девушка и выбежала из палаты.

Быстренько одевшись, я ринулся в кабинет главного врача. Это наверняка заявила моя любимая матушка или бабушка, или все вместе. Родные мои! Не зря, значит, я видел вас во сне. Сейчас я вас обниму, расцелую! Ничего не видя от восторга, влетел в кабинет и оторопел: передо мной стоял, улыбаясь, Салимджак-ака Атаджанов, мой начальник.

— Ага, вот и наш сумасшедший, — сказал он. — Иди, давай обнимемся. О-о, молодцом, молодцом. А теперь поздоровайся с Суратом-ака. Узнаешь его? То-то. А он приехал извиниться перед тобой. Если бы не он, то я, наверное, до сих пор был бы уверен, что ты скрылся, боясь ответственности...

В глубине кабинета возвышалась фигура длинного милиционера, того самого, которому я был обязан своим водворением в психбольницу — и освобождением из нее. Он сидел рядом с главврачом и смущенно улыбался. Я подошел и крепко пожал ему руку. Сурат-ака вздохнул облегченно, подал мне пиалу чая, который ему налил главный врач. Когда я опорожнил пиалу, он вдруг спросил:

— Ну что, поехали?

— Куда? — испугался я по привычке.

— Завоевывать Европу! — засмеялся Сурат-ака.

Я замахал руками:

- Нет, не поеду!
- Почему?
- С меня хватит и того, что завоевал психбольницу! — ответил я под общий хохот.

В гостях у полковника

Как видите, дела мои опять пошли на лад. Мне всегда везет: попался же вот такой добрый конвоир, как Сурат-ака!.. Сдав меня в лечебницу, он не успокоился, три дня терзал себе душу: «А вдруг этого парня в самом деле ограбили бандиты? А вдруг он в самом деле работник милиции?!» И сегодня утром, наконец, не выдержал, зашел к моему начальнику и прямо спросил, работает ли у него такой-то.

— Работает, — ответил Атаджанов. — Только его сутки ни на службе, ни в общежитии нет.

— А как он, того... ничего был? — Сурат-ака покрутил пальцем у виска.

— Да нет, нормальный парень. А почему — был? Что случилось?

Узнав, где я нахожусь, он тотчас выехал за мной.

...Когда мы доехали до моста через реку, Сурат-ака попросил остановить машину. Ему, оказывается, за сыном идти в детсад.

— Товарищ Кузыев, еще раз прошу прощения! — сказал он, пожимая мне руку.

— Я тоже благодарю вас, товарищ лейтенант! — ответил Салимджан-ака вместо меня. — Вы хороший человек и настоящий милиционер!

Некоторое время мы продолжали путь молча. Наша черная «Волга» летела вперед, легко обгоняя другие машины.

— Это правда, что на тебя напали? — произнес, наконец, Салимджан-ака.

— Правда, — ответил я, вздохнув.

— И что же ты, сказали «раздевайся» — взял и разделся?

— Нет, я дрался...

— Это неплохо. Настоящий милиционер не сдается.

— Их было пять человек, а то бы я им показал!

— Пять? — переспросил полковник. — Случайно, женщины с ними не было?

— Так я ведь попал в засаду именно из-за этой женщины! Она звала на помощь, и я хотел помочь ей.

— Значит, за эту неделю они ограбили двоих, включая и тебя. Мне кажется, это гастролеры... Таких у нас еще не было. Но ничего, сколько веревочке ни виться... Слушай парень, — обратился Салимджан-ака к водителю, — гони прямо ко мне домой.

И полковник замолчал, откинув голову на спинку сиденья и устало закрыв глаза. Кто знает, о чем он сейчас думает? Возможно, строит планы, как изловить банду гастролеров, а быть может, думает о таких вещах, о которых я и не подозреваю...

«Волга» свернула на узкую, покрытую гравием улицу и остановилась, дернувшись, у неказистых зеленых ворот с выцветшей краской. Полковник открыл глаза и кивком головы велел мне выходить. Потом обратился к водителю:

— Завтра приезжай к семи ноль-ноль. Если опять проспичь, сам проколю твой талон. — И, желая показать, что это шутка, улыбнулся.

Мы долго, по очереди, нажимали на кнопку звонка, где-то раздавались трели, но никто не откликнулся. Наконец одна створка ворот приоткрылась и перед нами предстала круглолицая женщина лет сорока пяти. Сказав, что доила корову, потому не услышала звонков, приветливо поздоровалась со мной.

Я шагнул за ворота и остановился. Дворик был небольшой, около восьми соток. Ни единого

деревца. Но роз здесь было видимо-невидимо: если скажу, что тысячи две кустов, наверное, совру, но тысячи полторы было точно. От них стоял такой аромат, что кружилась голова.

— Вот это и есть хижина полковника Атаджанова, — сказал посмеиваясь Салимджан-ака.

— А роз-то у вас! Какие цвета, какие сорта!

— Нужно умыться, переодеться. О цветах еще наговоримся.

В этот момент калитка в заборе, разделяющем двор Салимджана-ака с соседним, с треском растворилась и из нее выбежали пятеро детишек. Впереди несся мальчик лет семи с рыжими волосами, а шествие замыкала девочка лет двух, похожая на куклу. Полковник поочередно обнял их всех, раздал по шоколадке. Потом громко крикнул, обернувшись к забору:

— Бахрам, а ты чего не идешь?

Из соседнего двора донесся тоненький голосок:

— Я без штанишек!

— Ну, брат, на тебя не напасешься! — засмеялся Салимджан-ака. — Я же тебе на днях купил штаны?

— А они мокрые.

Салимджан-ака передал шоколадку для невидимки Бахрама одному из сорванцов.

— Соседские малыши, — пояснил полковник. — Представляешь, одиннадцать детей у них! Сам в магазине работает, но такой честный, чистый парень, какого поискать! Иные поработают в магазине год-два, сразу отгрохают себе хоромы, покупают машину... А этот двадцать лет завмагом, но детишки одеты кое-как.

«Хижина» полковника Атаджанова состояла из четырех комнат и длинной застекленной веранды, похожей на салон трамвая, уставленной кувшинами и горшочками с цветами. «Цветы и дети...» — подумал я и вспомнил, как бабушка поучала: «Крепко держись человека, который любит детей. У таких людей сердце бывает чистым, беззлобным». Вот и надо держаться за Салимджана-ака! — решил я.

Полковник вышел из дома в полосатой пижаме, но даже в таком домашнем виде не потерял своей выправки и осанки.

— Наверное, ломаешь голову, зачем, мол, начальник привел тебя к себе домой? — спросил Салимджан-ака.

— Правда, я подумал об этом...

— Я живу один. Подумал-подумал, вот и решил... что ты можешь жить у меня, пока не получишь квартиры. У меня был сын, почти такого же возраста, как ты, была жена... А теперь, видишь, один я как перст. Пошли, покажу тебе карточку жены.

Мы вошли в гостиную, обставленную полированной мебелью. На серванте и шкафах стояли хрустальные вазы. На стене висели два портрета.

— Это она... Келинойи твоя, — проговорил Салимджан-ака глухо. — Раз уж ты мой названный сын, так позволь, я буду называть ее твоей тетушкой. Смотри, как живая она здесь... Точно хочет спросить: «Что вы так задержались сегодня, Салимджан, голодны небось». А это — мой сын Каримджан. Сейчас в исправительно-трудовой колонии...

На глаза полковника навернулись слезы, голос задрожал. Он поспешно вышел из комнаты. Я, недоумевая, бросился за ним.

Салимджан-ака с садовыми ножницами зашел в цветник, нарезал полную корзину лучших роз и молча вышел за калитку. Я каким-то шестым чувством понял, что следовать за ним не надо. Застыл посреди двора в растерянности, пока меня не окликнула та самая женщина с полным белым лицом. Она принесла на подносе свежие, только что снятые с тандыра лепешки, разные конфеты, чайник чаю, поставила все это на стол.

— Вы посидите пока на веранде, попейте чайку. Салимджан-ака пошел на кладбище. Это

недалеко... Трудно бедняге, тоскует, вот и ходит к могиле жены каждый день...

Отчего же умерла жена полковника?.. Тут-то, конечно, нечего особо удивляться: состарилась или заболела и — умерла. А вот за что сидит сын? Странно. Сын полковника милиции и на тебе — в тюрьме! Во всем городе не сыщешь милиционера, который бы не знал полковника, который бы не называл его устозом — учителем, наставником! Что они, не могли заступиться за сына такого человека, выпустить из тюрьмы?.. Кто засадил сына полковника, запросто может и меня упечь за решетку. Вот докажет тот «несчастный» директор кафе свою «правоту», возьмут да и упекут. Долго ли?!

— Хашимджан, не заскучал один? — раздался знакомый голос.

Я и не заметил, как вернулся Салимджан-ака. На лице еще тень печали, но лицо смягчилось, взгляд подобрел.

— Голоден, наверное? Плов умеешь готовить?

— Умею.

— Раздевайся тогда. Сварим отменнейший плов.

Мы вдвоем споро принялись за дело. Когда зирвак был готов, полковник велел мне принести несколько кусков хорошо поджаренного мяса, а сам достал бутылку коньяка.

— Хочешь выпить?

— Нет, я не пью... — Вспомнив про те два стакана водки, я смутился и добавил: — А коньяк я вообще не пробовал и не собираюсь.

— Правильно, и в рот не бери этот яд! Я тоже ни грамма не пил до пятидесяти лет. Сейчас же, если и выпью по маленькой, то только по праздникам, или под настроение... Ну, ладно, сынок, будем живы-здоровы!.. Ух, ну до чего горький, дьявол, аж слезу вышибает! И мы покупаем эту гадость за свои кровные денежки и отравляем свой организм! Келинойи твоя, земля ей пухом, уберегла меня от увлечения этим зельем. Уберегла — и оставила сиротой. Да наполнится ее могила светом, прекрасная была женщина, каких мало на свете. Дай-ка выпью еще чарочку... За тебя, за то, чтобы ты вырос в милиции, чины заслужил, полковником стал.

— А давно умерла келинойи?

— Год тому назад, сынок.

— А за что посадили Карима-ака?

— Расскажу, все тебе расскажу. Может быть, и полегчает на душе малость, если поделюсь... Оббо, Хашимджан, тебе сколько лет стукнуло?

— Восемнадцать.

— Кариму сейчас двадцать. В меня статью вышел: высокий, широкоплечий, стройный... Иди-ка, притуши огонь. Молодец! Может, хочешь выпить?

— Нет.

— И не пей эту гадость. Спиртное — яд. Я же говорил тебе, до пятидесяти лет в рот не брал... Карима я сам посадил. И келинойи твоя умерла из-за этого. Выходит, я виноват в ее смерти. Эх, какая была женщина... Все что во мне есть мягкого, доброго — это от нее. А твердость я унаследовал от отца... Рано умерла, бедняжка! Это она сделала меня человеком, уберегла от дурного, научила справедливости, тридцать лет воспитывала... а когда оставалось пожинать плоды, взяла да и покинула меня... Да, все я тебе расскажу, все. Быть может, и легче станет.

За что полковник «посадил» сына

— Тогда мы жили в одном горном районе, я работал в следственном отделе. Однажды до нас дошли сведения о крупных махинациях в районном приемном пункте коконов шелкопряда.

Расследование этого дела поручили мне. Долго я бился, разыскивая кончик клубка. И однажды он оказался в моих руках — я пошел по горячим следам преступников. У них была прямая связь с шелкоткацкой артелью близлежащего городка. Те, в свою очередь, имели дело с рядом магазинов, которые сбывали незаконно изготовленные шелковые ткани. Перед судом должны были предстать около двадцати человек. Мне не приходилось еще разоблачать такое крупное преступление, работал днями и ночами, собирая улики. И вдруг однажды получаю по почте письмо. «Салим, оставь нас в покое, — говорилось в нем. — Иначе мы уничтожим весь твой род. Тебе ведь не удастся засадить за решетку всех нас до единого. Мстить будут оставшиеся на воле». Начальником у нас был опытный работник, уже очень пожилой, по фамилии Макаров, мы его между собой называли Макаром-бобо... Ты загасил огонь под котлом?

— Загасил. Давно.

— Показал я письмо Макару-бобо. Прочитал, долго барабанил пальцами по столу. Потом вдруг спросил: «Боишься?». «Боюсь», — честно сознался я. «Не бойся. За тобой да за мной весь наш советский народ, могучее наше государство стоит!» — сказал Макаром-бобо. В ту же ночь взяли преступников. На помощь нам прислали людей из горотдела. Миссия моя теперь, считай, была закончена. Следствие передали областному управлению милиции.

Келинойи твоя работала фельдшером, дом наш находился под самым боком медпункта. Было у нас двое дочерей: одной — три годика, второй — пять лет. Такие красивые, толстенские, щебетушки были! Так и хотелось целыми днями играть с ними, забыть обо всяких преступниках и преступлениях...

Как-то под вечер в дом вбежал прихрамывая какой-то незнакомый человек. «Вы медсестра?» — спросил человек задыхаясь. «Да», — ответила она. «Собирайтесь, надо помочь людям! У родника перевернулась машина...». «Сейчас, сейчас, — сказала жена, — собирая сумку с медикаментами. — И вы со мной?..» А незнакомец: «Знаете, у меня, кажется, перелом. Если можно, я подожду здесь, побуду с детьми. Вам ведь придется потом помочь и мне». Келинойи твоя была доверчива, как ягненок, простосердечна. Поверила. Незалого до этого я велосипед купил ей, по вызовам ездить, — вспрыгнула она на него и помчалась к роднику. А тот зверь запер двери, облил стены керосином, поджег, а сам смылся. Я был на дежурстве, когда вдруг кто-то позвонил: «Чего вы там сидите?! У него дом горит, а он и в ус не дует!» Машин тогда, сынок, у милиции не было. Вскочил я на коня и полетел домой.

До кишлака дорога вилась вдоль речки, справа — скалы попережку с урюковыми садами. Лечу, лечу и вдруг конь подо мной споткнулся, с лету грохнулся оземь, а я повис на чем-то. Гляжу — сетка! Протянута поперек всей дороги. Не успел я опомниться — на меня накинлись какие-то люди, на голову накинули мокрый чапан. Был я тогда молод, сил хоть отбавляй. Но сколько ни старался, не смог сбросить с головы чапан. Помню, меня столкнули в глубокую яму, сверху полилась вода... Странное существо — человек: сам вот-вот захлебнусь, а думаю, не остались ли дети в горящем доме, что с женой... Потом потерял сознание.

Когда открыл глаза, надо мной стоял, тяжело дыша, мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати.

— Как вы себя чувствуете? — прошептал он.

— Ты кто?

— Сами можете встать? — прошептал опять мальчишка.

Я хотел привстать, но пошатнулся и упал лицом вниз. Через секунду, собрав все силы, встал на ноги.

Парнишка оказался из соседнего кишлака, относил на мельницу пшеницу, шел домой. Он видел, как я проскакал мимо него на коне, еле успел отскочить с дороги. Еще он видел, как метров через двести упал мой конь... Словом, — все видел. Парнишка испугался, Спрятался в

траве. Из своего убежища он наблюдал, как бандиты бросили меня в яму, пустили туда воду и, сев на коней, стоявших за деревьями, поскакали к горам. Тогда мальчик подбежал ко мне, распутал сетку, развязал руки и ноги. Послушал сердце — дышу. Обрадованный, оттащил меня в урюковый сад. Оттуда мы и побежали к кишлаку напрямик.

— Где сейчас этот парень? — поинтересовался я. — Он жив?

— Жив. Это был сын учителя Адылджана. Сейчас он председатель сельсовета. — Помолчав с минуту, Салимджан-ака продолжал: — Добежали до дома, глядим — народу кругом полным-полно. Дом сгорел... И дети... тоже... Жена без чувств лежала у соседей... С той минуты я седой, не от старости это, сынок.

— Поймали... поджигателя?

— Увы, нет.

— А напавших на вас? Тоже не нашли?

— Милиция в те времена не была такой сильной, как сейчас.

— А потом, что потом?

— Потом келиной твоя совсем слегла. Повез я ее в город лечить. Да так и остался здесь. Хотел уйти из милиции, но жена отговорила. «Не по-мужски это — испугаться, бросать работу, когда каленым железом надо выжигать внутренних врагов, — заявила она. — Вы должны работать в милиции, хотя бы ради светлой памяти наших девочек, кровь которых взывает к отмщению»... Вот почему я беспощаден к преступникам! Вот отчего закипают они ненавистью, дрожат от страха, когда слышат мое имя. Говорят, я бесчувственный... Неправда это! Сердце мое — не камень, в нем есть и любовь, и доброта. Но коль встречу преступника — будь то даже отец родной — не пожалею, как не пожалел своего сына!

Салимджан-ака грохнул огромным кулачищем по столу, вскочил, заходил по комнате. Потом надел конец шланга на краник водопровода, пустил воду в цветник, подошел к очагу, развел огонь...

— Вставай, пора мыть рис! — приказал он мне раз-драженно. Видя, что у него испортилось настроение, я не решился просить его продолжать свой рассказ. Накрыв плов париться, Салимджан-ака сел на место, взял бутылку и зачем-то поболтал ею.

— Выпить еще или лучше не надо? — сказал он, как бы раздумывая. Еслух.

— Лучше не пейте.

— Я не часто пью, — проговорил Салимджан-ака, с бульканьем наливая в рюмку. — Бывает, что раз в месяц или в два месяца нет-нет да и потянет, как вот сегодня... Выпью, погорюю — вроде легче становится. Но перед каждым не расслабишься. Попробуй-ка поплачь перед каким-нибудь спекулянтom — тотчас на кошлы тебе влезет, как на ишака... Ты мне сына напоминаешь, Хашим. Он тоже, как ты, любил прихвастнуть, соврать иногда. Видит, что дело не по плечу, а все равно возьмется: «Э, да что там, сделаем. Да еще как — на отлично сделаем!» Ты тоже: не умеешь плов готовить, а говоришь — умею, да еще как! По-моему, ты и рис бросил в казан, не промыв его как следует, а?

— Потому что вода кончилась... — попытался я оправдаться.

— Да ладно, главное, честный ты малый, не ради корысти во всякие истории попадаешь. Ошибся — признаешься...

Так на чем мы остановились? Да, я, кажется, говорил, что переехали в город. Продолжал служить. Старался быть верным сыном народа, страны своей. Поначалу работал в областном управлении милиции следователем, потом назначили начальником отдела. Собирались назначить начальником управления, но кто-то подбросил кое-куда клеветническую бумагу. Пока разбирались, выясняли и установили, что все обвинения, возведенные на меня, чистейшая ложь, прошло около года... Да, сынок... А в это время родился Каримджан, посветлело в доме.

У нас с женой и горе стало сглаживаться, как-то забываться. Единственный сын! Мы носили его на руках, исполняли любую прихоть — вот и вырос избалованным, капризным, любителем готовенького, как я тебе говорил, лживым, бездельником. Видели: не так воспитываем мальчишку, видели все недостатки, а все равно дороже его не было для нас никого. И продолжали баловать. Да и времени всерьез заняться им не было. С одной стороны, любовь безоглядная, с другой — присмотра настоящего нет... Кое-как закончил восьмой класс. И наотрез отказался продолжать учебу. Три года шатался без дела. Тогда-то, оказывается, и встал парень на скользкий путь. А нам голову морочил, говоря, что серьезно спортом занимается...

Короче, однажды утром я обнаружил, что дверца моего письменного стола открыта: там я хранил личный именной пистолет, подаренный мне еще наркомом внутренних дел за то самое дело о махинациях с коконами. Кто мог открыть ящик, ведь ключ от стола я всегда ношу при себе? Кинулся к столу: нет, пистолет на месте. Только в обойме не хватало одного патрона. Я почуял недоброе. Вбежал в комнату Карима. Гляжу, спит. На спинке кровати висят его брюки. Грязь, прилипшая к брючинам, еще не успела высохнуть. Выходит, он вернулся домой совсем недавно. Под утро. Пистолет брал он, это точно. Но в кого он послал пулю, недостающую в обойме?!

Страшным усилием воли взяв себя в руки, вышел из комнаты. Во время завтрака сделал вид, что ничего не случилось. Карим от завтрака отказался, сказал, что плохо себя чувствует, остался в постели. А я, придя на работу, понял, что сбылись мои худшие опасения: труп сторожа ювелирного магазина обнаружен на улице Эгарчи, рана от огнестрельного оружия... К вечеру, после экспертизы, стало окончательно ясно: оружием этим был пистолет моей марки. Пуля попала в самое сердце. Вся городская милиция была брошена на поиски убийцы.

Придя домой, я вошел к Кариму, бросил перед ним пистолет.

— На, застрели оставшимися патронами меня и маму!

Карим опустил голову.

— Хорошо хоть не насмерть ранил сторожа... — сказал я, чтобы разговорить его. Он бросил на меня быстрый взгляд. В глазах его полыхал невыразимый ужас.

— И он узнал тебя... — продолжал я.

— Это не я стрелял! — дико закричал Карим.

— Кто стрелял?

— Талиб!

— Где награбленное?

— У Талиба.

— Как попал к нему мой пистолет?

— Мы играли в карты. Я проиграл, и... должен был стащить на один вечер ваш пистолет и отдать им.

— А если бы выиграл?

— Талиб должен был отдать мне свой транзистор.

«Какое ничтожество! — подумал я. Острая боль реванула сердце. — И это мой сын?..»

— Матери о случившемся ни слова пока. Понял?

— Да.

Всю ночь провалялся без сна. Одолевали мысли одна страшнее другой. Жена не выдержит, если узнает, что наш сын — убийца, или, в лучшем случае, пособник убийц. Замять это дело я тоже не смогу, да и пытаться не стану — совесть не позволит. Возможно, что не найдут этого Талиба, который стрелял в сторожа, ведь он не оставил никаких следов. Тогда, если я не скажу, кто убийца, Карим останется на свободе. Если скажу, то возьмут и Карима, ведь это он снабдил преступников оружием. Нет, мать с ее больным сердцем, после всего, что пережила, не вынесет

позора... позора, что принес ей наш любимый, наш единственный сын...

Утром я все же рассказал жене о случившемся. Она слушала меня молча, без обычных женских ахов и охов, но побледнела смертельно. Дал я ей сердечных капель. Молча выпила, вроде бы немного пришла в себя.

— Надолго его посадят? — прошептала еле слышно, и только.

Еще два дня прошли в тревоге и сомнениях. Не выдержал. Совесть не позволила молчать более, Хашимджан. Взял с собой Карима и явился на прием к министру. Азад Азимович, юнцом, тоже, вот как ты, жил одно время у меня, уважал и любил покойную жену мою. Я положил перед ним на стол заявление, пистолет и рассказал все, что мне было известно об убийстве сторожа ювелирного магазина, об участии в нем моего сына.

Министр был потрясен. Он долго молчал.

— М-да, — протянул потом, покачав головой. — Нехорошая история вышла. — Подумав немного, добавил: — Но вы не должны уходить со службы.

— Я должен уйти. Теперь я не имею права работать в органах.

— Уйти вам или нет — решат Министерство, товарищи.

— Нет, я должен поступить так, как велит моя совесть! — бросил я и ушел, даже не попрощавшись с Азадом Азимовичем.

Карима до суда под стражу не брали, таков был приказ министра: три месяца не выходил из дома, сидел у изголовья больной матери. И за все время ни разу не смог прямо взглянуть мне в лицо. Да, тысячу раз он проклинал себя за содеянное. Но избежать кары не мог. Любое преступление, по каким бы мотивам оно ни было совершено, должно быть наказано. Ты слышишь, должно быть наказано!..

Жене стало хуже и она не смогла пойти в суд. Сам я процесс высидел от начала до конца. Кариму дали пять лет. Вернувшись домой, застал жену, бедняжку мою, советчицу, друга, помощницу, в постели, уже холодной... Слышишь, Хашимджан, я не смог с ней даже попрощаться, услышать последние слова человека, которого любил тридцать лет!..

— Не надо, не плачьте, — сказал я, но сам не смог сдержать слез.

— Ничего, сынок, так мне станет легче. И я опять буду по-прежнему каждый день, каждый час биться со спекулянтами, мошенниками, рвачами, бороться за правду. Ты знаешь, что такое правда, сынок?

— Знаю.

— Если не знаешь, запомни: правда бывает одна. Но вор, спекулянт, и ниже с ними понимают ее по-своему. А мы боремся именно с такими, которые хотят переиначить нашу правду, не так ли?

— Именно так.

— Молодец! Давай, сынок, обнимемся... Знаешь что, ты будешь жить у меня, пока Карим не вернется. Отныне я считаю тебя своим сыном. И обоих сыновей своих — тебя и Карима, если человеком выйдет, женю в один день. Хочешь жениться?

— Я должен посоветоваться с бабушкой!

Салимджан-ака рассмеялся и пошел к очагу, чтобы снять плов, который источал нестерпимо вкусный аромат...

197- я статья Уголовного кодекса

На душе мрачно, беспокойно. Ведь сказал же товарищ Артыков, что бывали такие случаи, когда навет, клевета оказывались сильнее фактов. Полковник даже сына своего не пожалел, отца родного не пожалеет, если тот преступит закон...

Последние три дня комиссия работает не зная отдыха. И «разнесчастный» директор, и повара, и квадратный буфетчик по-прежнему твердят свое: Кузыев потребовал денег, нам пришлось дать их — и точка!

Сегодня на работу не вышли два члена комиссии — загрипповали. Полковник вне себя, хоть и самому нездоровится, меряет в ширину и длину свой кабинет и не устает, хотя немалый путь прошел, не выходя отсюда. Вдруг он остановился посреди кабинета, видно, надоело, наконец, ему это занятие, и приказал:

— Ну-ка, поехали!

— Куда?

— В кафе «Одно удовольствие». Идея есть! — торжественно вскричал мой начальник — Ты должен видеть, как я вообще работаю. Это тебе будет школой. В нашем деле нужно быть смиренным, как ягненок, и если необходимо — хитрым, как лиса, а если потребуют обстоятельства — превращаться в льва. Я тут нашел лазейку: один из этой банды не совсем еще конченный человек. Он здорово может помочь нам...

К открытию мы были в кафе. Зал пуст, как берег моря перед приливом. Худенькая кассирша от нечего делать чистила пилкой ногти. Прошли в директорский закуток.

Адылова на месте не оказалось. Полковник велел буфетчику вызвать повара Ураза Хайдарова. Этот малый очень походил на буфетчика: толстое, с жирными складками, лицо, выпуклые телячьи глазки постоянно бегают. Разговаривая, смотрит в потолок.

— Уразбай, ты до сих пор настаиваешь на своих вчерашних словах? — сразу перешел к делу полковник.

— Я сказал правду, — прочитал Уразбай с потолка.

— А глаза говорят: «неправду».

— А вы докажите, что неправду.

— Значит, ты дал Кузыеву сто рублей?

— Да.

— Какая у тебя зарплата?

— Восемьдесят рублей.

— Зарплата — восемьдесят. А как у тебя в тот день в кармане оказалось сто рублей?

— Я их копил.

— Хотел купить что-нибудь?

— Телевизор.

— И давно копил эти деньги?

— С полгода.

— В каких купюрах были те деньги, которые ты дал взяточнику?

— Какие были деньги?

— Да, какие? Десятками, пятерками, трешками или рублевками?

— Это самое... сейчас не помню.

— Полгода ты хранил эти деньги при себе да так и не запомнил, в каких купюрах они были? Слушай, Уразбай, я вижу, лгать ты не любишь и не умеешь. Поэтому и не смеешь глядеть мне в глаза. А они, эти твои глаза, сами во всем признаются. Ну-ка посмотри на меня, мне в лицо. Смелее, смелее, вот так, молодец! Дети у тебя есть?

— Двойняшки: Фатима и Зухра.

— Родители живы?

— Да.

— Понимаешь, каково им всем будет, если ты попадешь в тюрьму? Расскажи все честно и избежишь этой участи. Один из ваших уже во всем признался, только имени не

назову — обещал.

Повар перевел взгляд с потолка на пол. Низко опустил голову и заикаясь прошептал:

— Директор меня живым в могилу загонит...

— Ты сейчас не о директоре, а о своих дочерях, стариках-родителях подумай!

— Вы меня не выдадите?

— Нет.

— Поможете тихо-мирно уволиться из этого гадюшника... то есть кафе?

— Помогу.

— Дайте мне тогда ручку и бумагу.

Уразбай долго пыхтел, записывая показания, где подробно обрисовал все злоупотребления, которым был свидетелем в течение двух лет. Написал и как директор подбил их оговорить меня, учил, кто как должен вести себя в милиции, что говорить. Потом протянул бумагу полковнику, нерешительно встал с места, словно спрашивая, можно ли теперь идти... Повар покинул нас с явным облегчением. Как только закрылась за ним дверь, я обратился к своему начальнику:

— А кто дал то, другое показание?

— Я сам, — улыбнулся полковник. — Это показание сочинил я сам. Я же говорил тебе, что парня этого еще можно спасти. Мы так и сделаем. Вот буфетчика так запросто не проведешь, чтобы добиться признания. Но для него я приготовил железный капкан. Попадется как миленький. И не выберется. Главное, Хашимджан, суметь до активных допросов изучить психологию человека, с которым придется иметь дело.

Буфетчик вошел в кабинет, почтительно держа обе руки на груди, чуть согнувшись, точно приготовился кланяться. Чинно-благородно поздоровался, хотя мы с ним уже виделись. Он сделал вид, что не расслышал предложения сесть, остался стоять, по-прежнему сложив руки на груди. В комнате и не так уж было жарко, но он начал усиленно потеть: вначале мелкими, прозрачными капельками покрылись его нос и лоб, потом мокрым стало все лицо, а вскоре он был весь взмылен, как человек, только что вышедший из бани. Он то взглядывал на меня, то в спину полковника, который что-то писал, не поднимая головы.

— Садитесь, — повторил Салимджан-ака.

— Спасибо. Я привык при уважаемых начальниках стоять на ногах.

— Имя, фамилия?

— Я же вчера только говорил. Но если уважаемому начальнику угодно, могу повторить.

— Повторяю, ваше имя и фамилия? — повысил голос полковник. Буфетчик испуганно вздрогнул.

— Закир Зарипов.

— Гражданин Зарипов, я должен сообщить вам, что вы арестованы.

Буфетчик резко покачнулся, как от сильного удара. Минуты три стоял, широко разинув рот, выпучив глаза. Потом губы его непроизвольно прошептали: «Арестован!» Видя состояние буфетчика, полковник продолжил свою яростную атаку. Теперь он не словами, не голосом, а взглядом уничтожал врага. Столько ненависти, презрения, брезгливости было в его взгляде, что я сам не узнавал вчерашнего доброго, тихого Салимджана-ака.

— Простите, — опомнился наконец буфетчик, — не могу ли я узнать, за что вы арестуете меня?

— Обязательно узнаете. Двадцать второго марта сего года Городская торговая инспекция обнаружила в заведуемом вами буфете четырнадцать бутылок коньяка, разбавленных дешевым вином, не так ли?

— Нет, нет, тут какая-то ошибка, недоразумение...

— Вот акт! — Полковник протянул Зарипову акт, от которого тот попятился, точно от змеи, и стукнулся спиной о стену.

— Да, я вспомнил. Была такая оплошность. Но меры приняты: мне дали выговор...

— За это преступление вы должны быть привлечены к уголовной ответственности по сто девяносто восьмой статье Уголовного кодекса Узбекской ССР.

— Но я оправдал себя честным трудом.

— Десятого февраля, при проверке вашего буфета дружинниками, вы обсчитали клиента на один рубль двадцать копеек.

— Нет, нет, гражданин полковник, я просто ошибся тогда. В тот день я болел, на работу вышел с температурой!

— Вот акт с вашей подписью!

— Но я просил прощения перед товарищеским судом и мне дали выговор.

— За это преступление вы должны быть привлечены к уголовной ответственности по статье сто девяносто семь Уголовного кодекса Узбекской ССР. Гражданин Зарипов, вы арестованы.

Квадратный буфетчик в этот миг стал похож на воздушный шар со спущенным воздухом: весь поник, сморщился, стал даже как-то меньше и тоньше. Он забился в угол, как напроказивший ребенок, который боится наказания, и коленки его дрожали так, что стучались друг о дружку. Потное недавно лицо его посинело, как помидорина после заморозков. «Про-про-ро...» сказал он и, не справившись с непослушным языком, замолчал. Кинул на меня затравленный взгляд, потом перевел его на окно. Из глаз вот-вот брызнут слезы. Наконец он вытянул шею, на которой ходуном ходил кадык, и жалобно пропищал:

— Простите, можно у вас спросить?

— Спрашивайте!

— Не могу я узнать, где вы достали эти акты?

— Вчера вечером их принес в милицию ваш директор Адыл Аббасов.

— Гад!

— Разговор окончен. Закрывайте буфет.

Салимджан-ака поднялся, начал собирать бумаги со стола и укладывать в портфель.

— Подождите! — поспешно вскричал буфетчик. — Я хочу сказать кое-что.

— Это ни к чему. Вы вчера сказали все, что хотели, — полковник равнодушно направился к двери.

— Нет, нет, я вчера обманул вас и всех членов комиссии. Я лгал. А теперь, когда этот гад меня продал — что же, я буду хлопать ушами?! Как бы не так. Это он подучил нас, чтобы оклеветать товарища Кузыева. Этот человек самый гнусный, подлый, мерзкий тип. Взяточник и взятокодатель высшей марки. Он и Городскую торговую инспекцию оклеветал, и дружинников... Они просто избегают теперь появляться у нас...

О-о, так вот где, оказывается, зарыта собака!

А буфетчик все продолжал обличать своего директора. С его слов мы узнали, что «разнесчастный» директор имеет два особняка в разных районах города, «Волгу», оформленную на чужое имя. С поваров он ежедневно сдирал по пятьдесят рублей, а с буфетчика — шестьдесят. Если повара не успевали к вечеру подготовить нужную сумму, Адылов заставлял их испечь пирожки и продавать на вокзале.

Управляющий районным трестом столовых, назначая директоров, непременно советовался с Аббасовым, до того боялся его. Этот же «несчастненький», якобы, сбил с пути и самого буфетчика, научив разбавлять спиртные напитки, разным другим махинациям.

— Дети есть? — вдруг перебил Салимджан-ака.

— Шестеро, товарищ начальник, мал-мала меньше.

— Жена работает?

— Не работает. Болеет. У нее астма.

— Сможешь изложить на бумаге все, что говорил сейчас?

— Смогу, а как же? Этот подлец меня продал, а я буду смотреть? Все напишу о нем, как есть. А вот за эти акты он тоже содрал с меня куш — обещал замять дело. Пришлось отдать те деньги, которые собирал, чтобы отправить жену на курорт. Все до копейки загреб, негодяй. Я... Я...

— Не хнычь! — прикрикнул на него Салимджан-ака. Он был зол по-прежнему. — Садись, пиши объяснительную.

Поначалу дело у буфетчика не клеилось: дрожали руки, строчки соскакивали вниз или ползли вверх, он то и дело зачеркивал написанное. Выпив стакан воды, несколько успокоился, стал писать ровнее. Закончив писать, встал и обратился к полковнику:

— Товарищ начальник, если вы разрешите, я бы съездил, попрощался с семьей.

— Это ни к чему, — буркнул Салимджан-ака. — Можешь идти. Мы пока оставляем тебя на свободе.

— Это правда, товарищ начальник?

— Да, но с условием, что будешь работать честно, без махинаций.

— Клянусь!..

— О нашем разговоре Аббасову ни гу-гу.

— Буду нем, как могила.

Квадратный буфетчик с удивительным проворством выбежал из комнаты, он походил на птицу, освобожденную от пут. Проводив взглядом Зарипова, я спросил полковника, правда ли это, что акты принес сам Аббасов.

— Не думай, что Аббасов такой же растяпа, как ты сам. Акты я извлек из архивов Городской торговой инспекции и горотдела. А что касается буфетчика — эта порода людей такова: чуть что — не сходя с места начинают продавать друг друга. Ты в этом сейчас убедился.

Директор все еще не появлялся. Вошел один из помощников повара, доложил, что Аббасова сегодня не будет, дескать, заболел гриппом; второй повар, Карим Турсунов, работал, оказывается, в ночную смену, а сейчас отдыхает. Мы вернулись в отделение.

У меня полегчало на душе. Что ж, правда, по-видимому, восторжествует, как-нибудь выберусь из этой заварухи. И все благодаря этому удивительному человеку, Салимджану-ака. Век не забуду его доброты, все свои силы отдам работе в милиции. Только начал выражать вслух эти мысли, как полковник перебил меня:

— Рано еще благодарить... — пробормотал он задумчиво.

— Почему же рано? Ведь теперь все ясно как день...

— Адыл-баттал — старый лис, его так запросто в угол не загонишь. Он одним ударом может обратить в прах все факты, собранные нами с тобой. Я уверен, что он не болен и не лежит в постельке, принимая аспирин. Наверняка торчит в городской юридической консультации: там у него, по некоторым данным, приятель завелся, помогает советами. Эх, жаль, не волшебник я: стал бы невидимым, зашел сейчас к этому человечку и записал на магнитофон всю их беседу!.. Но это из области сказок или фантастики! Ничего, Хашимджан, сил у нас достаточно, чтобы добить этих дьяволов до конца без всякой фантастики и ерундистики, верно ведь?

Я ничего не ответил. В этот миг я думал о моей дорогой Волшебной шапочке, что выручала меня в детстве. Быть может, сказать Салимджану-ака... Нет, не стоит. Не поверит. Надо не откладывая поехать, отыскать шапочку и привезти сюда. Вот тогда-то и покажем мы этим желтым дивам!

- Как твой желудок? — спросил мой начальник.
- Требуется еда!
- Пошли, ударим по шашлыку!

Одиннадцать внуков полковника

На другой день Салимджан-ака тоже загрипповал: договорились, что за ним поухаживает Лутфи-хола, жена соседа-завмага, а я пойду в отделение, займусь делами. Вернувшись домой вечером, обнаружил почти все потомство тетушки Лутфи — одиннадцать сорванцов: Батыра, Бабыра, Сабыра, Бахадыра, Бахрама, Бахтияра, Севар, Саври и других, плотным кольцом окруживших мое начальство и устроивших такой галдеж, что я всерьез встревожился за здоровье полковника.

— Дядя, а дядя, если я за лекарством сбегая, пистолет деревянный мне смастерите? — кричал Бахрам, который, как всегда, был без штанов.

— Смастерю, — отвечал Салимджан-ака, не открывая глаз.

— Дядя, хотите я скатаю вам шарик из хлебного мякиша? — орал четырехлетний Бахтияр.

— Давай катай, — соглашался полковник.

— Дядя, хотите приложу вам на лоб компресс? — предлагал Бахадыр.

— Только что ведь приложил.

— Но мне еще хочется...

— Тогда валяй. Сними и снова прикладывай.

Восьмилетняя Севар и десятилетняя Саври, засучив рукава, подоткнув подола платьев, что им не помешало, однако, вымокнуть до ниточки, мыли полы. Батыр поливал из шланга двор, вернее, думал, что поливает: струя, в основном, била вверх и лилась ему же самому на голову.

— Дядя, а что вы купите мне? — кричала издали Саври.

— Я куплю тебе ленты. Много разноцветных лент.

— А мне, дядя Салимджан? — не отставала Севар от сестры.

— А это кто визжит?

— Да ведь это я — Севар.

— А, та девочка, которую папа купил в магазине?

— Кет, меня мама родила.

— Тогда ладно, тебе я куклу куплю. Но почему ты шепелявишь, я даже голос твой не узнаю?

— А у меня три зуба выпали. Передние.

— То-то я думаю, какая тут старушка ходит?

Салимджан-ака походил сейчас не на больного, а на воспитательницу детсада, на которую набросился весь ее выводок. Измучили, наверное, беднягу.

— Ну-ка, марш отсюда! — крикнул я. — А то гриппом заразитесь!

— Мы уже болели гриппом, теперь он к нам не пристанет! — попытались детишки втереть мне очки.

Я схватил веник, завыл диким голосом, завращал глазами, думая, что их как ветром сдует. Но не тут-то было — дети не те пошли. Да и Салимджан-ака сам заступился:

— Не надо, не гони их, Хашимджан, ребятишек я сам позвал. С ними я забываю о болезни.

В этот миг во двор вошла медсестра, колоть моего шефа. Я подмигнул ей:

— Сделайте уколы вначале вот этой мелюзге, а полковнику потом.

Шумной ватаги как не бывало. Наступила удивительная тишина. Из калитки появился сам сосед Нигмат-ака с двумя косами маставы в руках.

— Как вы себя чувствуете? — заботливо спросил он Салимджана-ака.

— Температура, вроде, спала. Как у тебя дела?

— Сегодня опять чуть не подрался.

— Из-за каждой чепухи лезешь в драку.

— Вовсе не из-за чепухи. Хашимджан, иди, братишка, принеси две ложки. Салимджан-ака, съешьте маставы, пропотеете. Нет, вначале выпейте таблетку, вот я принес, отличная штука. Когда я болел, тоже такую пил: вышибает всю хворь... Вы говорите, что из-за каждой ерунды лезу в драку. Да как же не драться с этими наглецами?! Привезли утром сто мешков муки. Экспедитор не дает сгрузить, за каждый мешок требует по рублю. Я говорю: «Ни копейки не получишь!» Тогда он отвечает: «В таком случае и ты не получишь муки!». Я сказал: «Получу!». Он сказал: «Попробуй!». Ну и чуть не подрались.

— Но взял муку-то?

— Нет, куда там, обратно увезли, подлецы! Тысячу раз просил вас погладить их против шерстки!

— И гладили, и еще погладим, будь спокоен!

Поев горячей маставы, Салимджан-ака поплотнее укутался в одеяло. Завмаг унес домой пустые косы. А я задумался о своем начальнике. Ох и трудно приходится ему. Ни минуты не знает покоя: даже вот заболел, а вынужден выслушивать жалобы на взяточников... Преступники становятся все изворотливее, хитрее, коварнее. За три дня в наш отдел поступило четырнадцать заявлений. Кто знает, какие меры принимает сейчас «обиженный» директор Аббасов, чтобы засадить меня за решетку! Как бы Салимджан-ака не слег надолго, а то эти подлецы погубят меня...

У Салимджана-ака был старенький, весь облупленный, с помятым кузовом «Москвич», похожий на неуклюжего жука. С соседом — шофером райсобеса — мы взялись за его ремонт. Не забыл я, оказывается, уроков отца — классного механизатора! Помучились, конечно, но «жучка» поставили на ноги, то есть на колеса. Был субботний день. Салимджан-ака уже окончательно поправился, стал по-прежнему веселым, бодрым. Решил свозить детишек Нигмата-ака в цирк.

— Лучше бы сами поехали, — сказал я недовольно. — Эта гопкомпания вам все уши прожужжит.

Салимджан-ака улыбнулся, покачал головой, как бы говоря: «Эх, парень, ничего-то ты не понимаешь». Затем спросил:

— А отца их тебе не жалко?

— А чего его жалеть? Нормальный человек, не кривой ведь и не слепой.

— Не кривой, конечно. Но очень трудно ему приходится. В две смены работает, бедняга, чтобы дети были сытыми, одетыми, обутыми. Людьями их хочет вырастить, — не спеша пояснял Салимджан-ака. — Этих сорванцов на день упусти из виду, один пойдет на стадион бутылки собирать, другой спутается с хулиганьем... Жизнь себе ломают, как Карим. Кроме того, я ведь говорил тебе, что с ними я чувствую себя лучше, чище, моложе, что ли. Забываю, что Карим в тюрьме, а жена — далече... Нигмат — хороший человек. Покойная твоя келинойи тоже любила этих грачат всей душой. Всех их она сама принимала в роддоме, пупки перевязывала. Да, чудеснее человека я не встречал!.. Ты вот что, Хашим, постриги-ка пока мальчишек.

— А вы куда?

— В магазин схожу. Хочу купить детишкам рубашки. Куда я дену свои деньги, с собой в могилу что ли возьму? Правильно, товарищ сержант?

— Так точно, товарищ полковник!

...Ребята, оказывается, не знали, что я парикмахер. Вначале они не соглашались стричься,

капризничали : за ушки-лопушки свои боялись. Но когда я заявил, что тот, кто не пострижется, не пойдет в цирк, все захотели подвергнуться операции, первыми.

— Дядя, а вы работаете парикмахером? — поинтересовался Батыр.

— Да, я работаю парикмахером.

— Дядя, а вы умеете красить волосы? — спросил Батыр.

— Умею.

— Выкрасьте тогда мои волосы в черный цвет.

— Зачем это тебе?

— Все меня рыжим дразнят.

— Кто будет дразнить тебя, тому я отрежу уши. Самой острой бритвой! — пригрозил я.

— Оба уха?

— Оба.

Мое твердое обещание, по-видимому, так обрадовало Батыра, что он терпеливо сидел, хотя мои заржавевшие от безработицы ножницы выдергивали из его прически целые пучки волос.

За час я привел головы грачат в соответствующий вид. К этому времени и Салимджан-ака вернулся с покупками. Вы бы видели, как ребята обрадовались обновкам. Я, наверное, не смогу описать, что они выделявали. А Бахрам-бесштанник зажал под мышкой брюки, которые принес Салимджан-ака, и начал подпрыгивать на месте, как мячик.

— Ты чего не надеваешь свои брюки? — спросил я строго.

— А если я их надену, а когда нужно не смогу отстегнуть пуговицы, то штанишки будут опять мокрые, — пояснил Бахрам, готовый отправиться в цирк в своем натуральном виде.

Наконец тронулись в путь. Я сел за руль, полковник — рядом со мной, а семеро грачат устроились на заднем сиденье. Одного, повзрослее, уложили в багажник. Вернее, он сам потребовал это место, которое, как я понял, было его законным: года два тому назад в этом же багажнике он ездил в горы за тюльпанами.

Когда выехали на дорогу, мне отчего-то стало очень и очень весело и радостно. То ли было приятно, что еду вот в машине, рядом с человеком, которого все милиционеры города кличут не иначе, как учителем, наставником, или подействовал щебет этих галчат, не знаю; во всяком случае меня переполняли радость, гордость и еще какие-то подобные приятные чувства.

— А дети умеют петь? — крикнул я, оборачиваясь назад.

— Не умеем, — признались они честно. — Зато знаем стихи!

— Давайте, шпарьте!

— «Учитесь отлично!

— Мудрыми будьте!

— Говорил нам всегда!

— Дедушка Ленин!» — начали выкрикивать детишки каждый по строчке. Так мы ехали и ехали, но вдруг машина издала какой-то звук, похожий на рыдание, подергалась и стала посреди дороги. Минуть пять ласкал я каблуком стартер — хоть бы что! Потом решил, что, возможно, нет подачи бензина — проверил карбюратор. Но здесь был полный порядок. А может, нет искры? Бобина тоже работала нормально, подавала ток. Салимджан-ака вылез из машины, пнул колеса, потрогал бампер и сказал, пожав плечами: «Да вроде все в порядке!»

— Наверно, аккумуляторы сели. Придется толкать, — предложил я. Полковник поддержал. Детишки облепили машину, как мухи кусок хлеба, намазанного медом. «Москвичок» двинулся, пожалуй, быстрее, чем умел ехать на моторе, который сейчас, впрочем, по-прежнему не желал издавать ни единого живого звука. После этого мы решили, что Салимджан-ака с детишками доберутся до цирка на какой-нибудь попутной, а я, устранив неполадки, подъеду следом.

Помучавшись с полчаса, я призвал на помощь проезжавших мимо шоферов. Осмотрев мою

машину, они, как сговорившись, заявляли лишь одно: «Давно пора эту колымагу в утильсырьё сдать!» и без сожаления оставляли меня с моим мучителем. Пришлось гнать «Москвича» обратно.

Отбуксировать нас домой согласился за три рубля арбакеш, развозящий по городу уголь. Осел был здоровенный, мигом домчал до дома. Изнывая от безделья, я принялся поливать розы, подмел двор. Тетушка Лутфи принесла большую миску машкичири. Подчистую умяв его, я опять приободрился. Вообще ведь я такой: поем плотненько и плохого настроения как не бывало! Насвистывая, я стал слоняться по дому.

Остановился у книжного шкафа. Может, почитать что-нибудь? Среди книг я обнаружил толстую общую тетрадь. Это были какие-то черновики Салимджана-ака. Знаю, нехорошо читать чужие записки без разрешения. Но я разве чужой Салимджану-ака? Я же его приемный сын! Неужели сын не имеет права познакомиться с записями отца?!

Я слышал, что полковник пишет книгу — памятку для молодых милиционеров. Рукопись этой книги я и держал сейчас в руках. Отыскав место, где было поменьше помарок и исправлений, принялся читать.

«Ты пришел работать в милицию, значит, ты собрался служить своему народу, Родине.

Работник милиции должен быть человеком глубоко мыслящим, хладнокровным и при этом иметь горячее, доброе сердце. Будь честным, не используй в корыстных целях свое положение.

Ты выступаешь от имени государства, будь достоин этого.

Верь людям, ищи их поддержки.

Сбившимся с пути протяни руку помощи.

Твоя цель — не посадить, а спасти от тюрьмы.

Не спеши бесповоротно осудить человека. Но если уверен, что прав, до конца отстаивай свое мнение.

Твой авторитет — авторитет органов милиции. Авторитет милиции — авторитет государства. Береги, не запятнай свой авторитет.

Будь строгим, но справедливым. Тогда завоеешь уважение.

Не будь разгильдяем, ведь ты блюститель порядка».

Я вам, кажется, говорил, что не могу долго читать: сразу ко сну клонит. Но на этот раз дочитал все до конца. Может, второй отец все это специально для меня написал, особенно последнее...

Аббасов опять переходит в наступление

Борьба разгоралась все сильнее. С одной стороны всюю старались клеветники во главе с Аббасовым, бедненьким, замученным директором кафе «Одно удовольствие». Не покладая рук трудилась и комиссия во главе с полковником Атаджановым. Результатом ее работы были две пухлые папки, полные убедительных материалов, избобличающих Аббасова и его пособников. Среди документов лежала двадцать одна жалоба трудящихся, акты инспекторов Городской торговой инспекции, работников милиции и народного контроля о злоупотреблениях в кафе «Одно удовольствие», известные вам показания трусливого повара и квадратного буфетчика и еще масса всяких справок, выписок, копий документов. Чтобы опровергнуть эти факты, Аббасов тоже завел пухлую папку и выступил со следующими обвинениями.

Первое. Сержант Х. Кузиев, которого так рьяно защищает райотдел милиции, по существу является душевнобольным, недавно пять суток находился в доме умалишенных (Справка прилагается).

Второе. Председатель комиссии Атаджанов не заслуживает доверия, так как сын его

опасный преступник. В данное время отбывает наказание в исправительно-трудовой колонии (Справка прилагается).

Третье. Взяточник сержант Кузыев является родным племянником полковника. Поэтому и живет у него дома (Смотри справку, выданную махаллинской комиссией).

Четвертое. Полковник Атаджанов, пользуясь временным отсутствием по болезни других членов комиссии, явился в кафе, завел буфетчика Закира Зарипова, честного и трудолюбивого человека, в укромный уголок и, приставив к его лбу пистолет, потребовал дать следующие показания: «Я несправедливо оклеветал работника милиции Кузыева, во всем виноват наш директор, который и есть главный организатор клеветы, на сержанта. Зарипову пришлось дать эти показания, так как в противном случае полковник грозился пристрелить его на месте. (Прилагается копия жалобы буфетчика Зарипова на имя заместителя председателя райисполкома).

Эти и другие подобные обвинения, которые я не стану здесь подробно перечислять, заканчивались требованием учредить новую комиссию во главе с другим председателем, так как ныне работающая в силу приведенных фактов не заслуживает доверия.

Сегодня эта комиссия собралась на свое последнее совещание. Через час-другой решится судьба вашего неунывающего приятеля Хашимджана Кузыева. Если все обойдется благополучно, он опять будет весел и радостен, будет по-прежнему выполнять свою работу в милиции. Если же нет...

Придется моей любимой бабушке, обливаясь горючими слезами, таскать мне в тюрьму передачи!

Салимджан-ака непривычно хмур, печален. Глаза его глядят устало, беспокойно. Во-первых, у него очень много работы; как вы понимаете, он не одной моей персоной занимается. А во-вторых, его, видно, сильно расстроило двуличие квадратного буфетчика. Другой член комиссии, капитан Каромат Хашимова, выглядит как всегда строгой и неприступной. Сколько здесь работаю, ни разу не видел, чтобы она улыбнулась. Она меня чуть не съела, когда в первые дни я случайно назвал ее тетушкой. Ох, видно, и характерец!

Третий член комиссии Джамал Карабаев — полная ей противоположность. Самое удивительное его качество — никогда никому не возражать. Скажем, Салимджан-ака говорит, что на данный факт стоит обратить внимание. Джамал Карабаев тут же поддерживает его:

— Правильно. Удивительно верная мысль.

А если капитан Хашимова возражает Салимджану-ака, Карабаев тут же вставляет:

— Верно. Удивительно правильно!

Мой начальник, конечно, злится на это.

— Своего мнения нет у вас? — спрашивает он.

А Джамал Карабаев простодушно смеется, пожимает плечами:

— Я только хочу, чтобы восторжествовала справедливость...

Итак, члены комиссии на месте. Они заседают в последний раз. Капитан Хашимова хмуро листает бумажки в папке Аббасова, качает головой.

— М-да... Решили, видно, стоять до конца, хоть сколько-нибудь, да нагадить. Что ж будем делать, товарищ полковник?

— Полагаю, необходимо сначала побеседовать с буфетчиком.

— Мы его сейчас вызовем. Вы как считаете? — обернулась она к Карабаеву.

— Совершенно верно.

Буфетчика вызвали по телефону и он прилетел точно на крыльях: через пятнадцать минут был тут как тут. Вошел в кабинет бочком, подобострастно приложив пухлые ручки к груди.

— Ты что ж это двуличничаешь, парень? — спросил полковник сердито. — Вот же твои

показания, где ты разоблачаешь все злоупотребления Аббасова! Это твой почерк, твоя подпись?

— Моя, уважаемый начальник.

— И что ж, ты отказываешься от своих показаний?

— Да. Вы в тот день силой заставили меня написать это.

— Как же я тебя заставил?

— Пригрозили застрелить.

— А ты знаешь, что я вообще не ношу оружия?

— В тот день у вас в руке был заряженный пистолет.

Полковник был возмущен наглостью квадратного. Но его волнение выдавали только вскинутая бровь, сузившиеся глаза, которые побелели и метали молнии. Салимджан-ака резко вскинул голову и властно приказал:

— Ну-ка, посмотри мне в глаза. Смотреть в глаза! Вот так. А теперь отвечай. Был у меня в тот день в руке пистолет?

— Был... — выдавил из себя квадратный, не смея отвести глаза.

— Какой это был пистолет? Смотреть в глаза! Отвечай.

— Какой... не помню.

— Какого цвета он был? Белого, желтого?

— Не помню.

— Возможно, был белый?

— Да, да, правильно, белого цвета.

— Вот видишь, опять лжешь: я же всегда ношу пистолет желтого цвета.

— Вот, вот, желтого цвета и был!

— Но неужели ты не знаешь, что все пистолеты бывают только черного цвета?

— Че... че... че... — квадратный задрожал, как осиновый лист, начал зыркать глазами по углам, как курица, собирающаяся снести яйцо. Ему подали воды, и он так заколотил зубами о стакан, что вода пролилась на штаны, отчего они стали мокрыми, как у нашего маленького Бахрама. Его усадили на диван, думали, успокоится малость, а он так стал трясти коленками стол, будто началось землетрясение.

Однако успокоившись и поднявшись на ноги, снова завопил:

— Да, да, вы хотели пристрелить меня!

И выскочил за дверь, словно кто-то за ним гнался. Все сидевшие в кабинете расхохотались. Даже капитан Хашимова. Никогда не думал, что она умеет так смеяться — громко, заразительно, от души.

— Ох, представляю, каково этому бедолаге, — проговорила она сквозь смех. На улицу выйдет — в руки своего благодетеля Аббасова попадет; сюда придет — перед вами оказывается, Салимджан-ака. Признаться, полковник, лично я не хотела бы оказаться под огнем ваших глаз. Какая-то прямо сверхъестественная сила в них. Уж мне, кажется, бояться нечего, а так и хотелось повиниться в чем-нибудь.

— И мне тоже, — выразил согласие Карабаев.

— Зря, — сказал Салимджан-ака, улыбаясь. — Для тех, у кого совесть чиста, мой взгляд безопасен. Впрочем, если хотите, могу усыпить любого из вас. Хашим, хочешь?.. Ну, буфетчик-то как драпанул, а? Ничего, он скажет правду, еще как скажет!

Посовещавшись, вызвали повара Ураза. Он уже с порога стал внимательно изучать потолок.

— Вечером того дня, как вы были у нас, мы собрались дома у директора. Но я ему не признался, что дал вам показания.

— Еще кто-нибудь присутствовал, кроме работников кафе? — быстро спросила Хашимоза.

— Двое.

— Вы их не знаете?

— Нет. Но с виду солидные люди. И еще я хочу сказать... В доме номер сорок по улице Багат директор Аббасов прячет сто мешков муки.

— Зачем ему столько муки?

— Ночами из нее изготавливают пирожки и торгуют на вокзале.

Полковнику, видно, эти новые факты пришлись кстати, он подошел к Уразу, который все еще любовался потолком, потрепал его по плечу.

— Смотри прямо, парень! Еще когда первый раз тебя увидел, сразу догадался, что в этой грязной компании ты оказался случайно. Я тебе помогу перейти на хорошую работу в другую столовую. Верю, будешь трудиться добросовестно.

— Есть еще вопросы? — спросил полковник членов комиссии. Вопросов не оказалось. Тогда повара отпустили и порешили, что настала пора вызвать «бедненького, несчастненького» Аббасова.

До сих пор, видно, я не разглядывал этого человека внимательно. На окружающих он смотрел сощурившись, точно насмехаясь. Тонкие губы крепко сжаты и выступают вперед. Лысина сверкает, как никелированный шар. Дряблые щеки, приплюснутый нос, похожий на раздавленную лягушку, неисчислимы морщины, избороздившие его лицо вдоль и поперек, — все это поначалу вызывает у человека какую-то даже жалость. Однако через минуту появляется неприязнь, а еще через одну — какое-то брезгливое чувство.

Разговор с Аббасовым получился коротким. Он сразу заявил, что ни на один вопрос этой комиссии отвечать не собирается, будет ждать составления другой, «объективной и справедливой», повернулся и вышел, даже не попрощавшись.

— Ну и что вы на это скажете? — обратился полковник к Хашимовой.

— Ох, и наглец! Этот тип не из тех, кого можно взять голыми руками, — ответила капитан.

— А вы? — обернулся Салимдлсан-ака к Кара-баеву.

— Я тоже так думаю, — ответил, разумеется, тот.

После короткого обсуждения решили работать по линии факта сообщенного поваром: создать три оперативные группы, которые одновременно проверят наличие продуктов в кафе «Одно удовольствие», лотки с пирожками на вокзале и произведут обыск в доме номер сорок на улице Багат. Операцию назначили на двадцать два ноль-ноль. В группы включили дружинников, пенсионеров-общественников, а про меня будто забыли.

— А я? Что буду делать я?

— Ты останешься здесь, за начальника штаба, — не то пошутил, не то приказал Салимджан-ака. И мне до двенадцати часов ночи пришлось сидеть как привязанному в отделении. Первой вернулась группа полковника.

— Никто не звонил? — спросил Салимджан-ака, влетая в кабинет. Несмотря на позднее время, он был полон энергии и явно доволен.

— Нет, — зевнул я.

— Хашим, тебя можно поздравить. Ты не представляешь, какие результаты дал обыск: десятки мешков муки, сахара, изюма, бочки масла! Дело нештучное, сынок.

Потом появилась Каромат-келинойи.

— Потрясающие дела! — крикнула она, бросаясь на диван. — Обнаружено около тысячи незаприходованных пирожков, около шестисот коржиков! Ох, паразиты, ох, негодяи! — Она устало вздохнула. — Салимджан-ака, с вашего разрешения, я побегу. Дома грудной ребенок ждет. Извел, наверное, папу. Вот, оставляю вам акты, не подписался лишь один торгаш. Но улики все равно налицо. Я пошла.

Самой последней вернулась группа Карабаева. Они, оказывается, с двумя пенсионерами

устроили возле магазина засаду: поймать поваров с ворованными продуктами. Но те как-то догадались об этом и ушли через черный ход.

— Э, капитан, все дело испортили! — досадливо воскликнул полковник.

— Я сам тоже так думаю, — с сожалением покачал головой Карабаев.

Кинжалом — в самое сердце

Вот таким образом, дорогие друзья, опять все встало на свои места. Остались считанные часы перед тем, как отметут все обвинения, возведенные на меня. «Разнесчастный» директор кафе оказался главарем крупной шайки, которая подпольно изготовляла всякие яства и сбывала на рынках, вокзале, в других многолюдных местах города. Все денежки текли в карман «бессребреника» Аббасова. Решено было составить докладную об обнаруженных махинациях начальнику отделения товарищу Усманову и копию — в Министерство внутренних дел. А пока что — впереди выходной день и еще приятное событие: решил жениться наш сотрудник, лейтенант Нугманджан Насимов. Руководить подготовкой к свадьбе поручили Хашимовой, так что осталась она без выходного.

Я еще никогда не бывал на милицейских свадьбах, и мне теперь было любопытно, как все это будет? Мне казалось, что свадьбу наводнят люди в форме, которые только и будут заняты тем, что отдавать друг другу честь. Однако опасения мои не оправдались. Почти все гости были в штатском, благоухали духами, одеколоном. Вместо команд и рапортов звучали теплые приветствия, светились улыбки.

Я, как мне и было поручено начальством, прислуживал гостям. И это я, сами понимаете, делал с удовольствием и отлично. Успевал помочь поварам, готовящим угощения, разносить пузатые тяжелые чайники, раздуть огонь под самоваром, встретить, рассадить гостей, рассмешить их шуткой. Начало прибывать начальство, и тут оплошал я сам: вытянулся в струнку и поднес руку к виску.

— Отставить! — хлопнула меня по плечу Хашимова. — На свадьбе чинов нет, а значит — и субординации.

— Слушаюсь отставить, келинойи! — ответил я и все-таки отдал честь. Капитан весело рассмеялась, и я опять ее не узнал.

Ну, а свадьбу мы обставили — просто на загляденье! Кругом повесили гирлянды из разноцветных лампочек, столы украсили божественными розами, которые привез Салимджан-ака. Их мы поставили в корзиночки, что искусно вырезал один милиционер из полосатых арбузных корок..

Даже мясо, которое у нас в кишлаке подают большими кусками, разрезали на мелкие кусочки, красиво разложили на тарелках да сверху еще присыпали не знаю чем. А еды было разной — столы ломились.

Наконец все гости собрались. Каромат-опа поздравила молодых и предложила поднять бокалы за их счастье. При этих словах мне тотчас вспомнились все беды, которые свалились на мою голову из-за проклятого алкоголя, и я выскочил на улицу, чтоб и не уговаривали. Лучше подальше быть от этой проклятой штуки. В потемках налетел на какого-то человека. Приглядевшись, я узнал — кого б вы думали?! — того самого человека, который спал в психлечебнице на кровати у двери и ночами напролет ржал, изображая скакуна.

— Здравствуйте, Ариф-ака, — протянул я ему руку. — Добро пожаловать, входите.

— Молодой человек, я где-то вроде видел вас... Уж не вы ли это, Наполеон Бонапарт?

— Нет, я просто несмышленный жеребенок. Хотите заржу? — засмеялся я.

Ариф-ака тоже захохотал. Я ввел его во двор, посадил за стол к гостям, равным ему по

возрасту. Не успел я устроить его, появились еще гости. Навстречу им выбежали родители жениха и все родственники... Кто это, думаю, явился? Оказалось, Салимджан-ака и тот генерал, которого я брил еще в милицейской школе и который сказал мне: «Не знаю, какой из тебя выйдет милиционер, но парикмахер будет отличный». Здороваясь на ходу со знакомыми, они проследовали к месту, где сидели молодые, и сели рядом с женихом.

Я жутко взволновался. Мне захотелось во что бы то ни стало показать генералу, что я все-таки работаю в милиции, а не в парикмахерской. Как подойти к ним? О, догадался! Наложу в блюдо угощения — жареного там, пареного, вареного и поднесу им, а дальше видно будет.

Так и сделал. Поставил ляган перед генералом и скромно пожелал:

— Приятного аппетита, кушайте на здоровье!

— О-о, да это ты, курсант?! — воскликнул генерал, прервав беседу с полковником. — Ну, как живешь, закончил учебу?

— Закончил, товарищ генерал.

— В парикмахерской обитаешь?

— Нет, у меня служит, — вмешался в разговор Салимджан-ака.

— Но зелен он еще очень...

— Зелен-то зелен, конечно, но верю, когда-нибудь и созреет.

— Вот за это-то и люблю тебя, тезка, всегда живешь с надеждой на лучшее...

Именно в этот момент взяла микрофон капитан Хашимова и прервала нашу приятную беседу.

— Теперь очередь за музыкантами! — провозгласила она.

На двух широких деревянных помостах - сури сидели участники художественной самодеятельности Городского управления милиции — двадцать два человека. Они то настраивали свои инструменты, то слегка промачивали горло, ожидая команды. Не успел стихнуть голос Хашимовой, как они грянули марш. И пошло, и пошло: песни, танцы — все гости повернулись к ним.

Когда музыканты устали, Каромат-опа снова встала и объявила:

— А теперь, с вашего разрешения, слово предоставляется сержанту Сурату Арипову! Наверно, мало кто знает, что Суратджан пишет стихи, поет, сочиняет песни. Суратджан, просим вас, песню о милиции.

Народу честно я служу, служу родному краю,
Вот почему меня, друзья, повсюду уважают.
Как дамба, сель остановлю
и, как вода, — пожары,
Вот почему меня, друзья, повсюду уважают.

Вот тебе и знакомец мой, Сурат-ака! Какие у нас, оказывается, таланты!

Голос Сурата-ака был приятным, очень задушевым, с легкой грустинкой, он сам наигрывал себе на танбуре. Слушая его, даже повара забыли о своих служебных обязанностях: побросали ложки-поварешки и стояли, боясь упустить хоть одно слово. Но больше всех песня-стихотворение Сурата-ака понравилась генералу. Он даже не замечал, что привстает с места, когда голос певца становится тише, и садится обратно, когда песня начинает звучать нормально. Сурат-ака умолк, раздался такой гром аплодисментов, что мне показалось: вместе с людьми захлопали в ладоши и гирлянды лампочек, и густая листва деревьев, свисавшая над столами.

— Молодец, братец, молодец! Спасибо тебе! — Генерал на зависть мне освободил рядом с собой место, посадил талантливого сержанта.

— Дорогие гости! — снова прокричала Каромат-опа в микрофон. — Где еще веселиться, петь и плясать, как не на свадьбе?! Мы и будем петь и плясать, и веселиться. Вот рядом с нами сидит наш товарищ Джамал Карабаев. Секрет раскрывать не стану, пусть-ка он сам покажет нам, на что способен. Просим!

Я уже давно заметил, что Джамал-ака сидит вместе с участниками художественной самодеятельности, но никак не предполагал, что он имеет к ним какое-либо отношение. Подумал, грешным делом, что, наверное, обслуживает музыкантов, носит им чай, угощение. И жестоко, оказывается, ошибся. Капитан встал на ноги, похлопал руками по бокам и пронзительно закричал:

— Ку-ка-ре-ку-у!

Многие гости поначалу не поняли, откуда донесся этот голос. Одни посмотрели на крышу, другие на ветки деревьев, стараясь обнаружить пернатого певца, третьи украдкой взглянули на часы: вроде недавно сели за стол, и уже наступило утро, пора расходиться, а не хочется!..

Капитан закричал во второй раз, как бы желая успокоить введенных в заблуждение. Над столами грохнул смех, а Джамал-ака, с серьезной миной пояснил :

— Мать моя работала на птицеферме и я вырос среди птицы. Тогда и научился подражать голосам кур и петухов. Вот так, например, созывает бравый петушок своих подруг, обнаружив подходящий корм...

И в тот же миг Джамал-ака как бы превратился в настоящего петуха. Опять хохот.

— Завфермой захотелось куриного бульона и он решил изловить жирненькую курочку. Она не дается, убегает, вот так, переваливаясь, возмущенно кудахта...

Смех, восторженные вскрики, аплодисменты.

— На ферме у нас были два кеклика, которые беседовали между собой вот так...

Мне показалось, что внутри у Джамала-ака записаны, как на магнитофонной ленте, голоса всех птиц, и при желании он может проиграть любой из них. Вот поет, разливаясь трелью соловей, вот кричит перепелка: «пит-палак, пит-палак!» Такого я еще не видывал. Гости были в восторге, не хотели отпускать Джамала-ака, но когда председательствующий объявил, что молодых хочет поздравить уважаемый Салимджан-ака Атаджанов, все притихли.

Полковник, улыбаясь, встал в места, оперся руками о стол, откашлялся, готовясь заговорить. Но вдруг громкий заливистый плач грудного ребенка остановил его. Все обернулись к столам в дальнем конце двора. Оттуда отделилась фигура взлохмаченной женщины с ребенком на руках и пошла прямо на Салииджана-ака.

— Стой! — крикнула она. — Речи говоришь, молодоженов поздравляешь?! Лучше бы ты о ребенке своем позаботился!

С этими словами женщина бросила орущего ребенка на руки растерянного Салимджана-ака, потом повернулась к гостям и, потрясая кулаками, заорала:

— Что ж вы, люди, смотрите, не призовете к порядку этого блудливого пса! Видите ли, он не желает признавать собственного сына, подлец! Об алиментах я уж и не говорю, хоть бы копейкой помог! Обещал, что женится, когда умрет первая жена. Вот уже год, как ее не стало, а он все водит меня за нос! Бери теперь своего ребенка, наглец, сам корми, сам расти!

— Ты это кому говоришь? — спросил Салимджан-ака с совершенно потерянным лицом. Не раз в лицо смерти глядел спокойно, но такое...

— Ах, бесстыжие твои глаза! — завопила женщина опять. — Ты еще надеешься отвертеться?!

— Ты что, сумасшедшая? — Салимджан-ака пожал плечами, беспомощно посмотрел вокруг. — Да я тебя первый раз в жизни вижу!

Женщина прикрыла руками лицо и, громко вопя, кинулась вон из двора.

Вот тебе и свадьба! Вот тебе и веселье! Все оторопело молчали, только крик ребенка штопором ввинчивался в уши. Дикая сцена словно околдовала всех. Первой пришла в себя Каромат-опа. Она медленно, словно боясь потревожить сон этой массы людей, приблизилась к полковнику, осторожно взяла из его рук ребенка. Потом, снова превратившись в капитана Хашимову, резко приказала, ни к кому определенно не обращаясь:

— Бегом! Приведите эту бесноватую обратно.

Пятеро здоровенных парней вылетели на улицу, но через несколько минут вернулись не солоно хлебавши. Женщина словно сквозь землю провалилась.

Свадьба обратилась в траур. Гости маялись, не смели взглянуть друг другу в глаза. Иные кидали на Салимджана-ака быстрые сочувствующие взгляды, другие старались высмотреть, вытягивая шеи, ребенка, который все еще орал где-то возле очагов, третьи осторожно, полупшепотом переговаривались между собой:

— Кто бы мог подумать, что полковник... в таком возрасте...

— А я считал его кристально чистым...

— Не зря ведь говорят, душа чужая — потемки...

— Э, бросьте вы, я уверен, что это — наглая клевета... Зы же знаете, сколько у нас врагов.

— Я знаю эту девицу. Официанткой работала в столовой на Чорсу.

— По-моему, это очень ловко подстроенная западня.

— Как бы то ни было, прямо кинжалом ударили Салимджана-ака в сердце!

— Вот об этом-то я и горюю, друг!

— Добрее его не сыщешь человека, всем помогает, советует...

— Хороший человек, но все же... ребенка своего нельзя бросать.

И вдруг над столами взвился крик:

— Принесите валидол! Скорее! Скорее!

Я глянул и обомлел: Салимджан-ака, схватившись рукой за сердце, упал на стул, беспомощно откинув голову назад. Губы его начали синеть...

Удар за ударом

Полковник не спал всю ночь. Все ходил по кабинету взад и вперед, мучаясь какими-то мыслями. О чем, интересно, он думал? Наверняка, об этих клеветниках...

Да, тут задумаешься. Кто такая женщина с ребенком? Какую цель она преследовала, устроив этот шум?! И почему Салимджан-ака так взволновался, зная, что все это провокация, подстроено специально?! Так ничего и не решив для себя, я уснул беспокойным кошмарным сном. Когда открыл глаза, небо начинало светлеть. Кровать Салимджана-ака была не разобрана. Отсутствовал он и в кабинете. Выбежал во двор — здесь тоже никого. Странно, куда он мог уйти в такую рань? Может, у соседей? Тихо отворив калитку, я прошел к ним. Тишина. В открытое окно видно, как спутанным клубком спят дети. Голова одного на животе другого, ноги третьего на подушке, четвертый лежит поперек братьев и сестер, пятый вообще скатился с постели. Сопят себе спокойненько на стопке одеял, как зайчата, не ведая, что мир этот полон забот и тревог...

Я потрепал Нигмата-ака по плечу. Спросонок он, видно, принял меня за одного из своих сорванцов и пригрозил запустить ботинком, если не оставлю его в покое, но, узнав меня, сел на постели и зевая почесал плечо.

— Надеюсь, нигде не горит?

Я сообщил ему об исчезновении полковника.

— На кладбище, наверное, пошел. — Нигмат-ака вздохнул. — Ты же знаешь его обычай: в

любое время может отправиться к жене. Эх, судьба, судьба... Ладно, пошли.

Мы быстро зашагали к кладбищу.

Салимджан-ака сидел на мраморной скамеечке, крепко обхватив голову руками. Под красивым узорчатым навесом горела лампочка. Вся могила была покрыта цветами. Заметив нас, Салимджан-ака виновато поднялся на ноги.

— Простите, друзья, я вас побеспокоил...

— Да какое там беспокойство, — ответил Нигмат-ака. — Но лучше, конечно, уходя вот так, в неурочный час, предупреждать нас. — В его голосе послышались укоризненные нотки.

— Простите. Я сам не заметил, как очутился здесь. Ну и решил посидеть, поговорить, посоветоваться с ней. Когда мне приходилось туго, часть горя она принимала на себя, поддерживала во мне силы, помогала советами. Она и сегодня помогла. Велела не сдаваться, не падать духом.

— Что опять случилось? — встревожился сосед.

— А Хашим не рассказал тебе разве?

— Нет, он ничего не говорил.

— Вот и хорошо, что не рассказал. В свое время все узнаешь, дружище. Здорово меня вчера околпачили! Тут, конечно, была рука Адыла Аббасова, отдаю ему должное: коварен, как шакал, бестия! Что ж, бороться, так вот с такими бороться! Не люблю противника, готового сигануть в кусты от любого шороха. Разве это противник — старушка, торгующая семечками? Тут враз жирком обрастешь, обленишься, не правда ли, товарищ сержант?

— Так точно, товарищ полковник! — вытянулся я. — Торговки куртом тоже не преступники.

Слово за слово, мы и не заметили, как добрались до дома. На завтрак тетушка Лутфи испекла лепешек со шкварками, принесла свежей сметаны. За столом не смолкали смех и шутки. Салимджан-ака всегда становится таким, когда приходит к какому-либо решению: веселым, бодрым, во всем облике его сквозит воля и целеустремленность. Потом отправились на службу. Полковник шагал быстро и крупно, так что я почти бегом едва поспевал, за ним. Прохожие провожали нас взглядами, видно, думали, что мы спешим на происшествие.

Войдя в кабинет, полковник прямо подошел к сейфу, вставил ключ в замок... и тут же, точно от удара током, отпрянул назад.

— Сейф-то открыт, Хашимджан!

— А?! — Я точно прирос к месту.

— Постой, постой, тут ведь... документы исчезли!

— Какие документы?

— Все документы по кафе «Одно удовольствие». Находились в желтой папке. А ее-то как раз и нет. Беги, зови людей!

В диком волнении я выбежал в коридор. Первым, разумеется, сообщил о случившемся начальнику отделения полковнику товарищу Усманову. Весть, которую я принес, поразила его так же, как Салимджана-ака. Потом я зашел в парткабинет, к Каромат Хашимовой. Это был единственный человек, более или менее спокойно воспринявший мое сообщение.

Вернувшись в отдел, я обнаружил, что помещение полно людей. Салимджан-ака лежал на диване, растянувшись во всю длину своего роста. Лицо белое, как мел, одна рука безжизненно повисла... Что это с ним? Неужели... неужели я лишился человека, который мне дороже родного отца?!

— Салимджан-ака!.. — только и смог сказать я: к горлу подступил горький комок.

Часть II *По следам Желтого Дива*

Клад директора Аббасова

И вот я возвращаюсь из кишлака. В моем чемодане лежат две банки сметаны, шесть гроздей винограда, восемь слоеных лепешек, горсть джиды, горсть сушеного персика и горсточка сушеного урюка. Все это мне дала любимая моя бабушка и велела отнести в больницу Салимджану-ака.

— Сиди у его изголовья, не отходи ни на шаг, — строго-настрого велела она. — Этот полковник тебе как второй родной отец, держись за него покрепче, и он сделает из тебя человека.

Из кишлака я в общем-то возвращаюсь довольным. Очень приятно было встретиться с дорогими моими папой, мамой, ненаглядными сестренками. Ох и соскучились они по мне: совсем зацеловали, до сих пор болят щеки, словно терли их наждаком. Одно плохо, не удалось встретиться с закадычным другом Закиром. Как раз перед моим приездом его направили в областной центр на совещание передовых доярок. Правда, оно завершило свою работу тогда, когда я еще был в кишлаке, и Закир немедля отправился домой. Но по дороге уснул в автобусе и тот увез его обратно. Так и не привелось нам свидеться на этот раз.

Выйдя из машины на автобусной станции, я решил испытать свою драгоценную Волшебную шапочку. Как бы она не потеряла свою силу... Вот надел на голову, произнес магические слова: «Наверху небо, внизу земля, исполни мое желание, шапочка моя. Сделай меня невидимым». И в ту же секунду стал невидимым.

— Здравствуй, шапочка моя!

— Здравствуй, дорогой Хашимджан!

— Ты ждала меня, шапочка моя?

— Все глаза проглядела, Хашимджан.

— Мне опять нужна твоя помощь, дорогая.

— Если для хорошего дела, Хашимджан, трудов не пожалею.

— Я хочу искоренить преступность, шапочка моя. Ни больше, ни меньше.

— Я готова тебе помогать, Хашимджан.

— Как по-твоему, с чего мне лучше начинать?

— Иди по следам этого самого... «разнесчастного» директора, мой неунывающий друг.

— А ты уже обо всем знаешь?.. Спасибо, дорогая.

— Не стоит.

Вот именно с этого и надо начинать. Поплевав на ладони, я потер руки на счастье — и дунул домой. Оставив чемодан с подарками Лутфи-хола, предупредил в отделении, что жив-здоров, приступаю к работе, и напрямик направился в кафе «Одно удовольствие».

Было уже довольно поздно и дверь знаменитой пищевой точки изнутри была закрыта на щеколду. Но ведь для меня теперь нет препятствий! Повара направлялись в закуток директора для отчета. Разумеется, я тоже присоединился к ним.

— Жалобы были? — сразу приступил к делу Аббасов.

— Какое там! И пикнуть бояться! Знают, что жалобщикам все зубы повынимаем и в руки на память отдадим, — нагло ухмыльнулся один из поваров.

— Правильно, — одобрил Аббасов. — Продолжайте и дальше в том же духе. Собрание считаю закрытым.

Выпроводив всех, «несчастный» директор заперся изнутри, достал из сейфа пачки десятков,

пятерок, трехрублевок, уложил их в портфель и не спеша направился к выходу.

Аббасов имел, оказывается, привычку в одиночестве разговаривать сам с собой, как наш мулла Янгок.

Он шел крадущимся шагом по темным запутанным улочкам и бормотал себе под нос, как в бреду. И знаете, что мы с моей шапочкой услышали? Нипочем не догадаетесь!

«...Ну, Салим, как ты себя теперь чувствуешь? Хоть ты и полковник, а в моих руках как марионетка! Правда, плясать под мою дудку тебя не заставишь — упрям ты, ограничен со своей честностью, но в могилу живым — загною. Уж помучаю, как хочу. Ты ведь чистенький и потому доверчив, прям. А я, я на все способен, мне любая грязь по колено. Много лет назад, когда я был весовщиком на шелкомотальном заводе, ты засадил в тюрьму двух моих старших братьев и отца! Тогда мы предупреждали тебя, но ты не внял добрым советам. И мы поклялись отомстить. И сдержали слово. Это я поднес спичку к облитым керосином стенам, я запер твоих детей в доме! Но ты еще в долгу передо мной... Не будет тебе покоя, Салим, не будет никогда, ни за что!..

Ты, Салим, простодушен и доверчив. Тебе и невдомек, кто я такой. Я же столько лет уже преследую тебя, не даю тебе покоя, разрушаю твоё счастье. Это я сбил с пути твоего сына Карима, я заставил его украсть твой пистолет, которым был убит, по моему приказу, сторож ювелирного магазина.

Ты, Салим, верен долгу и присяге, а я верен себе. Ты стремишься покончить с преступностью, а я возвращаю преступников. Правда, немного нас теперь осталось, но остались те, кто умеет — хе-хе! — работать. А как мы обдělываем свои делишки, ты убедился на собственной шкуре, полковник! Это мы всучили тебе в руки чужого ребенка — и опозорили на весь город, это я велел выкрасть документы из твоего сейфа — и их выкрали!.. Нет, братец, пока я не погублю тебя, ты будешь гибнуть медленно, в мучениях. Я отомщу за отца...

Всю жизнь я купался в деньгах: покупал дома, машины, все, чего желала душа. Накопил целый сундук золота. И ты не смог прижучить меня. Потому что я — оборотень, и не зря зовут меня Адыл-баттал, Адыл-коварный...»

Нет, братцы, не мог я дальше слушать эти подлые излияния! У меня точно в голове помутилось, всего бросило в дрожь, я разбежался и изо всех сил, как футболист, исполняющий одиннадцатиметровый штрафной удар, пнул прохвоста. Конечно, не следовало бы этого делать, сам понимаю, ошибку совершил. Я ведь хорошо знаю устав: милиционер никогда не имеет права распускать руки. Хорошо хоть я не кулаки пустил в ход...

Осознав свою ошибку, я быстренько подхватил Аббасова под мышки, помог ему встать. Тот удивленно поглядел вокруг, произнес себе под нос «товба» и, отряхнув брюки, продолжал путь. Я двинулся следом чуть поотстав: боялся, что опять выйду из себя.

Адыл-оборотень остановился у больших железных ворот, надавил на кнопку звонка. Не успел он опустить руку, калитка, вырезанная в одной из створок ворот, распахнулась, и в слабо освещенном проеме показалась довольно миловидная, сильно надушенная женщина лет двадцати пяти.

— Ассалому алейкум! — пропела она медовым голосом, кланяясь Аббасову в пояс.

— Меня никто не спрашивал? — хмуро справился тот.

— Нет, никто не спрашивал. — Женщина загремела ключами, запирая за нами калитку. — Что-то давно вы не появлялись дома, я начала было беспокоиться.

— У первой жены обитал, ясно? — оборвал ее оборотень.

По пути к дому я повнимательнее присмотрелся к женщине. Рот ее был полон золотых зубов, словно специально повырывали все ее тридцать два зуба, а взамен вставили золотые. С ушей свисают золотые серьги, каждая величиной с ладонь младенца, на каждом пальце — чуть

не по десять золотых колец, по-видимому, с изумрудными глазками — очень уж сильно они сверкали. А браслетов на пухлых дебелих руках я просто не смог сосчитать. Поглядев случайно на ножки женщины, я ошалело помотал головой: ее легкие туфельки тоже были обшиты золотом. О боже, куда я вообще попал: в дом какого-то несчастного директора кафе или во дворец шаха, о каких частенько рассказывала некогда моя дорогая бабушка? Да, да, это был настоящий дворец, можете мне поверить!

Дом состоял из восьми комнат, каждая из которых выкрашена в другой цвет. На сверкающие бронзовой краской потолки нанесены разнообразнейшие картины. В каждом углу трельяжи с какими-то особыми зеркалами. А люстры? В восьми комнатах по хрустальной люстре под цвет стен. Темно-красные полированные шкафы, драгоценные вазы, в четырех комнатах по цветному телевизору, в четырех — по черно-белому. И ковры — ярчайшие, ручной работы... Серванты и полки ломятся дорогим фарфором, хрустальными рюмками, фужерами. Могу уверенно сказать: здесь было все, что вы можете купить на какой-нибудь выставке изделий легкой промышленности.

Директор опустил на атласные курпачи, посланные на полу.

— Потри ноги.

Женщина принялась массажировать жирные ножки бедненького директора.

— Подложи подушек за спину! — последовал новый приказ, который тут же был исполнен.

— Неси ужин.

Тут же подали ужин.

— Налей пиалу коньяка.

Выхлебав содержимое пиалы, Аббасов молча принялся за трапезу. Я давно слышал, как бурчит у меня в животе, поэтому, увидев аппетитные манты на подносе, не смог удержаться. Опустился рядом с любимой женой директора и начал уплетать манты за обе щеки; в считанные минуты уничтожил почти пол-лягана.

— Ну и жрешь ты, куда так спешишь? — рявкнул директор на супругу. — Объедаешь меня!

— Вай, да съела я всего парочку! — испуганно вскинулась она.

— Ха, она еще смеет мне врать! Иди принеси еще.

Через минуту появился второй поднос с горкой манты. Я и на этот раз решил не отказываться от угощения.

— Проверь запоры, включи сигнализацию, — приказал директор, вытирая масляные руки.

— И не забудь спустить с цепи собак.

Свет погас везде, в доме оборотня стало темно, как в могиле. Адыл-коварный крадущимися шагами направился к сараю. «Наверняка замышляет очередную подлость», — подумал я, пускаясь за ним. Войдя в темный сарай, Аббасов включил карманный фонарик и стал рыться в захлавленном стойле. Наконец, видно, он нашел то, что искал: вдруг куча угля, сваленная в середине сарая, сдвинулась в сторону вместе с полом. Показалась небольшая дыра шириной с ящик из-под чая. Адыл опустил в нее, нажал на какую-то невидимую мне кнопку (теперь я понял, что он искал в стойле); тихо скрипнув, медленно ушла в землю тяжелая железная дверь. Пройдя несколько шагов, Аббасов осветил еще одну дверь. Пошупав руками за филенкой, он нашел короткую веревочку, отцепил ее и дверь словно провалилась. Аббасов ползком опустился вниз, щелкнул выключателем — вспыхнул свет.

Подвал был невелик, метров пять на пять. Сильно пахло сыростью. Вдоль одной стены стояли ящики с коньяком, водкой, дорогими винами. Вдоль другой — ящики с атласом, бархатом. Потолок, стены подвала обложены цементными плитами, а пол — глиняный. Отмерив от двери два шага, оборотень опустился на корточки, стал по-собачьи разрывать землю руками. В углублении появился какой-то блестящий железный палец. Адыл выдернул его, в

образовавшуюся щель вставил ключ, трижды повернул. И вдруг левая бетонная стена подвала начала медленно уходить в землю. Передо мной появилась другая стена, сплошь состоящая из ниш. С одной из них Аббасов снял большой чемодан, открыл крышку. Я еле сдержал крик изумления: он был битком набит сто- и пятидесятирублевыми купюрами! В жизни я не видел так много денег. Оборотень небрежно бросил в чемодан давешние пачки десяток, пятерок и трешек, закрыл его, водворил на место. Затем снял другой. Этот был полон разными драгоценностями: золотыми монетами, посудой, украшениями. Адыл-директор взял три золотые монетки, опустил в карман...

А когда он открыл третий чемодан... признаться, я слегка перетрусил. В нем лежали, холодно поблескивая, три пистолета. Один из них Аббасов сунул в карман. Кое-как уняв дрожь в теле, я уже было изготовился прыгнуть на преступника, оглушить и связать его, затем отвезти в милицию. Еле уговорил себя не делать этого: по всему, оборотень готовится на новое, крупное преступление со всей шайкой и, поспешив, я могу испортить все дело. Пришлось по-прежнему молча следовать за Аббасовым. Через полчаса мы поймали такси и помчались в неизвестном направлении.

— Спасибо, шапочка моя! — прошептал я.

— Погоди благодарить, — ответила она. — Самое трудное еще впереди...

Тайное совещание в подземелье

Такси мчалось по опустевшим улицам, держа курс за город. Пошли кривые улочки, глинобитные заборы. Машина остановилась перед неожиданно появившимся обрывом. Аббасов протянул шоферу десятирублевую бумажку.

— В час ночи жди меня здесь!

Таксист, молоденький парень вороватого вида, об-радованно схватил десятку, поцеловал бумажку, сунул в карман.

— В час ноль-ноль буду как штык, ака.

Кругом стояла такая темень, такая зловещая тишина, что не будь у меня на голове волшебной шапочки, я бы, наверное, шагу ступить не посмел.

Миновав мусорную свалку, зашагали по руслу высохшего ручейка. Метров через пятьсот вылезли на правый берег, спустились на дно оврага и остановились у высокого глинобитного дувала-пахса. Открыла нам старуха лет семидесяти, а может, и девяноста, похожая на вопросительный знак — так согнули ее годы. Разговаривать она почти не могла, из беззубого рта вместо слов вылетал какой-то змеиный свист. Настоящая Баба-яга, можете мне поверить. Переселилась из сказки в этот таинственный дом.

— Ты сильно запоздал, верблюжонок мой...

— Такси не было, — буркнул сын верблюдицы. — Все собрались?

— Собрались, собрались, верблюжонок мой. Тебя ждут.

Баба-яга ввела нас в переднюю, отодвинула умывальник вправо — перед нами появилась квадратная дыра со ступеньками, ведущими вниз. По ним мы спустились в подземелье, пол которого был укрыт дорогими коврами. Воздух спертый, душно. Гости, ожидавшие Аббасова, почти все возлежали на атласных подушках, кто в майке, кто вообще по пояс голый. Духота, видно, одолевала. Пристроившись в стороне, я начал не спеша изучать каждого из них, стараясь запомнить все, даже самые незначительные приметы, что потом могло нам здорово пригодиться.

В дальнем углу сидел, небрежно развалясь, здоровенный детина с бычьей шеей, с борцовской фигурой. Тугие мышцы его извивались под кожей, как разъяренные змеи. Двумя

пальцами он колол орехи и миндаль и горсточками бросал в рот. Брови его казались веревкой, свитой из конского волоса, до того были черны и густы. После каждого слова он отдувался, как паровоз, спускающий пары.

Справа от Борца сидел человечек с восковым лицом, он то ли сильно вспотел, то ли обмазал лоб маслом — на нем сверкало отражение лампочки.

Слева от Борца устроился парень лет двадцати-двадцати пяти с длинным лошадиным лицом, на левой щеке глубокий багровый шрам. Все тело покрыто татуировкой: свившаяся кольцом змея, могила с крестом, кинжал, голова женщины, надписи вроде «Не забуду мать родную», «От работы кони дохнут»... Я его окрестил Лошадью.

Противоположный угол занимал такой толстый, пузатый человек, что я даже вспотел, представив, как он спускался в подземелье по узкому проходу. Дышать ему было трудно, издавал он лишь какие-то хрипы и свистки...

У самых дверей на корточках сидел такой худющий парень, что я без труда сосчитал все его двенадцать ребер. Тонюсенькая шея, по-видимому, не могла удержать головы, которая то и дело бессильно падала на грудь.

— О-о, учитель явился! — пронесся по подземелью вздох радости и облегчения. Все присутствующие вскочили на ноги, стали кланяться Аббасову, приложив руку к сердцу.

Адыл-коварный прошел на почетное место, обложенное пуховыми подушками, сел. Худющий парень, держа сложенные ладони перед лицом, прочел короткую молитву, которую закончил словами:

— Да останется милиция всегда с носом, аминь!

— Аблоху акбар! — присоединились остальные.

После этого начались обычные расспросы о здоровье, житье-бытье, о делах. А какое у таких бытье, какие дела?.. Разговор коснулся городских новостей, разных слухов. Толстяк, тяжело отдуваясь, сказал, что жизнь становится все труднее и труднее, что милиции помогают дружинники, представители народного контроля, и есть все основания полагать, что органы добьются своего — в корне изведут ихнего брата.

— Не дрожи так сильно, трус! — прикрикнул на него Адыл. И повернулся к соседу: — Муталь, встань!

— Слушаюсь! — вскочил тот на ноги. Это был Лошадь.

— Ты выполнил мое поручение? Где документы?

— В портфеле, хозяин.

Муталь вытащил из-под себя портфель и извлек желтую папку — ту самую, которая исчезла из сейфа полковника! От волнения у меня закружилась голова. Что делать? Выхватить из рук Лошади заветную папку и броситься к Салимджану-ака в больницу? Дет, Хашимджан, спешка в нашей работе недопустима...

— Рассказывай! — приказал Адылов.

— Что рассказывать, хозяин?

— Как провел операцию по изъятию этих документов. Пусть все слушают и наматывают на ус, как надо работать.

— Все сделали точно так, как велели вы, учитель. В форме майора милиции я явился в отделение. Дежурил пожилой простоватый сержант, я представился ему работником областного управления, предъявил удостоверение.

Я поинтересовался, как проходит дежурство, нет ли особых нарушений. В этот момент появился мой напарник — тоже в милицейской форме, с букетом цветов в руке. Извинившись передо мной и попросив разрешения обратиться к сержанту, сказал:

— Где-то здесь поблизости свадьба моего друга, а адрес его я куда-то подевал, не могу

найти. Вы, наверное, знаете, он тоже служит в милиции и живет где-то рядом.

Сержант объяснил, где идет свадьба, посожалел, что не может проводить, так как находится на посту. Я сделал вид, что возмутился бездушием сержанта, прикрикнул на него:

— Милиционеры должны помогать друг другу, пора бы понять эту простую истину. Идите, покажите товарищу нужный дом, а на посту я побуду сам!

И пока сержант вернулся, я успел вскрыть сейф, выкрасть документы.

— Молодец, одобряю! — даже похлопал в ладоши Адыл-оборотень. — Теперь расскажи, как провел операцию «Грудной ребенок».

— Ее выполнила Шарифа.

— Шарифа? Кто такая?

— Вы ее знаете, хозяин. Действует в моей группе. Раньше работала официанткой в столовой, сейчас промышляет тем, что ходит по организациям и ворует пальто и плащи. Она как раз родила ребенка, отца нет, ну и не знала, что с ним делать. А тут подвернулось такое выгодное предложение и она с радостью согласилась. Я пообещал выхлопотать ей двухкомнатную квартиру и дать три тысячи при благополучном завершении дела.

— Она сейчас ушла в подполье?

— Ага.

— Пусть легализуется. Не то все пропадет даром, Она должна каждый день бегать в милицию, требовать алименты и наказания полковника. Конечно, ничего не докажем, но крови ему много попортим! На, держи эти деньги, обещанные Шарифе. А эти золотые монеты — тебе. Хочешь — вставь себе зубы, хочешь — закажи жене кольца, — твое дело. Я друзей никогда не обманываю, если они точно выполняют мои задания... Саллабадрак, встань-ка с места!

Так почему-то звали парня с бычьей шеей. Он с трудом оторвал свое могучее тело от пола.

— Как твоя тачка, работает?

— Работает, хозяин.

— Отвез муку?

— Так точно.

— А сахар?

— Сахар пока что не удалось вывезти.

— Этой ночью вывези во что бы то ни стало.

— Будет сделано, хозяин.

— В шелкоткацкой артели побывал?

— Да. Отвез, куда было велено.

— На, держи премию. — Аббасов вынул из портфеля пачку денег, кинул Саллабадраку.

«Куда я попал? — кричало все мое существо. — Кто это такие? Неужели это не сон, а явь и такие типы живут рядом с нами? Один — вор, другой — взяточник, третий — клеветник. Да здесь прямо-таки образцы всего преступного мира! Это они не дают милиции ни дня покоя, живут за счет честных людей. Да еще как по-современному выражаются: «операция», «легализация», «изъятие» — прямо-таки разведчики! Это желтые дивы, которых надо уничтожать!»

— Главварь спекулянтов Ариф, встань!

Худущий парень встал на ноги, бессильно прислонился к стене.

— Рассказывай.

— Дела идут неважно, хозяин.

— Почему?

— Нашего брата становится все меньше. Во-первых, нечем торговать, так как в магазинах все больше товаров, во-вторых, почти все лучшие, опытные люди за решеткой.

— Какие меры принимаешь, чтобы уберечь кадры от провалов?

— Разные. Недавно сместили с работы участкового, организовав жалобу торговки ичигами.

— Неплохо. Продолжай в том же духе. Кадры надо беречь. Как с ценами на толкучке?

— Ничего, хозяин, неплохо. Отрез атласа, который стоит двадцать один рубль, идет по пятьдесят.

— Слышишь, толстяк? — торжествующе вскинулся Аббасов.

Тот в ответ промычал что-то невнятное.

— Ковер стоимостью в сто пятьдесят рублей толкаем за двести пятьдесят, — продолжал Ариф.

— Слышишь, толстяк? — повторил Аббасов и опять услышал глухое мычание.

— Ондатровые шапки стоят по пятьдесят рублей... — сказал Ариф бодро и испуганно умолк, увидев, что Адыл-оборотень вскочил с места, как ужаленный змеей, подскочил к толстяку, схватил его за ворот и рывком поставил на ноги.

— Когда только ты поумнеешь, эй, мешок протухшего жира?! Я же велел тебе не передавать шапки в магазины, пока их цены не подскочат на рынке до ста рублей! Думаешь, мне легко достался такой дефицитный товар?! — С этими словами Аббасов вlepил толстяку звонкую пощечину.

— Завмаги сильно шумели, пришлось... — начал слабо оправдываться толстяк, не смея даже потерять ушибленное место. — Если не выдам товар, грозилась пойти в ОБХСС.

— Теперь нечего бояться ОБХСС! — взвизгнул «учитель». — Их начальник сейчас лежит при смерти. Бог даст, скоро мы попируем на его поминках... Деньги принес?

— Только половину, — выдавил толстяк и быстренько прикрыл лицо руками, боясь получить очередную оплеуху.

— А где остальные?

— Я же говорю, никто не дает теперь взяток.

— Врешь, собака! Я знаю, что именно теперь ты берешь вдвое больше, чем раньше. Знаю также, что деньги, которые утаил от меня, прячешь в своем загородном доме! Муталь...

— Слушаю, хозяин.

— Сегодня ночью произведешь у него обыск.

— Будет сделано, саркар.

— Простите, хозяин!.. — завопил толстяк, заметался, как перепел, попавший в силки. — Я вроде все деньги принес, ошибся, видно, подумал, что здесь только половина... Вот они, вспомнил, в левом кармане, в левом...

Он лихорадочно выудил из кармана две тугие пачки, перетянутые цветной бумагой, положил перед Адылом.

— Инициативный директор лоскутного магазина, Каюм, встань, отчитайся перед друзьями.

Мозглык со сверкающим лбом моментально оказался на ногах, подобострастно сложил руки на грудь.

— Сбыл товары, полученные от фирм?

— Половину.

— Куда дел другую половину?

— Переправил в филиалы. Завы у меня там надежные, всех в кулаке держу.

— А не попадутся они?

— Принял меры. Мы разрезали ткань вначале на лоскуты, потом вывезли в филиалы.

— Bravo! — похлопал бандитский «шеф» в ладоши. — Нашу долю прибыли принес?

— Да, хозяин.

В этот момент дверь подземелья открылась и на ступеньках появилась полусогнутая Баба-

яга. На громадном лягане она несла штук пятнадцать отварных курочек.

— Кто-нибудь, тащите коньяку, — распорядился Аббасов, проглотив слюну. — Живо!

Директор лоскутного магазина взлетел по ступенькам и через минуту принес десять бутылок коньяка.

Началось пиршество. Каждый выхватил по курице и стал вгрызаться в нее, запивая мясо коньяком из большущих пиал. Они громко чавкали, икали, выплевывали косточки прямо на ковер. Мне тоже захотелось съесть крылышко или ножку, но, уж на что люблю подзаправиться, — в таком обществе побрезговал.

К концу трапезы у всех развязались языки и мне оставалось только слушать и слушать. И выяснил еще кое-что такое, что должно было очень заинтересовать Салимджана-ака. Например, узнал, что эта банда сколотилась сравнительно недавно, когда преступникам стало ясно, что милиция вскоре поодиночке выловит их всех. Вот они и объединились, чтобы защищать друг друга, поддерживать деньгами, советами, связями... Адыла Аббасова выбрали главарем и каждое его слово было законом. Еще я узнал, что избитый Адылом толстяк — завскладом районной потребительской кооперации, худющий Ариф базарком, Муталь — шофер автобазы.

Главарь провел небольшую беседу о том, как избегать неприятных столкновений с милицией, каким образом усыплять бдительность дружинников. Посоветовал каждого «подающего надежды» — представляете, какие! — привлекать на свою сторону, а если это сразу не удастся, то постараться облить того грязью, чтобы он вообще потерял среди честных людей авторитет.

— Клевета, распространение слухов должны стать нашим главным оружием, — сказал он в заключение. — Следующую встречу я назначаю на двадцать седьмое число этого месяца, на двадцать два часа. Самое главное сейчас — действовать осторожно, с умом, но решительно. Это должно стать нашим девизом... Арифджан, ну-ка, почитай молитву за всех за нас.

«Завотделом спекулянтов» упал на колени и стал пьяно бормотать, глядя на груды пустых бутылок у стены.

— Аминь! — закончил он свою «молитву». — Да пусть враги наши всегда терпят поражение, а дела наши процветают и Адылджан-ака всегда пребывает в добром здравии и благодушном расположении духа!

— Аминь! — хором прохрипели члены банды.

На этом «общее собрание» шайки закрылось. Все начали расходиться. Я, само собой, увязался за Аббасовым. Ведь мне следовало знать, где он припрятает нашу желтенькую папку. Такси его ждало на условленном месте — ничего не скажешь, все организовано! Не успели мы сесть, как машина рванула и понеслась по темным улицам.

У моего «приятеля» было отличное настроение. Откинувшись на спинку сиденья, он вполголоса напевал какую-то пошлую песенку. А у меня из головы не шли слова Салимджана-ака: «Знаешь, Хашимджан, — говаривал он, — среди сотен тысяч честных трудовых людей могут появиться один-два отщепенца, которые многим портят жизнь, лишают покоя. Наш с тобой долг — наставить таких на путь истинный, ну, а если не захотят — то со всей суровостью покарать!»

Что ж, дорогой Салимджан-ака, теперь мы знаем кто главарь шайки, знаем и про их делишки и планы. И в свое время всех возьмем, никто не скроется от возмездия...

Я проследил, как Аббасов спрятал в своем тайнике желтую папку, и, несколько успокоенный, далеко за полночь отправился наконец домой.

Бессонная ночь

Я решил так поздно — или уже рано? — не будить звонками Лутфи-хола: в два приема одолел дувал и оказался во дворе. Снял с головы шапку-невидимку, оглянулся по сторонам. Что такое? В цветнике, как ни в чем не бывало, разгуливает с садовыми ножницами Салимджан-ака, облаченный в свой жирафий домашний халат! Не веря себе, я протер глаза: Салимджан-ака ведь должен быть в больнице, врачи говорили, что он в тяжелом состоянии!

— Здравствуйте! — пробормотал я неуверенно.

— Ия, Хашимджан?! — изумленно воскликнул полковник, выпрямляясь. — С неба свалился или из-под земли вылез?

— Через дувал перелез. Но вы? Откуда вы сами появились? Вечером вас не было...

— Удрал из больницы, сынок, — пояснил Салимджан-ака виноватым тоном. — Здесь, сам знаешь, дела у нас важные и сложные... Грех в такое время валяться в больнице. Да докторам разве втолкуешь это? Дождался сегодня, когда все уснут, и дал стрекача. Знаешь, Хашимджан, к какому выводу я пришел?

— Нет, не знаю.

— В ограблении нашего сейфа участвовали люди Адыла Аббасова. Он — организатор.

— Верно.

— Ибо именно он заинтересован в уничтожении этих документов. Но сейф вскрывал не он сам.

— Верно. Не сам вскрывал.

— Постой, а ты откуда знаешь?

— Да нет, я так просто...

— Неисправимый подонок этот Аббасов. А я надеялся, что образумится; догадываясь о его проделках, пытался направить на путь истинный. А он каждый раз старался надуть меня и, надо сказать, ему пока это удавалось. Ты знаешь, я с жучьем строг, но ведь не пойман — не вор.

— А вы давно его знаете?

— Лет десять.

— Не помните, проходил он по делу о махинациях на шелкоткацкой фабрике?

— Не помню, сынок. Ведь когда все было... Ты к чему это?

— Нет, просто так...

Не время еще говорить с Салимджаном-ака обо всем, что я узнал. У него сердце, может слечь опять. Ему сейчас полезно слышать лишь радостные вести... Решено, о старых делах умолчу. А вот если я скажу, где находятся документы, он вдруг возьмет да и поправится окончательно.

— Салимджан-ака, давайте-ка присядем, — сказал я как можно спокойнее, увлекая его на веранду.

— Что у тебя там, что-нибудь важное? — испытующе взглянул он мне в глаза. — Давай выкладывай!

— Ого, важное. Да еще какое!

Мы опустились на диван. Не упоминая о волшебной шапочке ни словом, я начал рассказывать, как вернулся из кишлака, посетил кафе «Одно удовольствие», пошел по следам директора, словом, все по порядку.

— Как тебе удалось все это подсмотреть и подслушать? — с некоторым недоверием спросил полковник,

— А я умею быть невидимым.

— Ты что?! — с еще большим недоверием покосился на меня Салимджан-ака. Верно, подумал, что я слегка — того...

— Правда; если сомневаетесь, можете проверить. Вот, закройте-ка глаза...

Полковник нехотя закрыл глаза. Я надел шапочку, стал невидимым.

— А теперь вы меня видите?

— Нет. Ты и вправду исчез, Хашимджан. А голос твой слышу. Товба... Что ж это такое? Эй, слушай-ка, парень, а ну, прекрати свои фокусы, появись снова!

— Сейчас. Только закройте глаза.

— Вот, закрыл.

— Теперь можете открыть.

— О, товба, товба! Хашим, ты ли это? Или мне приснилось?.. Да ты настоящий фокусник, парень! Ну объясни, как ты исчезаешь?

— Я выпил специальное такое лекарство.

— Дай мне тоже попробовать капельку твоего лекарства.

— Нельзя. Любого другого это лекарство может убить. И вообще это страшная тайна. Если о ней узнает еще кто-нибудь, то мы все трое умрем, не сходя с места.

Полковник покачал головой.

— Не снится мне все это?

— Нет, не снится, Салимджан-ака.

— Покажи тогда свой фокус еще раз.

— Закройте глаза.

Минут десять-пятнадцать мы играли в прятки. Я становился невидимым и подавал голос с разных концов веранды; Салимджан-ака пытался поймать меня, а когда я ускользал из его рук, он хохотал во все горло. Наконец, усталые, мы опять сели на диван.

— Ты где достал такое лекарство? — спросил Салимджан-ака лукаво.

— Бабушка дала.

— Уж не алхимик ли она у тебя?

— Что-что? Красный химик, вы сказали?

— Говорю, большой ученый, видно, твоя бабушка. За изобретение такого лекарства надо бы удостоить ее Государственной премии.

— Ну, этого делать нельзя.

— Почему же нельзя? — улыбнулся полковник. — Иные соорудят кочергу и ходят по инстанциям, требуют премию...

— Моя дорогая бабушка заболит, если мы откроем ее секрет.

— Да ну?

— Точно. Можете мне поверить.

— Значит, эту тайну никому нельзя открывать?

— Никому.

— Интересно... — Полковник стал расхаживать взад-вперед по комнате. — Я ведь не раз слышал про разные случаи волшебства, но не верил этому. А вот три года тому назад я ездил в Ленинград на семинар. Нам показали маленькую девочку и сказали, что она способна видеть через толстые стены, стальные пластины в полметра толщиной. Я, конечно, не поверил. Девочка подошла ко мне. «Дядя, если хотите, можете испытать». Я попросил первое, что пришло на ум: сказать, что у меня в нагрудном кармане. Девочка подняла глаза и через секунду оказалась: «У вас в кармане лежит паспорт и вложенная в него фотокарточка мальчика и женщины». В паспорте моем находилась карточка жены и Карима, снятых вместе! Я был поражен. Кто знает, может, и твоя бабушка обладает какими-то не известными науке особенностями. Телепатия там... А впрочем, я думаю, что волшебства никакого нет, просто ты ловкий парень и кое-чему успел научиться, служа в милиции.

— Салимджан-ака! — перебил я его. Полковник остановился, повернулся ко мне, ожидая,

что я скажу.

— Вы меня любите?

— Конечно. Как родного!

— Тогда еще раз прошу: никому не выдавайте мою тайну.

— Стоп, стоп, Хашим! Ну хорошо, давай не будем об этом больше... Я сорок лет работаю в милиции и сорок лет храню, если надо, государственные тайны. Я умею молчать, сынок. Уверен, Хашимджан, преступникам не поздоровится, если совместить твое, как ты утверждаешь, волшебство с моим опытом. Мы изведем их под корень!

— Вот это я и хотел вам сказать.

— Молодец, сынок! Теперь — за дело. Первым делом, я считаю, надо сообщить Али Усманову, где находится желтая папка с похищенными документами.

Несмотря на раннее время (часы показывали пять с чем-то), Салимджан-ака набрал домашний номер телефона товарища Усманова. Трубку подняла жена начальника.

— Позовите-ка своего мужа, уважаемая! — попросил Салимджан-ака. — Да, да, это я. Ничего особенного, но он мне срочно нужен.

С минуту полковник ждал, прижав трубку к уху. Потом заговорил опять:

— Я говорю из дома, а не из больницы. Гм... нет, не удрал, врачи сами разрешили. Что я хочу сказать тебе важного? Удалось выяснить, где находятся похищенные документы! Сам приедешь? Валяй, ждем...

Через полчаса в комнату вбежали взволнованно полковник Усманов вместе с начальником уголовного розыска майором Халиковым, мужчиной среднего возраста, но седым как лунь. Когда все уселись за круглым столом, полковник кивнул мне:

— Докладывайте, товарищ сержант.

Я рассказал все, что видел, слышал, привел все фамилии, какие удалось выяснить.

— Уфф, уму непостижимо! — только и проговорил Усманов, когда я закончил.

— Думаю, сообщение товарища Кузыева достоверно, — вскочил с места майор Халиков. — У нас есть сведения, что в районе этого оврага собираются подозрительные личности. Лоскутный магазин — под нашим наблюдением. Не предпринимаем оперативных мер потому, что эта лавка находится в тесной связи с шелкоткацкой артелью, — расследование только начинается. А сообщение товарища Кузыева я считаю чрезвычайно ценным и от души поздравляю молодого коллегу с успехом!

После этого мы принялись составлять план операции по разоблачению банды. Я предложил сейчас же нагрянуть в дом Аббасова и извлечь из тайника похищенные документы. Мне возразили: это насторожит остальных членов шайки.

— Преступников следует взять с поличным, — наставительно сказал мне Салимджан-ака.

И с ним, конечно, нельзя было не согласиться. Мне осталось только принять солидный вид и веско произнести:

— Совершенно верно. Пороть горячку нельзя.

Посоветовавшись, решили установить за преступниками внешнее наблюдение, выяснить все их связи, все темные делишки и арестовать, когда они соберутся на очередное свое собрание в подземелье Бабы-яги.

— Так, решено, — удовлетворенно сказал полковник Али Усманов. — А кому мы поручим проводить операцию?

— Я думаю, самому сержанту Кузыеву, — предложил вдруг Салимджан-ака.

— Не очень ли молод Кузыев для такого ответственного задания? — усомнился Али Усманов.

— Когда я предложил товарищам назначить тебя начальником районного отделения

милиции, ты был на много ли старше Хашимджана? — приподняв брови, внушительно произнес Салимджан-ака. — Тогда тоже кое-кто сомневался: «Да вы что, шутите, у него еще материнское молоко на губах не обсохло — и туда же — начальником!» Но я знал, что ты справишься, и притом отлично, и продолжал настаивать. Как видишь: не ошибся. От зеленого лейтенанта до полковника вырос. Кадрам надо доверять, полковник. А за Хашимджана я ручаюсь, как за себя. К тому же у него есть один секрет... — лукаво усмехнулся Салимджан-ака.

— Вы мой наставник, вы учили меня азбуке милицейской работы, как я могу перечить вам?! — улыбнулся Усманов. — Ваше слово для меня — закон! Товарищ Кузыев, поздравляю вас с первым ответственным заданием!

— Постараюсь оправдать ваше доверие, товарищ полковник! — вскочил я с места, прикладывая руку к козырьку.

— Но учтите, — продолжал полковник, наставительно подняв палец, — ничего не предпринимайте, не согласовав со мной или с Салкмджаном-ака.

— Слушаюсь, товарищ полковник!

Рассветало. Я разжег самовар, принес на стол гостинцы, привезенные от бабушки. Завтрак прошел на высшем уровне.

Дела наши с Салимджаном-ака, скажу вам, кажется, здорово пошли в гору. Мы тут же, не сходя с места, придумали даже название предстоящей операции: «По следам Желтого Дива». Неплохо звучит, а, как по-вашему?

— Товарищ сержант! — сказал мой руководитель, когда насчет кодового названия было все обговорено: — Теперь немедля пойдешь по следам того толстого взяточника.

— Как? Я думал, что в первую очередь буду заниматься...

— «Разнесчастным директором?» К нему мы приставим наблюдателей: как на работе, так и дома. На этот счет ты не беспокойся.

— Что ж, тогда все о'кей, товарищ полковник!

— Начитался зарубежных детективов?.. Ну, ладно, счастливой охоты, сын мой сержант! Успехов тебе.

Перепелки денег не клюют...

Я повесил на плечо фотоаппарат, засунул в карман магнитофон, — вы такого маленького и не видывали, специально сработан для нас, милиционеров, и напрямик направился на склад районного кооперативного общества. Ох и добра я увидел тут, просто выразить трудно! Склад длиной в двести метров, высотой в двадцать до самой макушки был полон-переполнен разнообразнейшими товарами. Чего только душа пожелает — все было здесь: шелковые ковры, ковры машинной и ручной выделки, ярчайшие шелка да атласы, которые люди называют «Коли дочь наденет, сноха от зависти лопнет»; холодильник, коих никак не признает моя дорогая бабушка, и- полированные кафы, столы, серванты, за которыми вон уже сколь-о безрезультатно охотится моя дорогая матушка; арфоровые чайники, косы...

Нет, нет, вы же знаете, я не мастак описывать, а коли и начну говорить про отличнейшие детские костюмчики, то наверняка забуду упомянуть о пальто-джерси, а скажу про них, не дождутся своей очереди надетые друг на друга, лежащие штабелями ондатровые шапки или тюки пуховых платков, небрежно разбросанные вокруг...

Ну, ладно, пойдем дальше. Вернее, начнем с начала. У самых дверей склада я обнаружил закуток, равный по размерам, ну, скажем, кабине грузовой машины. В нем сидел, печально подперев щеку рукой, знакомый нам с вами толстячок. На сей раз в шляпе и при галстукке, узел

которого был с мой кулак. Лицо его было скучным, как лужа при солнечной погоде. Лоб его торчал почти на улице, словно готовый боднуть любого, кто только посмеет сунуться к нему. А руки будто живут сами по себе: порхают над счетами. А во дворе, перед складом, околачивается человек пятнадцать-двадцать завмагов, боязливо поглядывают на бодливый лоб толстяка-завскладом, подталкивают друг друга, как студенты, подзадоривающие товарища зайти к профессору первым...

Я включил магнитофон, вытащил из футляра фотоаппарат. Ах, да, забыл сказать — шапочку свою я еще на улице надел. В общем, приготовился работать. В этот момент один из завмагов решился проскользнуть в кабину толстяка.

— Ассалому алейкум!

Молчание.

— Как вы себя чувствуете, дражайший?

Толстяк поднял наконец голову. Куда девалась его робость там, в подземелье. Увидев его перекошенное лицо, горящие яростью глаза, право слово, я и сам испугался, хотя был невидимкой; а каково было бедному завмагу, можете представить сами!

— Я... я... — промямлил он испуганно.

— Ну что, я-я?! Чего надо? — крикнул толстяк, дернувшись вперед, точно собирался укусить вошедшего.

— Я... за товаром... приехал.

— Товару нету.

— Я и в прошлый раз ничего не получил.

— Бог даст, и впредь ни шиша не получишь.

— Прошу вас, хозяин, дайте хоть немного товару, чтобы план выполнить, не то горим синим пламенем!

— А что тебе, собственно, нужно?

— Я слышал, вчера привезли атлас и ковры...

— Привезти-то привезли, да дорого дали, пока достали...

— Да уж мы не дадим вам одному везти этот воз, дорогой начальник, сами понимаем...

— Хватит вертеться вокруг да около. Сколько даешь... чтобы повезти этот воз дальше?

— Сто рублей, хозяин.

— Гони сто пятьдесят, и десять ковров твои.

— Сто десять, хозяин...

— Ну ладно, давай сто сорок и покончим на этом. Ты ведь мне почти что брат!

— Дам сто двадцать, хозяин, ведь вы мне ближе, чем родной отец!

И эти два «брата» начали свирепо торговаться за каждый рубль, как на толкучке — только что не лупят друг друга. Наконец сошлись на ста двадцати пяти рублях взятки. Завмаг выудил из глубин кармана денежки, а завскладом протянул за ними лапу. Щелк! Мулла Хашимджан, само собой, зафиксировал милую сценку на память. Будем надеяться, скоро раздам карточки, и родные, поглядывая на них, будут носить передачи... А магнитофон был включен давно.

Кланяясь, спотыкаясь и рассыпая приветствия, в дверях появился еще один завмаг. По мере его приближения с лица толстяка сходило нечто, похожее на улыбку, появившееся при получении ста двадцати пяти рублей. И когда очередной завмаг вошел в кабину, перед ним снова были злые, колючие глазки и жестоко поджатые губы.

— Здравствуйте... Бог вам в помощь...

— Чего-чего? Помочь? Ишь чего захотел, бездельник! Может, тебе свою зарплату отдать, оставить детишек голодными, не одетыми, необутыми...

— Простите... Но я сказал... бог в помощь...

- Как же! Поможет он тебе! Чего надо, говори!
- Да вот... за товаром приехал, ака...
- Что ж, ладно. Дам я тебе сахару.
- Так ведь своего сахара некуда девать: который уже месяц только сахар и выдаете мне.
- Ну, бери тогда мешков сто соли.
- Зачем мне соль? Себя солить буду, что ли?!
- А у меня больше ничего нет.
- Я слышал, вчера привезли апельсины, индийский чай. Вот давайте эти товары, то-то обрадуются покупатели.
- А меня? Меня-то кто обрадует?
- Вас пусть ваша женушка обрадует.
- Ты еще грубишь! Ничем не могу помочь тебе, склад пуст.
- Апельсины и чай привезли вчера. Знаю точно.
- Но чтобы привезти их, мы здорово поистратились...
- Ерунда!
- Вон отсюда!
- Я буду жаловаться, дойду до ОБХСС!
- Вон отсюда, тебе говорят! Ты марашь высокое звание работника советской торговли! — Грохнув кулаком по столу, толстяк грозно поднялся со стула. Он широко раскинул руки в стороны, пошел на завмага, будто хотел вначале, на прощание, обнять его, а затем задушить. — Как смеешь ты ставить под удар выполнение государственного плана, отказываешься брать те товары, которые есть на складе! Тебя надо призвать к ответственности, твое место не за прилавком, а в тюрьме! Ты хапуга и рвач, наживающийся за счет честных советских покупателей!
- Э, не ори ты, нет тут дураков, которые клюнут на твою болтовню, сунут тебе взятку! — Парень-завмаг был, видно, крепенький орешек, не из пугливых, таких нахрапом не возьмешь: сжал довольно-таки увесистые кулаки, стоял, набычившись.
- Во-он, тебе говорят!
- Не ори, задохнешься. Мои работники честно трудятся, ни копейки с них не возьму, ты понимаешь? И своих не дам — дома мал-мала меньше восьмеро сидят. И были бы — не дал! Я тебя спрашиваю, ты отпустишь товар или нет?
- Не получишь...
- Вдруг завмаг схватил увесистые счета толстяка, занес их над головой.
- Ну ладно! Уж пришибу тебя, хоть за дело сяду — погань уничтожу!
- Толстяк вдруг обмяк, неловко попятился, плюхнулся на стул и вдруг фальшиво расхохотался:
- Положи на место счета, сумасшедший! Я ведь только пошутил. Сколько тебе нужно чаю?
- Четыре ящика.
- А апельсинов?
- Сколько дадите.
- Ну нельзя быть таким серьезным, совсем шуток не понимаешь. Как у тебя дома-то, детишки живы-здоровы?
- Да. Живы. И здоровы.
- А жена все еще учится?
- Учится.
- Я тебе все выдам, друг, но ты должен подбросить мне хоть двадцатку. Если я с тебя

ничего не сдери — непременно заболею. Пожалей меня...

— У меня нет ни копейки!

— Дай хоть рубль, чтобы я смог пообедать.

— В кармане у меня ничего, кроме автобусных абонементов.

— Ну ладно, давай хоть абонементы.

Отдав толстяку два абонементных билета, завмаг взял листок бумаги, на котором было выведено многозначительное слово «Фактура», и пошел прочь. А толстяк стал больно щипать себя за бока и хлопать ладонью по голому черепу, приговаривая: «Ох, какая же я тряпка, невозможная тряпка, и притом половая тряпка!» Однако вспомнил про очередь и снова приосанился...

Начали заходить еще завмаги. Эти особо не спорили, выкладывали то, что просил толстяк, и отправлялись за товаром довольные. Довольно потирал руки, само собой, и наш толстячок. Да и я не имел оснований для недовольства: фотоаппарат мой и магнитофон работали безостановочно, значит, задание свое я выполнял как следует. Весело чувствовала себя и волшебная моя шапочка: как-никак немалую услугу оказывала она сегодня нашей родной милиции!

Толстячок начал заносить в толстую общую тетрадь список взяток, полученных сегодня. Чтобы лучше сфотографировать, я влез на стол, широко раздвинул ноги, — между ботинками оказалась строго разграфленная тетрадь — и с полчаса мы с завмагом работали молча и сосредоточенно. Затем толстяк принялся считать деньги, негромко напевая себе под нос что-то лирическое... Потом запихал деньги в пухлый портфель, любовно чмокнул его в пузо и нагнулся, чтобы отпереть несгораемый шкаф.

Я не спеша поднял портфель: в нем деньги, добытые нечестно, и толстяк не имеет на них никаких нрав. С другой стороны, мне, правда, тоже не приказано конфисковать их; поэтому, решил я, посоветуюсь с Салимджаном-ака, а пока припрячу на крыше склада. Никуда они не денутся.

Когда я опустил вниз, надежно захоронив портфель, толстячок носился по складу, как курица-наседка, потерявшая цыплят. Вот он подскочил к грузчику, который перетаскивал тяжелые тюки, схватил его за грудки, поволок к себе в кабину.

— Ну-ка, милейший, выкладывай денежки! — потребовал он.

— Какие такие денежки? — удивился рабочий.

— Те, которые ты сейчас упер!

— Да господь с вами, я и не знаю, о чем вы говорите!

— Я же сам видел, как ты заграбастал портфель с деньгами.

— Да убей меня бог, если я хоть видел этот ваш портфель!

Толстяк до самого вечера носился по складу и своей кабине, разыскивая портфель; представляете, он искал его даже под соломинкой, лежащей у порога! И, разумеется, без толку. К концу дня он исщипал и избил сам себя так, что еле держался на ногах. И все время повторял: «Что я теперь скажу жене, этой карге, ведь она меня со свету сживет?!»

Салимджан-ака всегда учил меня: «Если ты напал на кончик ниточки, постарайся размотать клубок до конца!» Эти слова глубоко запали мне в память. Поэтому после работы, недолго думая, отправился вслед за толстяком. Кто знает, быть может, этот тоже прячет свой клад в каком-нибудь подземелье? Надо выяснить.

Жена Адыла-коварного боялась мужа, а толстяк, оказывается, боялся жены.

— Волк или лиса? — игриво спросила она, лишь только толстяк переступил порог.

— Лиса... — помявшись ответил тот.

— Что? Лиса? А вот этого не хочешь? — Жена засучила рукава, показала мужу

огромнейший кулак и грозно поплыла к нему. — Вчера заливал мне уши: дескать, не привезли товара, а сегодня, выходит, опять лиса! Опять пустой пришел?! Не-ет, милый, так не пойдет!

— Поверь мне, женушка, стащили у меня всю выручку...

— Чтоб у тебя да стащили деньги?! Расскажи это какой-нибудь дурочке. Учти, тебе сегодня придется поголодать — на ужин не рассчитывай. Сколько уж я маюсь, чтобы наполнить эти несчастные клетки, а муженек проклятый все старается надуть меня!

Клетки? Зачем и чем их надо заполнять?

Я внимательно огляделся вокруг. И заметил то, на что до сих пор не обратил внимания: весь двор — яблони, персики были увешены перепелиными клетками, основанием которых служили тыквенные половинки. Свисали они и с карнизов айвана, и с перекладин деревянной сури. Штук двадцать-тридцать перепелов и перепелок верещали, словно собравшиеся на свадьбу кумушки, — в ушах аж звон стоял. Странно, с каких пор птицы стали клевать деньги?.. Надо вникнуть... Ведь это обязанность милиционера — проверить все, что вызывает подозрение.

Я принялся за дело: и вот тебе загадка, ребус, кроссворд, чайнворд или что еще там?! Ну и хитрецы, ну и ловкачи! Проверил подряд все клетки на айване, слазил на все яблони, персиковые деревья, на старый тутовник, с веток которого тоже свисали перепелиные клетки. И лишь в половине клеток обнаружил двадцать худущих, голодных птиц, остальные были полны деньгами в крупных купюрах, золотыми украшениями и монетами! «Несчастненький» директор хранил свои сокровища под землей, а милая супружница толстяка — над землей, в перепелиных клетках. «Ну и пройдохи, ну и хитрецы!» — не переставал я удивляться про себя. Сфотографировал между тем все клетки и дунул в отделение, как бродяга, за которым гонятся бешеные собаки, то есть, простите, как человек, который очень спешит.

Немедленно проявил в лаборатории отснятые пленки, отпечатал тридцать снимков, взял кассету с магнитозаписью и пошел к своему начальнику.

— Как дела, сержант? — встретил меня вопросом Салимджан-ака.

— Довольно недурно, товарищ полковник, — скромно ответил я и положил перед ним на стол фотографин и магнитофонную кассету, которым он, разумеется, очень обрадовался. Минут через пятнадцать явился Али Усманов, он чуть ли не расцеловал еще мокрые фотокарточки, а запись слушал, как самую очаровательную музыку на свете, слегка покачиваясь из стороны в сторону, мечтательно прикрыв веки. Потом вдруг встрепенулся и воскликнул:

— Молодец, сержант, вы оправдали наши лучшие надежды! Салимджан-ака, — обернулся он к полковнику, — сегодня же возьмите под наблюдение любителей перепелок и их дом!

— Слушаюсь, товарищ начальник! — вытянулся полковник.

— Вы сказали, товарищ Кузыев, что больше всего товара получил заведующий магазином номер шестнадцать? — продолжал Усманов.

— Зато он и взятку дал больше всех!

— Поручаю вам поближе познакомиться с работой этого магазина. И позвольте еще раз поблагодарить вас, сержант. Вы владеете неоценимым талантом, таких людей мы должны всемерно поощрять. Объявляю вам благодарность и сегодня же обращаюсь в Министерство с предложением повысить вас в звании.

Ну, признаюсь, начальник сказал не «талантом», а «способностями», но ведь это одно и то же — верно? Зато уже все остальное — чистая правда.

Как дела, дядюшка Махсум?

Что скрывать, люблю я поспать и потому всегда просыпаюсь позже, чем надо. Так случилось и сегодня. Когда я открыл глаза, Салимджана-ака не было: давным-давно отправился

на работу. Вообще привычка у него такая — часа на два раньше всех заявляться в отделение. Быстренько перекусив, я тоже побежал на службу. Проходя по коридору, услышал громкие голоса, доносившиеся из-за открытых дверей кабинета секретаря партийной организации капитана Хашимовой.

— О, Хашимджан, входите! — крикнула она, заметив меня.

Я вошел. На диване сидел, положив скрещенные руки на колени, Салимджан-ака. Я опустил рядом с ним.

— ...Таким образом, я обнаружила женщину, подбросившую вам грудного ребенка. Зовут ее Шарифа. Три года назад работала в столовой на Чорсу, при обнаружении недостачи скрылась. Около года, оказывается, была проводницей в поездах дальнего следования — тоже, видимо, не безгрешно. Потом окончательно связалась с темными личностями и неуклонно покатила вниз.

— Вы видели ее?.. — нетерпеливо спросил Салимджан-ака.

— Видела, дважды. И даже в последнюю встречу вызвала ее на откровенный разговор. Сказала, что сравнение группы крови малыша и вашей дало противоположные результаты. Ясно, что отец ребенка совсем другой человек, — заявила я. — За все твои художества можешь быть привлечена к ответственности. Лучше откройся мне честно, сестра, ведь я тоже мать, пойму тебя, постараюсь помочь.

— Что же она ответила?

— Расплакалась. Тогда я подала ей бумагу, карандаш, попросила изложить все как было. Она пообещала написать дома и потом принести.

— И что она написала?

— Увы, она исчезла.

— Исчезла?!

— Да.

— Опять двадцать пять. А где малыш?

— В нашем детсаду в круглосуточной группе.

На этом месте разговора я поднялся. Все это, безусловно, интересно, но ведь работа не ждет. Я тоже занимаюсь этим делом, только с другого конца. Вот выполню свое задание — и бремя клеветы с названного отца моего будет отмечено прочь. Надев волшебную шапку, я снова взял свою «волшебную» аппаратуру — магнитофон, фотоаппарат и тронулся в путь. На сей раз в магазин смешанных товаров. Я спешил узнать, цело ли все, что вчера получил завмаг, отвалив завскладом большой куш. Спустившись в склад, с облегчением обнаружил, что все товары еще тут, никуда не успели сбегать.

Затем прошел в кабинет завмага, круглого, как колобок, и черного, точно ворон, человека. Голова его была обрита наголо, самую макушку скрывала черная бархатная тубетейка. Коротенькие усы, точно смазанные маслом, блестели и издали казались похожими на двух жучков, ползущих навстречу друг другу, чтобы встретиться наконец под самым носом хозяина.

Вчера Толстяк называл его дядюшкой Махсумом. Сейчас он возносил к небу странную молитву, уставившись в грязный потолок.

— О всевышний, ниспошли людям благоденствие, чтобы кое-что перепало при этом и нам! Надоумь ОБХСС замешкаться, чтобы мы успели сплавить дефицитный товар. Увеличь число людей, стесняющихся или забывающих брать сдачу, и отними руки любителям писать кляузы в книге жалоб и предложений. Аминь!

— Аминь! — повторил я, как эхо, желая посмотреть, как среагирует завмаг. А он даже ухом не повел. Подсел к счетам и давай перебрасывать костяшки туда-сюда. У меня аж в глазах зарябило. «Ну тебя, — подосадовал я. — Развел скуку! Хоть бы потешил чем-нибудь

невидимого сыщика»...

Вышел в торговый зал. За прилавками металась тридцать продавщиц, словно угорелые, а очереди не убывали. Я приблизился к одной, с румяными, как яблоко, щеками, и положил перед ней записку: «Будьте осторожны, сегодня здесь работники ОБХСС!» У продавщицы тотчас изменился цвет лица: будто вместо румян залили белила. Перегнувшись к другой продавщице, она что-то шепнула ей. Та кинулась к третьей, третья — к четвертой...

За какие-то считанные секунды все тридцать продавщиц успели перешептаться между собой и стать удивительно внимательными, сердечными и вежливыми. С губ их не сходила приветливая улыбка. Иные куда-то побежали и вернулись в изящных синих халатиках, другие взбивали волосы, третьи тщательно мазали помадой губы. Не успевал покупатель переступить порог магазина, все они били ему глубокий поклон и хором тянули: «Добро-о пожаловать!» А провожали до самых дверей, щебеча, как заведенные: «С покупкой вас, дорогой товарищ! Приходите к нам еще, обслужим с удовольствием!»

В зале появился дядюшка Махсум и пригласил заведующих секциями к себе в кабинет. Первой к нему направилась заведующая трикотажной секцией, как я узнал, Анвара-опа, — женщина громадного роста и с такими кулаками, что одним ударом могла бы, наверно, превратить в смятую подушку любого мужчину. Я, разумеется, был готов к работе. Тотчас включил магнитофон.

— Как идет торговля, Анвара-ханум?

— Неплохо, дядюшка Махсум.

— Что-то вы вроде не в духе?

— Ничего... Так себе...

— Хотите, обрадую вас?

— Попробуйте.

— Хочу передать в ваш отдел товару на пять тысяч рублей.

— Спасибо.

— Но за это придется выложить триста рубликов.

— Э, бросьте вы эти разговоры, надоело! — Богатырша выпрямилась во весь рост. — С одной стороны — ОБХСС, с другой — вы прижимаете. Я уже сердечницей стала! Если согласны, чтобы работала честно, я готова, нет — тогда ухожу. Не пропаду. Слава богу, муж кандидат наук, неплохо зарабатывает, все у нас есть. Больше не желаю химичить, хватит.

— Да вы в своем уме? — поразился дядюшка Махсум.

— Будьте уверены, в своем, — подтвердила Богатырша.

— Разве можно прожить на одну зарплату?

— Но другие-то живут!

— Иди, иди отсюда! Не могу видеть тебя и слышать! — завопил дядюшка Махсум, на что могучая Анвара-ханум только презрительно фыркнула.

Не успела Богатырша выйти, как в комнату вплыла сильно накрашенная женщина. Она звонко прищелкивала пальцами, словно вот-вот пустится в пляс.

— Ой, заходи, доченька, заходи! — радостно встретил ее дядюшка Махсум.

— Ой, захожу, папочка, захожу! — женщина плюхнулась на стул, что стоял у самых дверей.

— Как идет торговля, доченька?

— Ох, не говорите, папочка. Хуже некуда.

— Отчего же так, моя хорошенькая?

— Оттого, мой хорошенький папочка, что товары вы держите за семью замками на складе.

— Ох, и остра ты на язык, Шахиста, остра! Но сегодня ты будешь довольна, детка. Я привез джерсовые пальто...

— Джерсовые! — сбрадованно вскочила с места Шахиста.

— ...И еще пятьсот ондатровых шапок.

— Ой, папочка дорогой! — кокетливая Шахиста проворно подбежала к дядюшке Махсуму, несколько раз звучно чмокнула его в лоб... и вдруг в самом деле пустилась в пляс, прищелкивая пальцами.

— Но придется выложить пятьсот рубликов. Не подмажешь — не поедешь.

— Нет, нет, нет! — Шахиста опять упала на стул и застыла каменным изваянием, словно и не летала только что бурным вихрем по комнате. — Я боюсь кодекса, папочка. Я не хочу в тюрьму. Если сяду, моего мужа отобьет Нигара. Оставьте меня в покое, папочка.

— Что ты мелешь?

— Нет и нет, папочка. Я боюсь ОБХСС. Кто будет гладить брюки моему мужу? Нигара? Дудки!

— Да что вы все заладили: ОБХСС, ОБХСС! — завопил Махсум. — Если хочешь знать, начальник ОБХСС давно в моем кармане!

— Серьезно? — заинтересовалась Шахиста. — Ну-ка, покажите!

Махсум вытащил из кармана пачку денег, с треском бросил ее на стол.

— Вот он где, твой начальник ОБХСС.

— Ой, как здорово! Вот вы и договаривайтесь с ними сами, без меня.

И Шахиста направилась к двери, покачивая бедрами, щелкая пальцами и игриво напевая, по-видимому, на ходу сочиненную песенку:

Завезли к нам дефицит, ёр-ёр!
По ночам завмаг не спит, ёр-ёр!
Предвкушает крупный куш, ёр-ёр,
Этот выжига и вор, ёр-ёр.

А неплохой женщиной оказалась эта Шахиста. Веселая и вовсе не глупа. Побольше бы таких!

Появилась третья заведующая. Дядюшка Махсум встретил ее уже настороженно — и не зря.

— Хочу дать тебе дефицитный товар, может, ты тоже будешь нос воротить?

— Конечно, если опять потребуете, чтобы «подмазала», — резко бросила та, повернулась и вышла.

Махсум заметался по кабинету, как лев в клетке. По ведру из-под угля, что стояло у печки, он дал такого пинка, что оно распахнуло дверь и с грохотом полетело по коридору. Потом встал, как вкопанный, посреди комнаты и, точно настоящий артист, произнес монолог: «Сам я виноват во всем, сам. Дурак дураком. Распустил свои кадры, избаловал. Забросил воспитательную работу. Ишь ты, они желают работать честно! Чего захотели, а? Не выйдет. Давно пора усвоить, что не проживешь честно на этом свете. Не подмажешь — не поедешь. Вот так-то, милые!»

Вдруг он прервал свой монолог, приоткрыл дверь:

— Халтураева, идите сюда!

— Иду! — донесся голос из коридора.

— Быстрее, сколько можно ждать?!

В кабинет, тяжело дыша, вбежала пожилая женщина.

— В обеденный перерыв соберите всех в моем кабинете на производственное совещание. Подготовьте приказ об увольнении Анвары Адыловой. Не забудьте указать, что систематически недовыполняет план.

К перерыву дядюшка Махсум смягчился, стал тихим и ласковым, как ягненок, от давешней

злости не осталось и следа. Со всеми поздоровался за руку, справляясь о здоровье, здоровье членов семьи, родственников. Потом открыл собрание, начав свою речь издалека.

— Торговля — вообще самая тяжелая отрасль, а в последнее время работать становится все труднее и труднее. От работников требуются смелость, сноровка, хладнокровие, артистический талант. Сейчас на базе начальником такое чудовище, что странно себе даже представить: у него ненасытная пасть. Получить товар, не откупившись, — гиблое дело. На днях зашел в магазин и попросил молоденького мясника взвесить два килограмма баранины. Получив мясо, подошел к контрольным весам. Оказалось ровно два килограмма, тютелька в тютельку. Чудовище подошел к продавцу: «Плохо работаешь, брат. Не имеешь ловкости рук, раз не смог обвесить меня хотя бы на сто граммов! Подавай заявление, из тебя продавца не получится». Вот как обстоят дела на нашем фронте, — сказал дядюшка Махсум, заканчивая вступительную часть своей «воспитательной речи».

Слушатели никак не реагировали, сидели, опустив головы, не шелохнувшись, точно уснули. А дядюшка перешел ко второй, основной части своей речи.

— Предположим, что каждый продавец в день, в среднем, обслуживает двести покупателей. Если с каждого он сумеет выколотить хотя бы пять копеек, то к концу трудового дня положит себе в карман десятку. Этого не в силах учесть ни ваш ОБХСС, ни народный контроль. Надо уметь работать! Вы должны быть такими вежливыми, предупредительными, ласковыми, чтобы покупатель просто влюбился в вас, чтобы постеснялся брать сдачу в какие-нибудь там рубль или два... Верно я говорю, доченька? — обратился лектор к Шахисте.

— Неверно! — отрезала балованная «доченька».

— Что-что-что? — обалдело переспросил папочка.

— Да, неверно! — хором вскричали остальные продавщицы.

Махсум соколом подлетел к ним, точно хотел в упор взглянуться в лица взбунтовавшихся подчиненных. Продавщицы, однако, не дрогнули, стояли стеной с неумолимым выражением лица. И между ними начался следующий диалог:

М а х с у м. Дети мои, я кажется, что-то слышал, но боюсь, что ослышался. Верно ведь, ослышался?

1 г о л о с. Нет, не ослышались! Ни в одном магазине нет такого, что творится у нас!

М а х с у м. Неправда!

2 г о л о с. Вон магазин напротив нас. Работают и никогда никому не суют взятки!

М а х с у м (злорадно). Поэтому-то они никогда и не выполняют плана!

3 г о л о с. А вот и нет! В прошлом месяце они получили переходящее красное знамя.

М а х с у м. Подумаешь, знамя! Знаменем сыт не будешь. Работайте так, как велю я.

Д е в у ш к и (хором). А вот и нет! Мы хотим работать честно.

М а х с у м. Вот оно как? Халтураева, зачитайте приказ!

Х а л т у р а е в а. Не буду читать. Нет никакого приказа.

Девушки начали медленно окружать Махсума, потом с криками набросились на него и, схватив за руки и за ноги, выволокли, как мешок с салом, во двор магазина. Там стояла бочка из-под селедки, видно, девушки заранее приготовили ее: туда и втолкали своего начальника. Я понял, что давно он им осточертел, а моя записка только поставила точку.

— погоди, то ли еще будет, если станешь подбивать грабить покупателей!

— Всех... всех увольняю! — глухо донеслось из бочки.

Девушки, громко пересмеиваясь, подталкивая друг друга, стали таскать в ведре воду и наливать в бочку. Махсум истошно завопил. Тогда Шахиста сбегала за старенькой, со сморщенной кожей, дойрой и начала играть: така-така-тум, така-така-тум. Девушки закружились вокруг бочки, хлопая в ладоши, визжа и смеясь. Тут же родилась песня:

Завезли к нам дефицит, ёр-ёр!
Будет он законно сбыт, ёр-ёр!
Вот и наступил конец, ёр-ёр!
Даткам-взяткам с этих пор, ёр-ёр!

— Девочки! — крикнула Шахиста. — Не выпускать «папочку» до вечера — наука будет! А сейчас пора открывать магазин, перерыв кончился.

Довольные собой, девушки разошлись. Дядюшка Махсум, по шею в воде, остался торчать в бочке. Я не удержался, перегнулся через ее край и шепнул на ухо Махсуму:

— О аллах, пусть таких веселых, бесстрашных девчат становится все больше и больше на горе таким бесстыдникам, как ты, и во имя облегчения работы ОБХСС, аминь!

Услышав голос «духа», дядюшка в ужасе погрузился в бочку с головой, только пузыри пошли.

Но хотя я и «дух», а почувствовал, что очень хочу есть. Направился в столовку, расположенную через улицу, напротив магазина.

Погоня

В столовой я взял порцию лагмана и принялся было с аппетитом его уплетать, но из головы не выходил дядюшка Махсум. На улице дул холодный, пронизывающий ветер. «Как бы он не замерз там в бочку, — думал я с опаской. — Жалко все-таки». Наскоро опорожнив косу, я побежал к бочке. Но она уже была пуста: дядюшку кто-то успел выволочить..

Опомнился он на удивление быстро. Переоделся в сухое, одним глотком опустошил стакан водки — и снова за старое.

— Шиш вы получите, а не товар! — крикнул Махсум, погрозив кулаком в сторону торгового зала. — Я вам еще покажу!

Заперев сейф, ящики стола, он упрятал связку ключей в карман и выскользнул в заднюю дверь магазина. «Что-то задумал, негодяй!» — решил я, направляясь за ним.

Так мы очутились на толкучке. Махсум остановился перед старухой, торговавшей вязаными шерстяными носками.

— Бабка, где я могу найти базаркома Арифа?

Старуха весело затрясла дородным животом.

— Так ведь он за твоей спиной стоит, почтенный!

Длинный Ариф и толстенький Махсум обнялись, облобызались, как люди, не выдавшие целую вечность.

— Эх, ты, столб телеграфный, поправишься ты когда-нибудь или нет? — визгливо засмеялся Махсум.

— С чего же поправляться-то? — возмутился Ариф. — Мясо сами жрете, а мне швыряете кости!

— Бог даст, и тебе перепадет кое-что.

— Значит, вы явились с добрыми вестями?

— Отойдем-ка в сторонку...

Они отошли в укромный уголок. Дядюшка Махсум, глядя на своего приятеля ясными, чистыми глазами, начал заливать: «Вчера получил на базе дефицитного товара на двадцать тысяч рублей. Работнички мои откуда-то пронюхали про это, с утра осаждают, говорят, давайте скорее товар, распродадим, а вам за доставку выложим тыщонки две-три. Еле ноги унес. Ведь я всегда помню о тебе, думаю, лучше уж сделаю приятное другу, чем давать заработать чужим...

Между нами ведь не заржавеет, а?..»

— Убей меня бог, за мной не заржавеет! — поклялся, алчно блеснув глазами, Ариф-спекулянт. — Сколько я вам буду должен?

И между «приятелями» начался торг. Махсум требовал по рублю с каждой вырученной десятки, Ариф, само собой, заартачился, предлагая по пятьдесят копеек. Дядюшка обиженно надулся, собрался уходить.

— Мне унизительно, братец, так вот торговаться!

Долговязый Ариф ухватил его за полу.

— Ладно, договорились, плачу по шестьдесят копеек с десятки!

— Пусти, я спешу. Джерсовые пальто, ондатровые шапки! Нет, не пойдет. Будь здоров, несговорчивый ты человек!

— По семьдесят?

— Ну и репей, пристанет — не отвяжешься! Ладно, пусть будет по-твоему. По рукам!

Таким образом решила судьба товаров, лежавших на складе магазина: государственное добро пойдет с рук, на толкучке.

— В пять часов я подъеду на крытой машине, — пообещал Ариф-столб.

— Давай, только не опаздывай. Я сам открою задние ворота.

— Заметано. Все обделаем железно.

...Ровно в семнадцать ноль-ноль крытый брезентом грузовик въехал через задние ворота прямо к складу. За рулем сидел... Ну да, не кто иной, как тот самый Муталь-татуированный, которого я про себя назвал Лошадью. Нахлобучил кепку на самые глаза, поглядывает вокруг равнодушно, насвистывает какую-то разухабистую мелодию...

Нет, трогать их сейчас, конечно, не имеет смысла. Надо точно следовать указаниям Усманова: фотографировать субчиков «на память», записывать их разговоры, запоминая круг их знакомств, проникать в их замыслы. Надо выяснить, куда они отвезут товар, где находится тайный склад шайки. Ну, экземпляры мне попались, скажу я вам, не робкого десятка: такое дело проворачивают, глазом не моргнув. Натаскали тюков со склада — и ходу!

Когда Муталь и Ариф сели в кабину, я залез в кузов, пробрался вперед. К счастью, заднее окошко кабины оказалось разбитым и я мог без помех слушать все, что они говорят.

Проехали всего около километра, когда Муталь вдруг сказал:

— За нами увязался какой-то мотоцикл.

Ариф открыл дверцу и, высунувшись из кабины, поглядел назад.

— Милиция, — оскалился он. — Точно, что-то пронюхал.

— Но он ведь в гражданском?

— Этот почти всегда ходит в гражданском. Я его знаю.

Мне, разумеется, стало интересно, кто же этот милиционер, что по одному виду машины заподозрил неладное. Прополз по тюкам к задку грузовика, выглянул наружу, отогнув угол брезента. Везет же мне сегодня: куда ни пойду, знакомцев встречаю! Низко пригнувшись к рулю мотоцикла, за нами неся Сурат-ака. Недавно он получил повышение и был назначен участковым инспектором этого района. «Ну и молодчага, — радостно подумал я. — Отыскал-таки след спекуляшек! Хорошо, теперь я не один, будем действовать сообща».

Хорошо-то хорошо. Но ведь наша цель не задержать их сейчас, а наоборот, дать пока волю, чтобы в логово свое привели. Что же делать?

— Давай направо! — завопил Ариф-столб.

— Нельзя, это тупик!

— Тогда поворачивай налево!

— Не видишь что ли, улочка тесная, враз застрянем !

— Жми тогда, жми!

— Успокойся, герой! — прикрикнул Муталь. — Побереги штаны.

Машина вылетела на широкую гладкую дорогу. Стрелка спидометра тотчас подскочила до отметины «100». Ариф-столб обеими руками уцепился за ручку перед собой, трусливо озирался, вжал голову в плечи. А Муталь бешено вертел баранку.

— Сейчас я расколочу ему башку, как тухлое яйцо! — свирепо объявил он вдруг.

— Что ты надумал?

— Дам ему приблизиться и резко тормозну, только и всего.

— Мозговитый ты парень, Муталь!

— Впервые, что ли!

Меня словно током пронзило. Что предпринять? Как спасти, предупредить Сурата-ака? Снять шапку, показаться ему и крикнуть, чтобы был осторожен?!

Дико взвигнули тормоза, меня швырнуло на стенку кабины. Оказывается, и невидимкам достается. Бедный Сурат-ака, прости, не успел я спасти тебя! Трясущимися руками отбросил я брезент: за грузовиком на дороге никого не было! Что за чертовщина?..

Ага, вот: мотоцикл участкового маячит в двухстах метрах впереди. Дурачок я, дурачок, зря переполошился: Сурат-ака-то не лыком шит, знает, что от таких субчиков всего можно ожидать. Вот и гнался за ними не сзади, а сбоку, и когда тормознули — проскочил мимо. Молодец, Сурат-ака!

— Гони назад!

— Не ори, без тебя знаю!

Грузовик бешено развернулся. Я еле успел ухватиться за борт, как машина рванула вперед. Метров через сто она свернула направо и покатила по проселочной дороге. За нами поднялись такие клубы пыли, что Сурату-ака, наверное, волею-неволею пришлось остановиться.

Грузовик с полчаса прыгал по рытвинам и ухабам, потом, наконец, выбрались на асфальтовую дорогу. Пыль за нами медленно оседала. И вдруг — опять чудо! — из серой пелены вынырнул Сурат-ака, без мотоцикла, пешком, точнее, бегом. Он мчался так, словно давал не менее ста километров в час! Вот он вылетел на асфальт, проголосовал грузовику, груженному досками. Тот не остановился, но участковый не растерялся, ухватился на бегу за конец толстой доски, сильно пригнул ее. Выпрямляясь, доска, как трамплин, подкинула его в кузов. Ох и акробат, оказывается, этот парень! Добрался до кабины, спрыгнул на подножку, рванул дверцу кабины. Грузовик на миг сбавил скорость — видно, здорово растерялся водитель! — затем, взревев, понесся за нами.

— Поднажми, дорогой, поднажми! — взмолился Ариф.

— Больше не могу, — скрипнул зубами Муталь. — Это все, на что годен мотор.

— Тогда нам хана! Попались! — заскулил Ариф.

— Замолчи, баба! — рявкнул Муталь да так двинул ему локтем под ребра, что Ариф икнул и выпучил глаза, задохнувшись.

В этот миг грузовик, груженный досками, с грохотом обогнал нас и, развернувшись, встал поперек дороги. Стоп-сигналы его тревожно замигали, приказывая остановиться!

— Я тараню его! — крикнул Муталь, побледнев и покрываясь потом.

— О аллах, всемогущий всевышний, помоги нам, рабам своим беспомощным... — запричитал Ариф-столб.

— Ё, Джамшид! — взвизгнул Муталь, припав к баранке.

Взвизгнули тормоза, машину занесло вбок, что-то грохнуло, затрещало, потом все умолкло. Я медленно открыл глаза: ничего не случилось. Машина шла, мотор работал. И впереди — пустынная дорога.

— О-о святой Бахаватдин! Клянусь твоим именем — семь монет пожертвую первому же нищему! — воскликнул Ариф.

Только теперь я догадался, что грузовик наш каким-то чудом развернулся на все сто восемьдесят градусов.

— А мне сколько пожертвешь? — поинтересовался Муталь, вытирая рукавом пот со лба.

— Еще пятьдесят подкину. Жми теперь на всю железку! — Помолчав, Ариф добавил: — Одно плохо: засек он твой номер.

— А вот и нет! — ухмыльнулся Муталь-татуированный.

— Как — нет?

— Еще полсотни подкинешь, скажу, лады? Так вот, номер у меня не свой.

— Ты серьезно говоришь, мой дорогой?

— Не шучу. Номер не наш, другой области. Спер как-то у одного простачка-деревенщины. Пусть теперь его и ищут.

— Готов тебя расцеловать, братец мой! Сто рублей еще добавлю, вот увидишь!

Еще около часа неслись мы по дороге. Наконец грузовик тяжело остановился, устало урча мотором. Муталь выпрыгнул из кабины, поспешно заменил номера спереди и сзади, затем сдернул брезентовый тент, накрыл им товары и меня, опять тронул машину. В город.

Товары сгрузили у ларька, торгующего детскими люльками. Он находился в двух шагах от толкучки.

Совещание у Усманова

— Товарищ Кузыев, можете показать фотографии?

— Конечно, вот они.

— Теперь, может быть, прослушаем запись?

— Пожалуйста.

Два полковника и майор Халиков некоторое время молча слушали запись эпизода погружения дядюшки Махсума в бочку, потом дружно засмеялись.

— Вот девчонки, а? — восторгался Али Усманов. — Молодцы, ну и наказали наглеца!

— Девчата что надо! — добавил Салимджан-ака удовлетворенно. — Но давайте-ка прослушаем основные моменты.

— Вот запись, сделанная при разгрузке товаров у ларька, торгующего детскими люльками, — объявил я.

— Как? — удивился Усманов. — Ведь участковый, наш Сурат, докладывал, что товары везут в соседнюю область, и просил разрешения проследить за грузовиком!

— Он не ошибся, — подтвердил я. — Но не учел одно обстоятельство. Преступники воспользовались фиктивными номерами. А товары, как есть, вернулись в город. И сгружены в этой лавчонке.

— Молодец, товарищ Кузыев! — Салимджан-ака подмигнул мне и тут же посерьезнел. — А теперь надо обдумать план операции.

Обсудили все варианты: то ли взять Арифа, Муталья и продавца лавчонки со всем этим товаром, то ли подождать, проследить за дальнейшим ходом событий.

Было высказано справедливое опасение, что в первом случае мы добьемся кое-каких успехов, но тем не менее оборвем драгоценную нить, которая могла бы привести к разоблачению всей группы. Но в то же время, если оставить преступников на свободе, товары на тысячи и тысячи рублей уплывут в руки спекулянтов, которые продадут их втридорога, обманут честных тружеников.

— Это недопустимо! — решительно заявил Салимджан-ака.

— Верно, нам не пристало создавать спекулянтам условия для наживы и глядеть на это, сложа руки, — неторопливо, словно раздумывая и приглашая к раздумью, проговорил Али Усманов. — Но мы не имеем права расстраивать всю большую игру ради одной машины товаров. Задача — раскрыть все осиное гнездо.

— Однако мы обязаны, помимо прочего, неизменно учитывать интересы трудящихся, товарищ полковник! Так же, как и их мнение.

— У вас есть какие-либо факты недовольства, полковник?

— Есть. В городе поговаривают, что милиция слепа, а преступники творят, что хотят...

Усманов улыбнулся.

— Салимджан-ака, вы всегда призывали меня быть хладнокровным, ведь верно? А сегодня вы сами горячитесь. Если мы с поличным поймаем всю группу расхитителей — разве это будет не в интересах трудящихся?

— Наверное ты прав, полковник. Возможно, я мыслю по-старинке, упускаю масштаб в работе, вижу только ближайшие цели...

— Нет, это, конечно, не так, — твердо выразил Али Усманов. — И все-таки, Салимджан-ака, как бы там ни было, нам нужно набраться терпения. Кроме того — вы уж на меня не обижайтесь! — обернулся начальник отделения к майору, — наблюдатели, поставленные вами, работают плохо. Адыла Аббасова вот уже третий день нет в городе, а куда он делся, кто-нибудь знает?

— Если судить по командировочному удостоверению, — ответил майор, — он поехал в областной центр за мясом.

— А в городе мяса — полным-полно, — вставил Усманов.

— Конечно, мясо — это для отвода глаз, — согласился Салимджан-ака. — Адыл-баттал уехал в другой город или для того, чтобы раздобыть товар, или договориться о сбыте.

— Точно, — подтвердил Али Усманов. — У него, по всему, есть связи со многими городами. И нам их тоже необходимо выявить...

Договорились установить наблюдение за ларьком, где спрятан похищенный из магазина дефицитный товар, да так, чтобы каждого, кто вошел и вышел, можно было засечь. Однако место это малолюдное и других торговых точек, куда можно было бы «внедрить» наблюдателя, рядом нет. Как быть?

— Думаю, вернее всего будет установить напротив лавочки пост автоинспекции, — предложил я.

— Видите, товарищ начальник, какая у нас молодежь? — вскричал обрадованно Салимджан-ака. — А ты сомневался!

Обсудили мы еще один вопрос. По сообщению капитана Хашимовой, ведь неожиданно исчезла Шарифа. Вполне могло быть, что ее убрали, боясь разоблачения. Но если рассудить, вот уже три дня, как Адыл Аббасов тоже исчез. Вполне возможно, что они уехали вдвоем проверить какое-нибудь дельце. Какая жалость, что поставленный наблюдатель упустил «несчастливого» директора!

— Полковник, надо хорошенько прочистить этого работничка! — уже официально обратился Али Усманов к Салимджану-ака. — Займитесь сами. Ему нельзя больше доверять такое ответственное задание. — Затем он повернулся ко мне. — Товарищ Кузыев!

— Слушаю вас, товарищ полковник!

— Думаю, Аббасовым должны заняться лично вы сами. Верю, что вы справитесь отлично.

— Благодарю за доверие, товарищ полковник! Постараюсь. Я этого желтого дива разыщу хоть под землей. Разрешите идти?

— Подождите в коридоре. Вы еще нам понадобятся.

Я вышел в коридор, стал нетерпеливо расхаживать взад и вперед. Признаться, мне не очень-то понравилось, что выставили меня за дверь. Неужели у них есть секреты от меня?! Кому будет приятно такое, тем более что самые трудные задания взваливают на твои плечи?

Знаю, нехорошо я поступил, но ничего не мог поделать с собой: подкрался к двери и приложил ухо к замочной скважине. Говорил Али Усманов:

— Признаюсь вам откровенно, друзья, успехи этого парня просто ошеломляют меня. Посмотрите, какие факты и данные он раздобывает, какие магнито-записи, фотодокументы приносит! Потрясающе! Я не припомню, чтобы когда-нибудь так же работал другой какой-нибудь сотрудник милиции! А ,ведь объект здесь — не какие-то там карманники, доморощенные воришки, а высококвалифицированные хапуги. Мне порой начинает казаться, что этот паренек волшебник. Или, во всяком случае, человек невиданных талантов.

— Ты прав, Али, — согласился Салимджан-ака, а глаза его хитро улыбались. — У Хашимджана гигантский талант криминалиста. Помнишь, я тебе рассказывал о девочке, которую нам показывали в Ленинграде?

— Это та, которая видит сквозь стены?

— Да, я уверен, что Хашимджан тоже обладает какими-то еще не известными науке «особенностями».

И тут мне пришла в голову мысль. Дай-ка развеселю старших товарищей, решил я, а то целыми днями одним только они и заняты — преступниками. И во сне они видят не какие-нибудь приятные сны, а тех же правонарушителей, хулиганов, спекулянтов, мошенников! Чего уж тут радостного?!

Я надел шапочку, тихо скользнул в комнату, залез под стол, за которым они сидели.

— Хашимджан! — крикнул Салимджан-ака, приоткрыв дверь. — Куда же он делся, в коридоре его нет...

— Я здесь! — откликнулся я, сдернув с головы волшебную шапку и выбираясь из-под стола. — Хотел записать на память ваши голоса.

Вначале все они трое застыли, как истуканы, потом ошарашенно поглядели друг на друга и лишь несколько минут спустя опомнились, разразившись немножко нервным, но в целом здоровым смехом. Особенно развеселился майор Халиков: он хохотал, хлопая себя по коленям, подпрыгивая на месте и топоча ногами; а из глаз его лились слезы.

Шарифа приговорена...

Сегодня я проснулся намного раньше обычного. Но не хотелось выбираться из теплой постели. Блаженно потянулся, расслабился и предался приятным мыслям. Не знаю, как другим, но мне в таком положении лучше думается. Вот и сейчас осенила меня отличная мысль. Да! Так и сделаю!

Я залпом выпил банку кипяченого молока, заботливо оставленного тетушкой Лутфи, и, на ходу утирая рот, кинулся к телефону. Отыскал в справочнике номер Толстяка, того самого завскладом районного кооперативного общества.

— Я слушаю! — донесся его гнусавый голос.

— Ассалому алейкум, — сказал я тягуче.

— Здорово. Кто это?

— Вот тебе на! Вы теперь и голос мой не узнаете!

— Откуда мне знать твой голос? На дню тысячи таких, как ты, звонят.

— Я буфетчик, работающий под благословенной сенью вывески «Одно удовольствие».

— А, это ты, Закир? — Что-то очень тонким стал твой голос.

— Ха-ха-ха! — засмеялся я. — Люблю я ваши шутки, ака! Обязательно отмочите что-нибудь.

— Ну, чего ты хотел?

— Адыл-ака, уезжая, велел мне, если появится нужда, обращаться за советом к вам...

— Да ведь он сам сегодня прилетает. Если собираешься встретиться, вот тебе данные... — сказал толстяк. Потом крикнул в сторону (видно, кто-то заглянул в его «кабинет»): «Выйди отсюда, болван! Попозже придешь». И продолжал уже в трубку: — Я вчера разговаривал с ним по телефону. Когда пригласишь на плов?

— Это на какой еще плов?

— А ты жадюга! Должен же выставить угощение за то, что избавился от ОБХСС!

— Да что там плов! — засмеялся я. — Царское угощение будет, вот только дайте срок. — И положил трубку.

Что ж, начало удачное. И маршрут узнал, и номер рейса...

После обеда я отправился в аэропорт, чтобы с должным почетом встретить «несчастненького» директора. Но мне попался автобус, который останавливался перед каждым телеграфным столбом, так что я чуть не опоздал. Адыл-пройдоха уже садился в такси. Я вмиг занял место рядом с ним. Подъехали к кафе. Аббасов еле заметным кивком поздоровался с подчиненными и, сказав, что отдохнет малость, забрался в кабинет, заперся изнутри. Я опустил на стул у окна. Адыл же тотчас подошел к телефону и набрал номер. Ему не ответили. Он грязно выругался, бросил трубку. Некоторое время стоял посреди кабинета, озабоченно уставясь в одну точку и кусая нижнюю губу. Зазвонил телефон.

— Вам кого? — процедил Адыл сквозь зубы.

— Вы уже вернулись? Все благополучно? — донесся гнусавый голос.

— А-а, Толстяк, это ты, — хмыкнул Аббасов. — Как твои дела? Товары сумел пристроить? Что слышно в городе? Все тихо-мирно?

— Тихо, но не очень-то мирно...

— Понятно.

— Как съездили сами?

— Ты же знаешь, я ничего не делаю зря. Так что готовь магарыч, Толстячок, через пятнадцать дней твой склад будет переполнен товарами.

Спустя минуту после разговора с завскладом Аббасову позвонил, судя по голосу, Муталь-лошадь, сказал, что есть срочное дело, о котором нельзя говорить по телефону, и спросил, где можно будет встретиться. Адыл-коварный с минуту подумал, потом прогудел в трубку:

— Встретимся у задних ворот парка. Прихвати с собой Саллабадрака.

После этого он звонил куда-то еще и вел довольно-таки непонятный разговор: «В стоге прибавилось сена», «везде дует ветер», «глаза слипаются», «сухая ложка рот дерет»...

Я с нетерпением ждал предстоящей встречи в парке. Видно, важный предстоит разговор. «Бедненький» директор попусту времени терять не станет, не из таких. Он с места не стронется, если не почует выгоду для себя.

Вечерело. Мелкий надоедливый дождь перешел в снег, резко похолодало. Вскоре голые деревья, крыши домов покрылись белой шубой. Мы с батталом подошли к стоянке такси. Поднявшийся ветер тряс деревья, сбрасывал с них снег прямо нам за шиворот, кидал в лицо. К тому же, видно, где-то оборвался провод: погасли лампочки и все кругом погрузилось в жуткую темноту. Боясь потерять дорогого своего спутника, я на всякий случай схватился за хлястик его плаща...

Мы, то есть Аббасов остановил такси, не доезжая до парка. Когда красные огоньки машины

исчезли вдаль, он вынул из бокового кармана пистолет, отвел затвор, досылая патрон, опустил в карман плаща. Потом крадучись направился к воротам парка, прячась за стволами деревьев. Впереди показались две неясные тени. Одного я сразу узнал — это был Муталь-татуированный. Видно, продрог до костей, голова его совсем исчезла в воротнике. Его спутник, тот самый Саллабадрак, оказался выше Муталья на две головы, как коромысло, широк в плечах, длиннорук и длинноног, — ну точно горилла. Сойдясь, заговорщики сухо поздоровались.

— Саллабадрак! — прохрипел Аббасов, подражая тону командира, выкликающего солдата из строя.

— Слушаюсь, хозяин.

— Сегодня стог пополнится соломой, — Адыл-баттал оглянулся по сторонам. — Половину завтра отвезешь Большой Корове.

— Слушаюсь, хозяин.

— Другую половину передай Телке.

— А Волу?

— Волу — полмашины. С него и этого предостаточно.

Разговорчик, скажу я вам! Точно этот жулик — заботливый заведующий фермой и в другой город ездил заготавливать корм для своей скотинки! Да и этот, гориллоподобный, вряд ли походит на доярку.

— А когда я получу... простите, вознаграждение за труды? — скромно поинтересовался Горилла.

— Как положено, как все трудящиеся — в день получки, — ухмыльнувшись ответил директор. — Или забыл? Двадцать седьмого соберемся. А теперь отойди подальше, мне нужно поговорить с Муталем. Свистнешь, если что заметишь.

Адыл-баттал взял Муталья под руку, увлек в глубину парка, где они уселись на скамейку. Ветер усилился, метал в глаза острый колючий снег, свистел в проводах пронзительно и жутко. Ветки деревьев издавали устрашающие звуки. Меня пронизывало такое чувство, точно здесь сейчас произойдет убийство. Все же я переборол страх, включил магнитофон и поднес им микрофон чуть ли не под нос. «Эх, был бы мой микрофон подсоединен к главному пульту радио и эти гнусные голоса сейчас транслировались по всей области!...» — с тоской подумал я, ежась под свирепым ветром.

— Ну, что ты хотел сообщить? — поинтересовался Адыл-коварный, поднимая воротник плаща.

— Шарифу пришлось припрятать, — глухо пробормотал Муталь.

— Совсем? — поспешно спросил Аббасов.

— Нет, увы. Жива-здорова. Сейчас находится в шестой квартире дома двадцать два по улице Ташбулак.

— Зачем эти меры?

— Портиться начала.

— Хочет расколоться?

— Похоже на то.

— Не узнал, почему?

— Капитан Хашимова ее нашла и, кажется, подобрала к ней ключик. Как я слышал, эта милиционерша мастерица заглядывать в чужие сердца. Как Шарифа встретила с ней два или три, изменилась до неузнаваемости. Та обещала ей простить все грехи, помочь устроиться на работу, законно получить хату и пристроить сына в детсад, хе-хе, даже продолжить учебу в вечерней школе.

— Откуда тебе все это известно?

— Залез к ней в берлогу и обнаружил вот эту писульку.

— Много она там нацарапала?

— Достаточно.

— Выходит, заложила нас?

— За что я и упрятал ее на Ташбулаке.

— Вот что, ее надо... убрать.

Муталь вскочил.

— Я тоже так считаю, хозяин.

Они некоторое время стояли молча, переглядываясь исподлобья, тяжело дыша, как два кровожадных волка. Ох, если бы подвернулась бы им сейчас эта несчастная Шарифа, они бы разорвали ее на части!

— Сегодня же пореши ее, — продолжал Адыл-палач. — Постарайся работать аккуратненько, подушкой там или чем... труп сбрось в Анхор. Но смерть ее... да, погоди-ка, смерть ее должна сыграть на нас. Она должна написать полковнику письмо.

— А захочет ли? — усомнился Муталь.

— Письмо напишешь сам, почерк ведь знаешь. В двух экземплярах. Один вложишь ей в карман, другой сегодня же ночью отправишь по почте в Министерство внутренних дел.

— Чего писать-то?

— Что писать?.. Да что угодно, но так, чтобы правдиво звучало. Все вали на полковника. Вот, дескать, негодяй, ты добился своего — довел-таки меня до могилы. От дитя своего родного отказался, от меня самой отвернулся, опозорил на весь свет. Жизнь мне теперь не мила и я решила уйти из нее. Прощайте, люди добрые! Одна надежда на вас, отомстите за несчастную и обманутую женщину и ее малого безвинного ребенка... Не верьте, люди, Салиму Атаджанову, он способен на любую подлость, прощай, жестокий мир!.. Ну и все такое прочее.

— Да я на полпути забуду всю эту чепуху!

— Забудешь, сочини что-нибудь похожее — и баста!

— Ладно, постараюсь.

В этот момент что-то случилось с моим магнитофоном и он издал тонкий тревожный свист. Злоумышленники приняли его за сигнал Саллабадрака и в мгновение ока оказались под скамьей. И уже там, упершись друг в друга лбами, как два упрямых барана, продолжали разговор.

— Письмо опусти в почтовый ящик сразу, как кончишь дело.

— Будет исполнено.

— Где подготовишь письма?

— Дома.

— Значит, у Шарифы ты будешь около одиннадцати, так?

— Выходит, так.

— Поведи ее к Анхору.

— Ладно.

— Будь осторожен, чтобы не поняла, что ты замышляешь. Скажи, что пойдете на гулянку.

— Ладно.

— Смотри, чтобы все было шито-крыто.

— Сам знаю.

— В обиде не будешь. За мной не пропадет. Пока они говорили, я осторожно опустился на корточки и запустил руку-невидимку в карман Муталья. Там лежала большая связка ключей. Действовал я как-то инстинктивно, не отдавая еще себе отчета, была только уверенность в том, что поступаю единственно правильно. Извлек ключи, опустил себе в карман и помчался к

воротам парка. Один из этих ключей должен же подойти к замку на двери той квартиры, где эти бандиты прячут несчастную женщину!

«Жив ли мой Ядгарбек?»

Что нужно сделать, как спасти Шарифу от неминуемой смерти? Быть может, вначале связаться с Али Усмановым или с Салимджаном-ака, ввести их в курс дела, посоветоваться и потом уже мчаться к дому, где упрятана приговоренная? Но успею ли? Времени в обрез!.. Стоп! Нельзя так волноваться, распускать нервы. В этом состоянии такое можно напортачить, что рад не будешь.

Я вдруг вспомнил о Волшебной шапочке.

— Скажи, дорогая, что мне предпринять?

— Дуй на улицу Ташбулак, — посоветовала она, — не сомневайся. Дело идет о человеческой жизни.

— А не вызовет ли это недовольство начальства?

— Наоборот, мой милый. Они обрадуются.

— Спасибо, моя дорогая.

— Беги быстрее, Хашимджан, беги.

И я на всех парах понесся к стоянке такси. Ба? Но что это такое? Здесь уже маячит Муталь-татуированный. Ну и ну! Тоже, видать, волшебник, как я. Содрав с головы шапку, я приблизился к нему.

— Гражданин, сколько времени?

Муталь сунул руку в карман — видно, схватился за пистолет, но спохватился и глупо хихикнул:

— Не привык носить часы, сержант. Хи-хи-хи!

— Такси ждете?

— Да, спешу в аэропорт.

В этот момент к стоянке подкатила машина с целым сугробом снега на крыше. Мы оба одновременно взялись за ручку дверцы. Муталь зло посмотрел на меня.

— Нарушаете порядок, товарищ сержант. Очередь-то моя!

— Но ведь я тоже еду в аэропорт, думал, по пути, и вы возражать не станете.

— Ладно, тогда поезжайте, — «смягчился» Муталь вдруг. — Я подожду другую машину.

Снежная метель долго не давала мне отыскать дом номер двадцать два по улице Ташбулак. Многие дома здесь были новые, не нумерованные, а спросить было не у кого. В такую погоду ведь хороший хозяин и собаку свою не выпустит на улицу. А время шло!..

Я стал глядеть на окна — во всех горел свет. Желтый, оранжевый, голубоватый. Только в одном темно, и оно, рядом со светлыми, уютными, глядело на меня черной, пустой глазницей. Какое-то непонятное чувство подталкивало меня к двери именно этой квартиры с темным окном. На мой стук никто не ответил. Будь что будет, решил я. В крайнем случае попаду уж в милицию, а там быстренько разберутся! Один из ключей Муталья легко открыл замок. В квартире было темно, как в могиле, еле отыскал выключатель, включил свет.

— Ой! — вскрикнула женщина, лежавшая на диване, и испуганно натянула простыню по самые глаза.

— Не бойтесь, — проговорил я. — Вы случайно не Шарифа Усманова?

— Не знаю такую, — ответила женщина, плотнее кутаясь в простыню. — Никого я не знаю!

— Жаль, — произнес я сокрушенно и повернулся, словно собираясь уйти. — Жаль, не смог предупредить бедную женщину о несчастье. С ее сыном, который находится в милицейском

детском саду, случилась беда. Хотел предупредить мать, да, видно, ошибся адресом...

— Мой Ядгарбек погиб?! — дико вскричала женщина, моментально вскакивая с места. Она стала бледнее простыни, в которую куталась, глаза лихорадочно горели, волосы растрепались, ну точь-в-точь привидение. Мне даже чуточку стало не по себе. Но мысль, что встряхнул ее хорошенько, подбодрила меня.

— Так что с ним? Что с ним стряслось?! Да говорите же, ради бога!

— Мальчишка играл чьим-то пистолетом, который случайно выстрелил.

— О боже!

— Но вы не бойтесь, пистолет-то оказался игрушечным и с вашим Ядгарбеком ничего не случилось.

Я пошел, запер дверь. Потом опустился на краешек дивана и рассказал о том, что затевают Муталь и Адыл Аббасов.

Не успел я закончить, как Шарифа вскочила с места, закричала, что никакого Муталья и Адыла Аббасова не знает и просит не вмешивать ее во всякие грязные истории.

— Вы мне не верите? — возмутился я.

— Прошу вас, оставьте меня в покое.

— Ладно, как хотите. Послушаете вот эту штучку, сами убедитесь во всем.

И включил магнитофон. Женщина слушала, напряженно застыв. Потом отчаянно заколотила руками по голове: «О боже, глупая я, несчастная, негодная!..»

Поверите ли, этот голос полоснул меня по сердцу, как нож острый: мне показалось, что именно так она кричала бы, когда Муталь-бандит приводил бы в исполнение приговор Адыла-палача.

— Встаньте! — рявкнул я вне себя.

Женщина сдернула с себя простыню, отбросила в сторону. Только теперь я смог разглядеть ее и мне опять стало не по себе: на лице Шарифы точно лежала печать смерти. Оно было худущим, желто-бледным, глаза глубоко ввалились.

— Скажите честно, жив мой Ядгарбек? — странно ровным голосом спросила она.

— Жив он, жив. Я так сказал, желая вас разговорить...

— Сержант, вы знаете, кроме Ядгарбека у меня нет никого на этом свете...

— Тогда собирайтесь поскорее.

— Вы хотите... отвести меня?

— Увести. Иначе вас убьют.

— О, подлецы! Все черные дела совершают чужими руками, а сами ходят чистенькими, хоть в ангелочки записывай!.. Признайтесь честно, жив ли мой сын?

— Да говорю же вам: жив-здоров, сейчас видит седьмой сон. Я же пошутил.

— Могут ли я его сейчас увидеть?

— Можете, только для этого надо побыстрее одеться и тронуться в путь.

Как говорится, мать всегда мать. Шарифа поспешно бросилась одеваться. Тем не менее, одевшись, как и всякая женщина, взглянула в зеркало, причесала волосы, прошла какой-то щеточкой по ресницам и векам, даже подкрасила губы. Я уж, ей-богу, чуть на стену не полез. Ведь знает, что вот-вот нагрянут убийцы, спешит к сыну, о здоровье которого беспокоится, но нет же, и тут не упустит случая поторчать у зеркала.

— Я готова! — сказала наконец Шарифа, беря сумку.

Эти бандиты хотели оставить от имени Шарифы подложное письмо, чтобы ввести в заблуждение людей и органы милиции, а что если мы сыграем с ними такую же шутку? — подумалось мне.

— У вас есть бумага? — спросил я у Шарифы.

— А зачем?

— Надо оставить убийцам письмо.

— Бросьте, не до этого теперь! И я не знаю, что писать этим... этим...

— Ничего. Я продиктую. Вот так. Пишите: «Дорогой М. Надеюсь, что письмо это получишь ты. Ты мне больше не веришь, не доверяешь, скажи, ради чего можно жить дальше?! Если откроется наша тайна — мы погибнем все. Так не лучше ли ценой одной жизни спасти много других?! Чтобы доказать свою преданность вам, я решила покончить с собой. Прощайте, друзья! Умирая, дорогой М., прошу тебя об одном: когда выловят мой труп из Анхора", похороните меня как положено. Прощай, жестокий мир! Шарифа».

Как только «самоубийца», ничего не понимая, подписала письмо, проставила число и время, мы бросились вон из квартиры. Время было без нескольких минут одиннадцать.

Транспорт в этом районе ходил еще неважно, до центра пришлось топтать пешком. Шарифа шла чуть впереди. А я глядел на ее опущенные плечи, сгорбившуюся спину и жалел от всей души. Не приведи кому сбиться с пути вот так, как эта женщина; а чуть поскользнешься — станешь игрушкой в руках подонков. Будут толкать на грязные дела, при случае приговорят и к смерти...

— Меня посадят надолго?

— Вообще-то это решает суд, — растерянно ответил я. — Но Салимджан-ака до конца защищает людей, которые признали свою вину.

— Ох, виновата я перед ним, так уж виновата... Капитан Хашимова говорила то же самое.

— Что именно?

— Что Атаджанов помог многим, кто сбился с пути, что многие из них стали хорошими людьми и до сих пор поддерживают с ним такие отношения, которые возможны лишь между близкими людьми... Еще она мне говорила, если признаюсь, он простит мне все плохое, что ему сделала...

— Родители у вас есть?

— Должны быть... — вздохнула Шарифа. — Сама я выросла в детдоме. Не знала, что такое материнская любовь и отцовская забота...

— Тогда я уверен, что Салимджан-ака заменит вам родного отца, а Каромат-опа — родную мать.

— Простите, можно взять вас под руку? Надела эти дурацкие туфли, скользят... Спасибо... Вы правы, Каромат-опа очень добрая женщина, она еще хотела устроить меня на работу.

— И обязательно устроит.

— Нет. Бесполезно.

— Почему?

— Знаю, раз они решили, все равно прикончат меня, — со спокойствием обреченного человека сказала Шарифа. — У этого Адыла-баттала и его шайки руки длинные...

— Но вас будем беречь мы, милиция!

— А что милиция? Кто я для нее? За мной много чего числится, полковника вашего вот опозорила...

— Отныне и во веки веков запомните, Шарифа: милиция никогда не мстит, не злобствует. Она стремится перевоспитать всех, кого еще можно перевоспитать.

— Вы еще скажете, что и сами не помните зла?

— А с чего бы мне помнить зло? Я что, особый?

— А с того, что мы однажды раздели вас. Оставили в одних трусах и майке.

— Не помню.

— Вас ведь зовут Хашимом? Хашимджан Кузыев?

— Да.

— В тот вечер были в довольно-таки неплохом костюме. Лавсановом.

— Э, бросьте, давайте не говорить о неприятных вещах, — отмахнулся я весело. — Костюм этот мне достался даром... — Не будешь же ей объяснять, что жалко, конечно, бабушкиного подарка.

Следует ли вам говорить, что с первой минуты я угадывал что-то знакомое в облике этой женщины, но боялся признаться самому себе, что она именно та наводчица, которая помогла тем верзилам ограбить меня...

— Провернуть это дельце мне поручил сам Муталь, а ему, наверняка, Аббасов. Два дня ходили за вами по пятам, охотились... Они хотели еще раз выставить вас посмешищем, в грязь втоптать.

Вот как, значит, все одно к одному. Ничего, за все посчитаемся. Но не с этой же несчастной счеты сводить.

— Ладно, забудем о том случае. Право, я уж и забыл...

— Ну, а я не могу забыть. И не успокоюсь, пока не выскажу все до конца... Надоело! Хочу жить, как все. Спать спокойно. Есть-пить спокойно... Я вам еще не надоела?

— Нет, что вы, говорите!

— Спасибо. — Шарифа некоторое время молчала, погруженная в какие-то свои мысли. — Вот я им служила верой-правдой, а они приговорили меня к смерти. Облила грязью милицию, оклеветала, а она спасла меня от верной гибели... Так кого мне благодарить: вас, Хашимджан, или Атаджанова, или еще кого?

— Милицию благодарите, — ответил я.

Когда пришли в отделение, Шарифа решительно потребовала показать сына. Я сказал, что нельзя беспокоить в полночь людей, тем более в детском саду. Женщина начала плакать. Пришлось звонить капитану Хашимовой домой, просить совета. Та, не задумываясь, приказала: «Пошлите дежурную машину за малышом». Что ж, служба есть служба... Вы бы видели, как она кинулась к сыну, взяла его на руки, прижала к груди и со словами: «Сын мой, родненький, солнышко мое!» — заплакала навзрыд. У меня лично по телу побежали мурашки. А Шарифа-опа все бормотала, несмотря на протестующий визг пацана, продолжала тискать его, целовать. «Жив, мой маленький! Жив, мой мученик! Никому, никому теперь тебя не отдам!» Тут уж мне припомнилась моя дорогая матушка и я тоже едва не заплакал.

Так мы и просидели до утра втроем: я, Шарифа и маленький Ядгарбек в кабинете Салимджана-ака.

Саллабадрак, или ничего себе игрушки!

— Значит, он сказал, что в стоге прибавилось сена?

— Так точно.

— А где этот стог, не говорил?

— Увы, не говорил.

— Саллабадрака ты раньше знал?

— Откуда мне его знать?

— Так ведь он живет тут рядышком. Ох и здорово было бы разоблачить его, сынок!

— Постараюсь, товарищ полковник.

Ночь напролет бушевавшая снежная метель стихла к утру. Все кругом белым-бело, сверкает изумрудом под медленно поднимающимся ярким холодным солнцем. Так и хочется выбежать на улицу, кидаться снежками, бегать, смеяться. Однако я ведь уже вырос, и развлекаться

подобным образом мне не положено, хотя на душе так же светло, солнечно. Успехи мои удивляют и радуют всех. Полковник Али Усманов, сейф которого я чуть не доверху заполнил фотографиями и магнитофонными записями, уже несколько раз хвалил меня. Сказал, что возлагает на меня большие надежды и уверен, что я еще отличусь.

Саллабадрак, как сообщил Салимджан-ака, раньше был уличен в спекуляции углем, соответственно наказан, а сейчас числится арбакешем в детсаду. В свободное время разъезжает по улицам, торгует саллабадраком, за что и получил столь звучное прозвище.

— Вроде бы ничем предосудительным не занимается, — рассуждал Салимджан-ака. — Но его визиты в подземелье и намеки Аббасова на какое-то сено — это неспроста, наверняка тут что-то есть. Верно ведь, Хашимджан?

— Верно, товарищ полковник. И я сию же минуту отправлюсь выяснять это.

Далеко идти мне не пришлось: двор Саллабадрака-кукурузника буквально примыкал к нашему. Я, естественно, надел шапочку, растворился в воздухе и вошел в дом. Саллабадрак завтракал. Перед ним стоял целый таз яиц; жена, сидевшая напротив, очищала и по одному подавала ему. Саллабадрак кидал яйцо в рот и, клюнув носом, как петух горошину, проглатывал его целиком. Когда таким образом Саллабадрак опустошил таз, жена принесла на подносе хорошую горку самсы. Когда кукурузник уничтожил самсу, жена принесла в тазике, в котором прежде были яйца, подогретую машевую кашу. «Этот человек — настоящий див! — изумился я. — Тот самый черный див, про которого частенько рассказывала моя любимая бабушка. Разве нормальный человек съел бы столько?!»

Саллабадрак поднялся во весь свой огромный рост, трижды икнул, поднял ведро, полное воды, осушил его и пошел снаряжать арбу.

Лошадь Саллабадрака точь-в-точь повторяла кукурузника: широченная крепкая грудь, огромный рост и толстые ноги, как у африканских слонов. Арба тоже была не меньше, смогла бы, наверно, запросто вместить груз большого современного грузовика. Да и установлена она была на настоящие автомобильные колеса.

— Но-о! Трогай, мой жеребеночек! — рывкнул кукурузник, хлестнув коня камчой. «Жеребеночек» двинулся, и арба плавно, как новенькая «Волга», выкатилась на улицу. Я, разумеется, взобрался на нее поверх груза. А везли мы три больших корзины жареной кукурузы, полмешка воздушных шариков, ящик глиняных свистулек в виде петушков и соловьев. Да вы, наверно, сами не раз покупали такие: нальешь в них воды, дунешь — и они зальются звонкой трелью. Еще мы везли полмешка самодельных тряпичных кукол, мешок ярко раскрашенных игрушечных дойр и всякую прочую мелочь — в общем все то, чем играет мелюзга, когда мама убегает в магазин или на базар, оставив детей караулить дом.

Арба миновала асфальтированные улицы, свернула в узкий переулок. Саллабадрак вытащил маленькую, величиной с тубетейку, дойру, стал бить в нее и в такт ударам подпевать:

Кукуруза жареная,
В сахаре валяная.
Тает, тает мой мешок
Хлопьев нежных,
Как снежок.

Ну-ка, дуньте-ка в свистульки,
Куколки начнут танцульки.
Кукуруза с пылу-с жару,
Волоките стеклотару!

Переулок мгновенно заполнился ребятей. Один бежит, прижав к груди поллитровую

бутылку, другой несется, зажав в ладошке медный пятак, в калошах мамы или папы, летит, поддерживая одной рукой спадающие штаны, а следом ковыляет маленький братишка, ревя благим матом.

Торговля разгорелась вовсю. Вниз слетали шары жареной кукурузы, свистульки, дойры, а наверх подавались медяки (в карман Саллабадрака), бутылки, банки и всякий старый хлам (они падали рядом со мной, так что мне, чтоб не засыпало, потихонечку пришлось укладывать их в мешки). Саллабадрак время от времени постукивал в свою дойру.

Кукуруза жареная,
В сахаре валяная.
Тает, тает мой мешок
Хлопьев нежных,
Как снежок.

— Дяденька, дайте мне тоже! — решился мальчишка, стоявший поодаль.

— Приволоки бутылку, получишь от дяди Саллабадрака кругляк саллабадрака! — пропел могучий кукурузник.

— Нет у нас бутылок, — заплакал малыш. — Папа у нас не пьет.

— Тащи тогда деньги.

— Дома никого нет...

— Валяй отсюда, парень, дармового товару нету.

— Погодите, дяденька, я сейчас! — Малыш исчез за ближайшей калиткой и появился через минуту, неся большую миску, полную кусками мяса. Жадный кукурузник забрал мясо вместе с миской, взамен небрежно бросил малышу два копейных шара кукурузы, затем хлестнул своего коня.

— Но-о! Трогай, мой жеребеночек!

«Жеребеночек» с места в карьер понесся со скоростью примерно шестьдесят километров в час и толпа детишек мигом осталась позади. Опять загромыхала дойра.

Кукуруза жареная,
В сахаре валяная.
Тает, тает мой мешок
Хлопьев нежных,
Как снежок.

Кукурузник, напевая, начал даже в экстазе поводить плечами, чуть ли не пускаясь в пляс. За нами неслась ватага мальчишек, жаждущих заполучить резинки для рогатки, девчонок, выманивших у бабушки монетку ради косоглазых, кривоногих куколок Саллабадрака.

Ну-ка, дуньте-ка в свистульки,
Куколки начнут танцульки.
Кукуруза с пылу-с жару,
Волоките стеклотару!

Саллабадрак, по-видимому, был прирожденным, артистичным торгашом. Малыши со всех улиц и закоулков, по которым мы проезжали, как замороженные следовали за арбой, стремясь во что бы то ни стало заполучить хоть самую захудалую игрушку. А кукурузник, как заведенный, то пел, то играл на дойре, то пускался в пляс, сидя на передке своей могучей автоарбы.

Я и не заметил, что мы давно выбрались за черту города, какое-то время ехали по проселочной дороге и остановились у высокого забора межколхозной откормочной фермы. У кормового склада возился какой-то замухрышка с козлиной бородой. Заметив Саллабадрака, кинулся к нему.

— Э-эй, палван, добро пожаловать!

Перекинувшись несколькими словами с козлобородым, кукурузник погнал арбу к широким воротам амбара (о чем они говорили, я не расслышал: как раз в ту минуту наводил на них объектив своего микрофотоаппарата).

Загнав арбу в амбар, Саллабадрак небрежно сгреб на пол остатки игрушек, мешки с бутылками и, открутив какие-то болты, поднял доски, служившие полом кузова.

Чудо-арба-то, оказывается, с двойным дном!

Подошел к солидному тюку прессованного сена, опоясанного жестяными полосками (он, видать, весил не меньше ста килограммов), легко поднял его и, поднеся к арбе, забросил в тайник. Потом опустил крышку, вернул игрушки и бутылки на место.

— Как думает палван, сумеет ли он сделать сегодня еще одну ходку? — поинтересовался козлоборо-дый.

— Приеду часа в три, — важно пообещал кукурузник.

— Да поможет палвану бог!

— Да уж пусть постарается.

Тронулись в обратный путь. Но настроение у меня было неважное. Оплошал я, кажется. Сам в галошу сел, да еще Салимджана-ака ввел в заблуждение. Все ведь верно, комар носа не подточит. Сено есть? Есть. Стог? Это, конечно, имелся в виду амбар. И Саллабадрак погрузил в арбу настоящий тюк сена, своим-то глазам я еще могу верить... Но, с другой стороны, спрятал его в потайное дно арбы. Обыкновенное сено ведь можно возить открыто, не боясь чужих глаз. Нет, рано я нос повесил. Тут непременно есть какой-то секрет. Просто надо набраться терпения, чтобы раскрыть его. В крайнем случае увижу ту Большую Корову, которая, по словам «почтенного хозяина» всей шайки, должна сжевать это сено. Судя по количеству сена, это рекордистка и должна давать не меньше, как по десятку ведер молока в день.

Кукуруза жареная,
В сахаре валяная.
Тает, тает мой мешок
Хлопьев нежных,
Как снежок, —

опять загромыхал дойрой кукурузник, лишь только мы въехали в город и за нами снова увязалась ватага детишек.

Ровно в половине первого мы подъехали к лоскутному магазину в старом городе. Я вспомнил, что директором здесь мозглячок со сверкающим лбом и меня предупреждали, что им занимается следственный отдел. Еще выговор влепят, если влезу не в свое дело. Но не ради же собственного удовольствия я здесь. Меня привел загадочный тюк сена, и пока не узнаю, в чем его секрет, с места не сдвинусь. А если в чем нарушил инструкцию — что ж, человеку, имеющему столько благодарностей, не мешает занять парочку-другую и порицаний. Это стимулирует к работе.

Заведующий лоскутным магазином явно сидел за обедом, так как выбежал к горилле-кукурузнику с полным ртом, держа в одной руке истекающую жиром самсу, в другой — пахучую палочку шашлыка.

— Ага, приехал! Так чего же встал? Подгоняй, подгоняй к задним воротам!

— Сейчас, — пробормотал Саллабадрак, не в силах оторвать взор от самсы и сглатывая слюну. Однако сделав нечеловеческое усилие, загнал арбу во двор магазина, бережно, как родное дитя, оттащил тюк сена в амбар. Потом втиснулся в закуток, где пировал лоскутный начальник, и остановился перед ним в сиротской позе.

— Есть хотите, палван? — наконец догадался «сердобольный» зав.

Саллабадрак молча облизнулся.

— Понятно, — зав обернулся к открытой двери подсобки. — Шухрат, эй, Шухрат, беги-ка закажи штук тридцать... нет, штук пятьдесят палочек шашлыка!

Хотя в желудке у меня урчало, но долг запрещал отлучаться от тюка, и я остался торчать (невидимо, конечно) у ворот склада.

Мое терпение было вознаграждено. Вскоре появился дядюшка со сверкающим лбом. Он вбежал в склад, запер дверь на засов и стал поспешно вспарывать тюк. По тому, как он расшвыривал сено, стало ясно, что не это его интересует. Вот отстали последние ключья и... на свет появился массивный сверток, обернутый грубой мешковиной. Директор запустил в нее нож и повел вдоль шва, радостно ухмыляясь и бормоча про себя: «Прибыл, наконец, прибыл, долгожданный мой. С прибытием тебя, дорогой!»

Действительно — дорогой! Из свертка вывалились сотни метров атласа «ночная красавица» — и сумрачное помещение склада озарилось всеми цветами радуги. Я так и застыл с открытым ртом. Не знаю, как в других местах, но в нашем городе некоторые жены бросали своих мужей лишь потому, что те, бедняги, не могли достать им отрезы этого атласа. Вот так сено, вот так солома — ничего не скажешь! «Коровы», которые питаются таким кормом, наверняка доятся не молоком, а чистой сметаной! Вне себя от гнева, я схватил было лоскутного падишаха за грудки, собираясь хорошенько тряхнуть, но опомнился, нехотя отпустил драгоценное жвачное и, засняв несколько кадров пленки, бегом выскочил на улицу. И вовремя — арба уже отъезжала. Дотемна я катался на арбе кукурузника, начисто оглох от грохота дойры, фальшивых зазывных песенок, шуток и прибауток. Но зато выяснил, кто же такие «теленки», «корова» и «вол», сфотографировал их возле ворованного товара. И лишь после этого позволил объявить себе конец рабочего дня.

Бабушка хочет уволить меня из милиции

Сегодня двадцать седьмое. Вот уже целый месяц, как днем и ночью ношусь я с фотоаппаратом, магнитофоном и, разумеется, чудо-шапочкой, фиксируя каждый шаг преступников. Сегодня будет подведен итог моим трудам. Впрочем, этого дня с нетерпением ожидал и «разнесчастный» Адыл Аббасов. Именно сегодня «учитель» должен собрать свою шайку в подземелье на окраине города: кого премирует, кого угостит оплеухой, будет строить новые преступные планы. И, конечно, распределит обязанности между «учениками»: кто должен развозить ворованный товар, кто продавать, а кто продолжать чернить милицию.

Ждет этого дня и Толстячок, который поначалу непременно заскулит, что у него похитили всю выручку, но «под пыткой», то есть схлопотав от главара пощечину, все-таки выложит положенную сумму. А горилла-кукурузник, само собой, выдует три-четыре пиалы коньяка и будет на седьмом небе!

Спекулянт Ариф и Муталь-татуированный расскажут, как провели за нос милицию. «Во как надо работать, учитеесь» — не преминут они похвастать. Ну и так далее — даже продолжать противно!

Словом, сегодня шабаш желтых дивов. Если в древние времена они, согласно легендам, отмечали свои праздники на горе Кухиноф, то нынче, конечно, опять соберутся за городом, в

подземелье Бабы-яги.

Сегодня также праздник Янгибагской милиции, точнее, — извините, немного поторопился, — сегодня преддверие праздника. Настоящие торжества наступят завтра, когда все преступники будут у нас в руках. Этого радостного мига ждут все — начиная от работников райотдела и кончая Министерством. Сегодня ночью произойдет последний бой против всего того, что в протоколах по этому делу будет сухо значиться: «Воровство», «клевета», «взяточничество», «спекуляция», «жульничество», «покушение на убийство».

Место боя — подземелье Бабы-яги. Кто знает, вполне возможны и жертвы, и ею может стать Хашимджан. И уйдет он из жизни с пулей в сердце, не успев сказать последнее «прости!» своей любимой бабушке... Я с трудом сдерживаю разыгравшееся воображение и, проклиная свою совсем еще детскую физиономию, стараюсь придать ей подобающее выражение суровой мужественности...

Мы собрались на последнее оперативное совещание. Вот они — все участники операции «По следам Желтого Дива»: я, то есть сержант Хашимджан Кузыев, мой непосредственный начальник, то бишь Салимджан-ака Атаджанов, полковник Али Усманов и энергичный начальник уголовного розыска товарищ Халиков. Все мы озабочены тем, как без особых инцидентов изолировать преступников; поэтому должны разработать тщательнейший план операции и не позже одиннадцати часов представить его в горотдел милиции на утверждение. А время, как известно, не ждет, надо торопиться. И вдруг — надо же! — откуда-то с улицы доносится крик:

— Ха-а-ши-и-им! Хо-о, Ха-аши-и-им!

Я подскочил на месте: так ведь это голос бабушки! Сердце мое затрепыхалось — а вдруг что случилось?

— Ха-а-ши-и-им!

Да, точно, бабушкин голос. Я его узнаю среди тысячи других. Так кричать может только она. Бывало, если я куда-нибудь запропащусь или заиграюсь допоздна, она забиралась на крышу, прикладывала руки ко рту рупором и звала меня точно так же: одновременно ласково и с обещанием взбучки.

Но сейчас-то?! Я за сотни километров от родного кишлака и, поди заберись она хоть на крышу колхозного правления, я бы все равно ничегошеньки не услышал. Фу ты, мне, верно, померещилось. Бывает ведь так, когда человек очень соскучится, ему видятся и слышатся все те, по ком он тоскует...

— Ха-а-ши-и-им! — повторилось еще раз, громче и требовательнее.

— Бабуля моя! — вскочил я с места и выбежал из кабинета.

Так и есть, бабушка взобралась на скамью у входа, во все горло выкликает мое имя. Длинное платье опоясано белым платком, на голове темная шаль, в руке сучковатый посох, который она всегда берет с собой в дальнюю дорогу. Молоденький милиционер пытался ссадить бабушку с ее пьедестала: «Бабушка, нельзя здесь так орать, вы ведь находитесь у храма охраны общественного порядка!» На что та отвечала: «Отойди, не мешай! У нас все места общественные! Где хочу, там и кричу!» Затем опять затянула:

— Ха-аши-и-им!

— Бабушка!

— Хашим! Жеребеночек мой!

И пошло, и пошло, сами понимаете: объятия, поцелуи, всхлипы, похлопывания по плечу, опять объятия, опять поцелуи...

— Жив, мой жеребеночек?

— Жив, бабуля!

— Дай-ка обнимемся еще разок, свет моих очей. Ты почему это письма не пишешь домой?

— Служба, бабушка, времени совсем не хватает.

— Ах, чтоб пропала она, твоя служба! Изволновалась я вся! Иди теперь, поздоровайся с папой.

Обрадованный, я и не заметил отца. Стоит в сторонке — в пальто с бобровым воротником, на ногах кирзовые сапоги, на голове — шапка-ушанка. Пальто такое длиннущее, что полы волочатся по земле, как у иных городских модниц. Но не думаю, что пальто такое он приобрел в погоне за модой: купил первое, что попало на глаза, вот и все. С плеча папы свисал тяжелый до отказа набитый хурджин. Он даже не догадался опустить его на землю, всю смотрел на меня. Глаза его влажны.

— Папа!

Он не спеша опустил хурджин на землю, сдержанно обнял меня, словно стесняясь. «Папочка», — пробормотал я, прижавшись к нему. Мне было почему-то жаль отца. Нелегко ему, бедняге, приходится: мама с бабушкой вздохнуть не дают, целыми днями в поле пропадает, а выдастся свободный часок — и тогда не отдыхает, все что-то мастерит, лишь бы руки были заняты!

— Смотри, как ты вырос, а?! Настоящий джигит! — сказал отец, вытирая ладонью глаза.

— Мама как, жива-здоровая?

— А что ей делается? Жива!

— А Доно, Айшахон?

— Бегают все...

— А Закир? Как у него дела?

— Неплохо, работает. Его наградили медалью. Сейчас на пальто носит.

— Ну и Закир!

Обмен информацией прервала бабушка.

— Кузы, хватит лизаться, поднимай хурджин да пошли, — скомандовала она.

— Товарищ Кузыев!

Я обернулся. У подъезда стоял Али Усманов. Я направился к нему.

— Хашим! — строгим окриком остановила меня бабушка. — Иди сюда.

— Товарищ Кузыев! — с некоторым раздражением опять позвал Али Усманов. Я невольно подтянулся, снова шагнул в его сторону. Но не тут-то было.

— Сейчас же вернись назад! — не менее строгим, чем полковник, голосом приказала бабушка и грозно стукнула своим сучковатым посохом об асфальт.

Вот так минут пять метался я, как олух, не зная, куда идти: послушаешь одного — другой рассердится, угодишь другому — первый обидится. Хорошо хоть полковник ушел и через минуту у выхода появился Салимджан-ака.

— Э-э, гости к нам пожаловали, да какие дорогие гости!

Он первым поздоровался с папой, который оказался на его пути, хотел было подойти к бабушке, но, видно, вовремя вспомнил, что я представил ее однажды колдуньей, осадил назад. А бабушка — что и говорить! — и не собиралась с ним обниматься-миловаться, о добром здоровье справляться. Она прицелилась указательным пальцем вытянутой руки в грудь полковника и немедленно пошла в атаку.

— По-моему, это и есть твой приемный папочка?!

Салимджан-ака опешил.

— Здравствуйте, уважаемая! — пробормотал он сконфуженно. — Милости просим... Однако подождите немного, мы советовались тут с Хашимджаном и надо бы...

— Знаем мы эти совещания! — взорвалась бабушка. — Хашим больше у вас не работает.

Увезу его в кишлак. Он и дома может быть прекрасным парикмахером.

— Но послушайте, бабушка...

— Хашим, сдай эту их фуражку и точка! — И чтобы яснее обозначить этот знак препинания, бабушка снова стукнула палкой об землю.

Ну, значит все. Теперь и не вздумай кто перечить моей бабуле — хоть полковник, хоть генерал — знай, будет долбить посохом землю и стоять на своем.

— Вот ты скажи мне, начальник, — продолжала наступать меж тем бабушка. — Сколько уже Хашим у вас работает, а вы ему даже завалящего леворвера не выдали; почему а? Только и знаете, что заставляете его брить ваши бороды да стричь волосы!

— Да о чем вы говорите, почтенная?..

— Не я говорю, весь кишлак говорит. Куда ни пойдешь, одно и слышишь: «Внук Бибирабии в городе не нашел себе работы получше, чем идти парикмахером в милицию!» Стыдно, стыдно издеваться над мальчиком.

— Но ведь это неправда! — вскричал полковник.

— Вы мне мозги не крутите! — закричала бабушка, точно разговаривала с папой. — Если неправда, то почему не доверили ему один несчастный леворвер? Беденький мой внучек приехал домой, как в воду опушенный, ни леворвера, ни свистка, ни даже кобуры! Не могу войти в дом, где собрались хотя бы две женщины! «Ой, соседushка, Хашим-то, верно, опять надул вас, он, наверное, нигде-то не работает, бездельничает в городе, а вам говорит, что служит в милиции. Не то разве был бы он без леворвера?» Извели совсем, бесстыжие...

Я уж вроде вам говорил, как умеет смеяться Салимджан-ака. Вот и сейчас от его хохота задрезжали стекла во всех окнах райотдела. И пока он смеялся, бабушка наблюдала за ним с отвисшей челюстью. «Все. Дело мое кончено. Оперативное совещание могут проводить без меня», — подумал я невесело. Эх, бабушка, бабушка! В детстве все за уши дергала, боясь, что я не стану человеком (вон какой лопухий стал из-за этого!), а теперь, именно теперь, когда я вроде стал человеком, заявила сюда со своим посохом и хочет все испортить!

Салимджан-ака, конечно, быстренько раскусил в чем дело, попросил нас подождать, убежал в райотдел, а через минуту выскочил обратно. Видно, отменил совещание.

— А теперь, дорогие гости, поедem ко мне домой, — объявил он твердо. — Что же разговаривать посреди улицы! Сейчас подойдет машина. Дайте сюда хурджин, Кузыбай, так, кажется, вас зовут?

— Да, — признался папа, но хурджин, отдавать не стал.

Через минуту к нам подлетела черная сверкающая «Волга», мы сели в нее и отправились. На душе у меня было так муторно, что я не особенно прислушивался к беседе. Между тем, она приняла интересный оборот.

— Скажу я вам, Кузыбай-ака, замечательного сына вы вырастили, — остороженько начал разговор Салимджан-ака.

— Кхм, да уж и не знаю... — кашлянул пала в кулак, искоса взглянув на бабушку, точно испрашивая совета, соглашаться или не соглашаться.

— Будь он неладен, этот замечательный-то, — тотчас подхватила бабушка, не замечая или не желая замечать папиного взгляда. — Знаю я его, шельму! Но вы не всему верьте, что он говорит: наполовину-то он наверняка привирает...

— Нет, сейчас вашему Хашимджану завидуют все! — продолжал полковник гнуть свое. — Он, конечно, и созорничать любит, и пошутить, но дело свое знает туго...

И пошло, и пошло, в жизни никто меня так не хвалил! Мне стало так приятно, что чуть не уснул блаженным сном на бабушкином плече. И всех успехов, оказывается, я достигаю потому, что неуклонно выполняю все заветы и мудрые советы моей дорогой бабушки. У Хашимджана,

по словам полковника, нынче такой авторитет, что без него не решились закончить государственной важности совещание.

— Вот, говорила же я тебе! — вдруг обернулась бабушка к отцу. — Говорила тебе, что не нужно слушать болтовни этой сопливой Хаджар!

— Но вы же сами подняли весь этот шум, — робко вставил папа.

— А что было делать, захотелось мне повидать моего недотепу, — сказала бабушка дрогнувшим голосом, повернулась и чмокнула меня в лоб. — Гляди, Кузы, какой красавец-парень вырос, а? Сынок, Салимджаном вроде тебя звали... скажи, сынок, и вправду, он не парикмахером у вас?

— Хашимджан сейчас выполняет задание большой государственной важности, — веско ответил полковник.

— Слава богу, дожидая я до дня, когда про Хашима сказали доброе слово.

— А как вы думали?! Мой сын! — попытался папа слегка возгордиться, но бабушка тут же цыкнула на него и он притих.

Тем не менее бабушка, кажется, постепенно успокаивалась. Поверила, что я тут не бездельничаю и даже не цирюльничаю.

— Вот вернусь в кишлак, бог даст, припеку язычок сопливой Хаджар! — пообещала она, окончательно остывая. Потом просительно глянула на Салимджана-ака:

— Но, сынок, очень прошу вас, если случится, что Хашим поедет в родной кишлак, то вы уж его без леворвера не отпускайте.

— Будет сделано, бабушка! — шутливо козырнул полковник. — Велю не один, а два револьвера прицепить! И обязательно — свисток!

— Ну а я уж стану за всех вас молиться! — пообещала бабушка.

Дома, едва Салимджан-ака направился было к кухне, бабушка остановила его.

— Не надо, сынок, беспокоиться. Чайник чаю мы уж как-нибудь сами вскипятим. А вы сейчас же езжайте на службу, ведь у вас полно важных дел, и как бы Хашиму не попало из-за меня, старой.

Когда уходили, она остановила меня у двери.

— Хашим, это твоя машина? — спросила шепотом.

— Моя персональная, — прихвастнул я на всякий случай.

— Приезжай на ней в кишлак. Пусть увидит сопливая Хаджар.

— Слушаюсь, бабушка.

Советчик директора

Поскольку некоторые стороны нашего дела абсолютно секретны, я вынужден умолчать о подробностях совещания, плана захвата преступников, обысках, а также не стану называть имена участников оперативных групп. Могу лишь сказать, что ответственность за руководство операцией взял на себя полковник Али Усманов. Ну, а если вам очень хочется, могу раскрыть еще одну деталь: старшим группы захвата назначили некоего сержанта, думаю, догадались, кого именно. Кроме того мне поручили сколотить вспомогательный отряд из общественников, дружинников-спортсменов и так далее. Часам к трем я справился с этим заданием. Из пенсионеров в отряд вошли Муслим-бобо и Мерган-ата, прославленный стрелок времен борьбы с басмачеством, братья-близнецы боксеры Хасан и Хусан, участковый милиционер Сурат-ака; в общем, я подобрал людей что надо: если потребуется, тигра голыми руками возьмут. Я не стал говорить, для чего собрал их, предупредил только, что необходимо в двадцать ноль-ноль собраться в отделении и быть в готовности.

В моем распоряжении еще семь часов времени. Я мог бы, конечно, поехать домой, в власть наговориться с папой и бабушкой, и если они привезли толченой джугары (а они непременно привезли ее), то поел бы гуджи, хорошенько сдобрив ее катыком и красным перчиком. Но меня не отпускало беспокойство. А что если вдруг, именно тогда, когда расставлены все сети, Адылхитрец сделает очередной финт и наострит лыжи? Говорила же Шарифа, что у него где-то есть свой человек; а вдруг этот тип знает про наши планы? Нет, как ни хочется встретиться с близкими — дело прежде всего: я ни за что не должен выпускать его из поля зрения, я должен следовать за ним как тень.

— Как ты думаешь, шапочка моя? — обратился я к своей советчице.

— Ты решил верно, Хашимджан, — одобрительно отозвалась она, и я со спокойной совестью отправился в кафе «Одно удовольствие». Здесь, как всегда, было многолюдно; хвост очереди торчал на улице, столы заняты, некоторые посетители едят стоя, кое-как пристроив посуду на подоконнике.

В шесть часов мы с директором отправились в неизвестном мне направлении. Это обстоятельство само по себе не очень-то беспокоило меня. Главное — не отстать от милого своего спутника, слышать каждое его слово и наблюдать каждый шаг.

Мы подъехали к запущенному дому, над подъездом которого висела вывеска с облупившейся краской: «Юридическая консультация». Нас встретил такой же ширококостный, как Адыл Аббасов, грузный человек с плоским лицом, лоб его был испещрен сетью мелких морщин, точно кожа старых, негодных ичигов.

— О-о, Адылджан, каким ветром вас занесло в нашу контору?! — Человек вскочил с места с завидный для его нездорового вида и солидного возраста проворством.

— Люблю почаще видеться с друзьями, — ответил Аббасов, пожимая руку приятеля. — Муку привезли вчера?

— Целых три мешка, Адылджан, три мешка! Доброта ваша не знает границ.

— Для друзей я готов и жизнью пожертвовать, почтенный Шакирджан.

— Пусть продлятся дни вашей драгоценной жизни. Ну, ну, я чувствую — вы здесь неспроста. Так давайте к делу!

Итак, из этой беседы мне удалось установить, что юрисконсульта зовут Шакиром и что он и есть тот самый законник, по советам которого и творит все свои махинации Адыл Аббасов. Выходит, Салимджан-ака не ошибался, когда говорил, что у этого лиса Адыла есть какой-то сведущий в правовых делах дружок.

— Вот это небольшой подарок от меня вашей жене, — Адыл Аббасов достал из кармана золотое кольцо с изумрудом. Законник Шакир подскочил на месте, глаза его алчно заблестели.

— О-о, стоит ли, вы ставите меня в неудобное положение! — с этими словами он выхватил кольцо из рук Аббасова и поспешно спрятал в карман, боясь, что приятель вдруг возьмет да раздумает ставить его в неудобное положение.

— Ох, щедры вы, щедры, Адылджан.

Но Аббасов уже не слушал его. Он раскрыл портфель, покопался среди бумаг и вынул знакомое мне прощальное письмо Шарифы.

— Вот посмотрите, какую еще добрую весть я вам принес.

«Законник» молча пробежал глазами письмо, расстегнул ворот рубашки, просипел вмиг охрипшим голосом:

— Поздравляю, поздравляю... Это точно, что она отдала концы?

— Точно.

— Выходит, дни полковника тоже сочтены?

— Будем надеяться!

— Вот-вот! — радостно хихикнул Шакир. — Вначале его выгонят с работы, а там и в тюрьму загремит. Видите, Адылджан, вы не прогадали, следуя моим советам. Письмо она писала собственноручно?

— Сама писала, конечно.

— Во всем остальном можете положиться на меня. Сегодня же вечером напишу заявление в Министерство. Задам ряд вопросов. До каких пор, дескать, будет гулять на свободе взяточник Салим Ата-джанов, который к тому же втоптал в грязь честь женщины? Заявление, конечно, будет написано «от имени трудящихся...»

— Хорошо. Мясо вам нужно? Баранина. Вчера только получили.

— О, ну зачем... Хотя, впрочем, свежая баранина...

— Завтра привезут. Прощайте, я поехал,

— Будьте здоровы, мой щедрый друг. — И Шакир-«законник» подобострастно проводил своего шефа до дверей.

Потом мы еще помотались по городу по кое-каким незначительным делам Аббасова, в девятом часу вечера я расстался с ним и помчался в райотдел за своей группой.

Страшная ночь

— Как настроение, Хашимджан? Боишься?

— Есть немного.

— Не робей, сынок. Ты прикинь, какая сила за тобой. Я не только о милиции говорю.

— Понимаю.

— Анашу не забыл?

— Нет, взял.

— Главное, не горячись.

— Ладно.

— Строго следуй нашему плану.

— Есть.

— Доброго пути, сынок.

Жаль, конечно, что Салимджан-ака не смог поехать с нами, но посудите: если у меня всего лишь одно дело группы Аббасова, то у полковника таких — десяток. В эту ночь он тоже не будет спать — все нити операции сходятся у него в кабинете.

Наконец мы расселись в крытой машине и тронулись в путь. Лишь тогда я разъяснил группе ее задачу, не скрыл, что операция сложная и опасная — потому и выбирали добровольцев, призвал всех быть предельно осторожными и собранными.

— Этих паразитов давно следовало изолировать от порядочных людей, — с ненавистью проговорил пенсионер Муслим-бобо.

— Слава богу, что сегодня мы подрубим сорное дерево на корню, — поддержал старого друга Мерган-ата.

— Вы сказали, сколько их всего человек? — спросил опытный Сурат-ака, прищурившись.

— Да, трудновато будет...

— Ничего, — поиграл мускулами боксер Хасан. — Справимся.

— Двоих я беру на себя, — пообещал его брат Хусан.

«Спешились» мы недалеко от памятных вам мусорных горок. Дул холодный, пронизывающий ветер, гнал по небу черные лохматые тучи. Темно — хоть глаз выколи. И как нарочно, ручей полон воды, куда не преминули угодить пенсионеры Муслим-бобо и дедушка Мерган.

— Чепуха, обойдется, — сказал шепотом Мерган-ата. — Бывало хуже, когда, например, дрались с басмачами.

— Погодите, у меня галошу унесло водой! Старуха задаст мне теперь перцу! — Муслим-бобо, не удержавшись, засмеялся, притом довольно громко.

— Тише! — просипел Сурат-ака.

Пронесло: кругом по-прежнему было тихо, слышался лишь неистовый свист ветра. Короткими перебежками, хоронясь за кусты и кучи мусора, мы добежали до глинобитных стен и, как было заранее условлено, окружили двор. Теперь мне следовало проникнуть внутрь, выяснить обстановку и дать команду своему отряду.

Одним прыжком я одолел дувал. Двор погружен в глухую тишину, темно, как в могиле, только из дымохода нет-нет да вылетают слабые искры, которые тут же гаснут в сырой мгле. Дверь в дом заперта, на окнах плотные занавески. Как же проникнуть в дом? Не попросишь же старуху-ягу открыть дверь и пропустить в притон? Что же делать?

Вы знаете, парень я хваткий и смысленый, через минуту уже знал, как действовать. И тут, конечно, мне здорово помог мой артистический опыт (помните, мальчишкой я работал в детском театре и изображал разных животных?).

Надев свою заветную шапочку, я сделался невидимым, присел у порога и стал жалобно мяукать, скрестись ногтями о дверь, точно продрогший, голодный котенок. Баба-яга не заставила долго ждать (видно, не зря шайка доверилась ей — на стрёме она стояла зорко!), дверь приоткрылась и скрипучий голос произнес:

— Ха, откуда ты явилась, божья тварь? Входи, входи уж, коли пришел... — Я, разумеется, не стал дожидаться повторного приглашения, проскользнул в дом. А старуха, видя, что котенок не очень-то спешит воспользоваться ее гостеприимством, захлопнула дверь, недовольно бурча себе под нос: — И гуляй на ветерочке, милый, и гуляй... Глядишь, к утру и околеешь...

В огромном котле кипела, бурлила куриная шурпа. Видно, не меньше двадцати цыплят лишилось сегодня головы. Я выхватил из котла самого аппетитного и не спеша обглодал его. Ведь через полчаса все это будет несъедобным. Дело в том, что Салимджан-ака посоветовал использовать военную хитрость, поскольку нам не хотелось лишнего кровопролития: своих жалко, да и преступники нам нужны живыми. Поэтому полковник дал мне с собой хорошую дозу анаши. «Если будет возможность, — сказал он, — брось ее в еду. Через полчаса они все ошалеют и их можно будет брать голыми руками».

Я вытер руки о висящее на гвозде полотенце, вытащил из кармана зеленый комоч наркотика, раскрошил его, бросил в казан, затем неторопливо стал спускаться по лесенке.

Ну и пир тут шел! Ну и дым стоял тут коромыслом! Все голубчики на месте, уже тепленькие: видно «официальная часть» почтенного собрания была позади. Некоторые сидели в майках (в подземелье все-таки было довольно душно), иные развалились на курпачи, выставив перед собой бутылку коньяка и цветастую пиалу: пей — не хочу. В середине круга павлином плывет наш батыр — кукурузник: поводит жирными плечами, виляет бедрами, кокетливо кланяется собутыльникам, а те поют, громко хлопая в такт:

Эх, проходит быстро жисть!
Так побольше благ урви,
Пей, гуляй и веселись,
Без трудов, забот живи!

Толстячок хлопал в ладоши нехотя, да и подпевал как-то вяло, вроде даже устало. Иногда осторожно трогал челюсть, как человек с больным зубом. Муталь-бандюга же старался так, точно кто-то пообещал ему премию, если будет хлопать и петь громче всех. Директор

лоскутного магазина вошел в такой экстаз, что позабыл подпевать, только разевал рот и всю аплодировал кукурузнику, будто всемирно известному артисту. Ариф-спекулянт вел песню, полузакрыв глаза, раскачиваясь из стороны в сторону, все выше и выше поднимая голос. Остальные вторили ему:

Эх, на всю катушку живи, мой бек!
Эх, добра побольше урви, мой бек,
Скачешь ты на белом коне удачи,
Будь хозяином жизни, мой бек!

— Будь здоров, Бадрак!

— Ох и мастак, ты, оказывается, на эти штучки!

— Лучше всякой танцовщицы! — слышались одобрительные крики.

А Саллабадрак уже устал порядком: раз он покачнулся и чуть не растянулся на полу, но удержался, подошел к Аббасову, схватил его за руку.

— Вставайте, учитель, ваш черед!

— Да-да, не увиливайте, Адыл-ака!

— Не отставай, Бадрак, пока не заставишь его сплясать! — опять раздались пьяные крики.

Я думал, что «господин директор» откажется, но он послушно поднялся, широко раскинул руки, точно ворон, приготовившись взлететь — крылья, и попросил:

— Ладно, только спойте для меня «Мою темноволосую».

Ох, упали на глаза, развились
Темные мои кудри-волосы.
Ох, какие только ни свалились
На головушку мою беды-горести, —

с пьяным надрывом затянул Ариф-спекулянт...

— Да, не зря мы избрали тебя предводителем! — зашумели зрители. Аббасов сделал последний круг и сел на место. Он тяжело дышал.

— Муталь!

— Слушаю вас, наставник!

— Наполни чаши, братишка, выпьем. Сегодня мой самый счастливый день. Я нанес своему врагу еще один удар!

«Чаши» — граненые стаканы, пиалы, косушки наполнились вмиг.

Беспорядочный застольный разговор прервал главарь, чтобы собрать со своих подчиненных установленную мзду. Из общей кучи денег кое-какую мелочишку он кинул Муталю и Саллабадраку, остальное засунул в портфель. Попутно отчитал спекулянта за то, что тот до сих пор не распродал на толкучке доставленный товар. При этом сказал, что нужно организовать аварию недалеко от лавки, торгующей детскими люльками — это должно на некоторое время отвлечь внимание автоинспекции, расположившейся поблизости.

— Это вы хорошо придумали, учитель! Организуем, — пообещал спекулянт, приложив руку к сердцу.

— Машину, которую надо угробить, я сам достану, — пообещал Муталь.

В разговор встряли Толстячок и директор лоскутного магазина: они сказали, что торговля нынче очень бойкая и не мешало бы подбросить им еще немного соломы. В это время появилась как из-под земли Баба-яга.

— Шурпа готова! — объявила она. — Помогите принести.

Через минуту палван-кукурузник и Муталь внесли в подземелье громаднейший поднос, на котором возвышалась горка цыплячьих тушек. А еще минуту спустя слышались треск ломаемых косточек, аппетитное чавканье, умиротворенное урчание.

— Муталь! — крикнул Адыл Аббасов, икнув.

— Приказывайте, наставник!

— Наполним бокалы до краев. Сегодня я счастлив.

— Если счастливы вы, хозяин, счастливы и мы! — вставил спекулянт.

— Если бы не вы, все мы давно гнили бы в тюрьме, — подобострастно добавил заведующий лоскутным магазином.

— Пока я жив — не бойтесь ничего! — ткнул Адыл Аббасов куда-то указательным пальцем, точно револьвером. — Я все законы обойду. ОБХСС? Так он сам меня боится. Главное, я парализовал его сердце, и теперь скоро их всех там разгонят. Да, мы еще проживем на славу, верно, Муталь?

— Верно, хозяин, еще как верно! Мы еще поведем их за нос.

— А мне... мне почему-то каждую ночь снится начальник ОБХСС, — плаксиво признался Ариф-спекулянт.

— И мне, — промямлил лоскутный зав. — И сейчас он точно стоит перед глазами... И голова кружится... все кружится...

Анаша, кажется, начала действовать: эти слова потонули в нестройном идиотском смехе присутствующих:

— Хи-хи-хи! Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

Я решил не терять зря времени: принялся потихоньку разоружать обалдевших преступников. И вдруг помещение потряс громкий крик:

— Анаша! Курица пахнет анашой! — Это орал Саллабадрак.

— Точно, теперь я понял... мясо пахнет анашой, — залепетал наш Аббасов, еле продирая слипающиеся глаза. — Муталь, это твоя работа?

— Да убей меня бог, учитель! Разве бы я себе позволил...

— Врешь, ты мне подозрителен...

— Разрази меня гром, если это я!

— Сейчас я тебя разражу... — Адыл полез в карман пиджака, потом ощупал карманы брюк, покачнувшись, еле дотянулся до портфеля. Пистолета, само собой, не было и там.

— Пистолет!.. Украли!.. Бадрак, держи вора!

И тут началась такая свалка, любо-дорого смотреть! Бадрак стал колотить бандюгу Муталья, Адыл Аббасов пытался придушить спекулянта, директор лоскутного магазина бодал головой в живот завскладом — в общем, драка была потешная, а не страшная, потому что все опьянели и обессилели. Минут через десять утомонились; так и уснули, сцепившись.

На этом и закончилось последнее пиршество шайки Адыла Аббасова.

— Ох и смельчак ты, оказывается, сынок! Ох и батыр! — восхищался дядюшка Муслим, когда погружали банду в машину. — Гляди, какой детина лежит, неужто и он не нагнал на тебя страху?

Я поглядел на бесчувственного гориллообразного Саллабадрака и ответил честно:

— Было малость, дедушка.

Наутро, когда в милицию доставили сокровища Адыла-хитреца и похищенные у нас документы, операцию «По следам Желтого Дива», важной частью которой я руководил лично, можно было считать завершенной. Ко всему, я сдал начальству две тысячи четыреста фотоснимков и четыре тысячи двести метров магнитофонной ленты — улики по предстоящему судебному делу. Решили, что следствие поведет майор Халиков, большой знаток своего дела. А

вскоре на служебной черной «Волге» я отбыл в родной мой кишлак.

Часть III *Смерть Желтого Дива*

Каникулы в кишлаке

Ну и здорово же, оказывается, соскучился я по родному кишлаку! Как выяснилось, Закир, Ариф, Мирабиддинходжа тоже ждали меня, — ну прямо как весенние ростки солнышка. Представьте — задержись я еще хоть на недельку, Закир бы сам приехал приглашать меня на свадьбу.

Нет, лучше расскажу все по порядку. Как я потом узнал, на следующий день, как сдал я все документы и вещественные доказательства товарищу Халикову, в кабинете полковника Усманова состоялось совещание. На повестке дня стоял один вопрос: каким образом отметить самоотверженную высоко-профессиональную работу сержанта Хашимджана Кузыева по разоблачению и обезвреживанию крупной группы особо опасных преступников. Кто-то предложил премировать товарища Кузыева деньгами. Однако мой наставник Салимджан-ака возразил:

— Я считаю, что поощрять Хашимджана деньгами нельзя. Во-первых, он ненавидит деньги. Во-вторых, не умеет ими распоряжаться: в один день может просадить всю зарплату, а на другой — ходить стрелять у сослуживцев по пятерке.

Тогда выступил Али Усманов.

— Если никто не возражает, я бы предложил выдать товарищу Кузыеву бесплатную путевку в милицейский дом отдыха в Крыму, а также оплатить дорогу в оба конца.

Возражающих не оказалось. Наоборот, кое-кто даже заплодировал.

Вот так я собрался уже было ехать в Крым: кто же откажется от отдыха у моря!

— Что-что?! — возмутилась бабушка, услышав эту новость. — Какой-такой еще Карим объявился?

— Не Карим, а Кры-ым!

— А что ты там потерял?

— Отдыхать буду.

— Отдыха-ать? И не стыдно тебе, здоровому, как бык, парню валяться на койке целыми днями?

— Нисколечко не стыдно.

— Никуда ты не поедешь. Дома работы невпроворот. Будешь лепить кизяки.

— Кизяки?!

— Кизяки не хочешь, будешь пни выкорчевывать.

— Пни?!

— В прошлый приезд удрал, палец о палец не ударив по хозяйству, а дома — ни хворостиночки дров! Тебе не жалко отца? Он и работает, и по хозяйству смотрит, крутится, мечется, и все равно не успевает.

— Но я все равно не стану лепить кизяки. Этого не позволяет мой авторитет. Пусть ваши кизяки лепят Айшахон и Донохон, а то они будут сурмить брови да пальцы хной пачкать, а мы — лепить кизяки!

— Не спорь со старшими! — прикрикнула бабушка.

— Все равно наш начальник не разрешит кизяками заниматься, — заупрямился я тоже. Но

вы ведь знаете, что спорить с моей бабушкой дело бесполезное. Все равно стоит на своем.

— Пока я жива, главный начальник твой — я, вот помру, тогда уж ищи себе других начальников. — С этими словами она вскочила с места, принялась собирать мои вещи и швырять в чемодан. Парадную фуражку запихнула в отцовский хурджин. К счастью, наш разговор услышал Салимджан-ака, вышедший на веранду попить холодного чайку. Увидев меня, он засмеялся и покачал головой.

— Ох и колючая старуха твоя бабушка, а, Хашимджан?

— Сами же видите! — сказал я, чуть не плача. — Ладно, не поеду к морю, но как глядеть теперь в глаза начальнику? Он ведь так старался!

— Поехали, объясним Усманову все как есть, думаю, он не обидится, переиграет свое решение.

Так и вышло. Ведь Али Усманович человек мудрый и чуткий. Наоборот, он даже постарался подбодрить меня.

— Ничего, Хашимджан, вы еще молоды, успеете по курортам поездить. Не обижайте бабушку. — Потом велел секретарше срочно оформить мне премиальные и сообщил, что передает свою черную персональную «Волгу» в мое распоряжение.

— Не стесняйтесь, поезжайте. Благодаря вам работа нашего отделения отмечена Министерством внутренних дел. Для такого сотрудника ничего не жалко...

И вот мы катим и катим по приволью. Машиной управлял я сам, папа дремал рядом, а бабушка, устроившись на заднем сиденье со всеми удобствами, добродушно поносила тетушку Хаджар, которая имела неосторожность некогда высказаться, что я ни за что не стану человеком.

На полях весна заявила полностью о своих правах: у арыков густо пробилась зелень, почки на деревьях разбухли, в чистом воздухе далеко разносился рокот тракторных моторов. Колхозницы в разноцветных платках провожали взглядом нашу машину, иные задорно махали вслед. Высоко в небе заливались жаворонки, радуясь избытку света и тепла. Не меньше пернатых взбудоражил погожий день и меня: я громко запел первую пришедшую на память песню. Бабушка засмеялась, погладила жесткой рукой мой затылок.

— Об-бо, шалопайчик мой, когда ты это научился так хорошо петь?

— Сотрудник милиции все должен уметь, бабушка.

— Будь благословенна на том и этом свете милиция, которая сделала из тебя человека, — прошептала бабушка, молитвенно сложив руки и проведя ими по лицу. — А ты знаешь, что твой друг Вакир женится?

— На ком?

— На Хакиме, дочке мельника.

— А, знаю. Это та девчонка, которая упала с турника и сломала ногу?

— Она самая. Работает на ферме дояркой. А Закир твой влюблен, как петух: залезет на крышу фермы — давай песни петь. Со своей любовью на весь кишлак опозорился. Раз решил возлюбленную свою встретить у калитки... Так что ты думаешь? — привалился к забору и уснул, так что будущий тесть еле разбудил утром...

В кишлак мы въехали около пяти часов. За машиной увязалась орава детишек. Они кричали, визжали, улюлюкали, точно цирк привезли. Мама, конечно, давно ждала меня, малость всплакнула, рассказала, что выбегала на шум каждой проезжающей машины. Сестренки мои Айшахон и Донохон тоже безмерно обрадовались, только в пылу чувств они почему-то начисто забыли о брате и принялись обниматься-целоваться друг с дружкой.

А полчаса спустя во дворе нашем яблоку было негде упасть, считай, весь кишлак собрался. Многие больше интересовались черной «Волгой», чем моей персоной. Мне передали под

большим секретом, что кое-кто заподозрил даже неладное: «Боюсь, дело тут нечисто, а вдруг Хашим просто-напросто угнал эту машину? Думаете, нет? Посмотрите в его глаза, так и бегают, так и бегают!..»

Папа позвал Умурзака-мясника зарезать барашка, а к вечеру пожаловали не кто-нибудь — сам председатель колхоза, а также бухгалтер и агроном Анарбай-ака. Поразмыслив, решили, что подобное торжество не может обойтись без нашего уважаемого участкового. Вмиг снарядили за ним человека. Собрались, разумеется, и школьные мои друзья-товарищи: Закир, Мирабиддинходжа, который приехал домой на каникулы, Акрам, что бросил школу с шестого класса, однако теперь слывет в колхозе передовым механизатором, Ташпулат-табельщик и даже круглоголовый умник Ариф, после окончания зубопротезного техникума присланный беречь зубы наших односельчан.

Все гости, предполагалось, пришли навестить меня, поинтересоваться моими делами, порадоваться моим успехам; но не тут-то было, разговоры пошли совсем о другом. Мужчины говорили о том, что зима в этом году затянулась, вследствие чего корма кончились и все стараются сбыть скотину, за сноп прошлогоднего клевера запросто можно купить шестимесячного ягненка. У женщин было свое: вот, мол, в промтоварный магазин завезли фарфоровые косы, чайники и пиалы, но завмаг, чтоб ему подавиться, сбыл их на «толкучке». Бабка Айниса житья не дает своей снохе, а бабка Тупиниса каждодневно ходит к мулле, чтобы тот надоумил ее зятя уважать тещу; муж тетушки Халнисы, видно, одурел совсем на старости лет, забрал все сбережения и укатил куда-то на курорт.

Мы, молодежь, тоже не молчали, конечно, и у нас тем было хоть отбавляй: кто куда поступил, кто где работает, кто на ком женился, — короче, гости разошлись где-то под утро, когда петухи чуть не порвали голосовые связки. Прощаясь, папа набросил на плечи участкового новенький чапан, надел тубетейку и поклялся, что век не забудет его доброты, ведь именно благодаря его помощи я стал человеком. Под конец мы остались одни с Закиром.

— Давай, дружище, обнимемся мы с тобой еще раз! — предложил вдруг Закир, широко раскинув руки.

— Но мы ведь уже обнимались...

— Я никак не могу поверить, неужели это ты здесь, рядом со мной. Обниму тебя и поверю, что это не сон!

Для начала мы обнялись, потом расцеловались, а разгорячившись, принялись бороться, как два неуклюжих медведя. Порядком устав, присели на скамеечку у калитки.

— Дружище, я хочу кое-что спросить у тебя... ответишь по-честному? — С этими словами Закир воровато оглянулся по сторонам. Я как-то предчувствовал, о чем именно он заговорит: конечно же о том, что хочет жениться, и, разумеется, спросит совета, правильно он решил или нет.

— Слушай, скажи мне честно: ты кого-нибудь любишь? — Закир опять оглянулся по сторонам, точно его могут подслушать.

— Нет, как-то не приходилось, — ответил я с непонятным чувством собственной вины.

— А я совсем пропал, приятель...

— Да что ты говоришь?!

— Точно. Ты помнишь дочку мельника?

— Хакиму?

— Да, она у нас на ферме работает.

— Но она же хромая!

— Может, за то и полюбил я ее?! Знаешь, я люблю даже коров, которых она доит. Я люблю бидоны, в которые она сливает молоко, люблю дороги, по которым она ходит, деревья, что

растут у их дома; я люблю все, все, что как-то касается Хакимы.

— Не может быть!

— Может быть, дружище, может. Поверь мне. Ночами мне хочется плакать, а днем так и тянет спеть, сплясать... вообще, выкинуть какую-нибудь штуку. А самой Хакиме слово сказать боюсь: руки ноги деревенеют, язык отнимается...

— Да-а, дела у тебя, приятель...

— Терпел я, терпел, а потом решил написать письмо.

— Что же ты написал?

— Это теперь неважно, приятель, что именно я написал. Главное — здорово оплошал. Понимаешь, мне почему-то всегда казалось, что фамилия у Хакимы — Шакирова, на прежний манер — по имени отца. Ну вот я отправил свое письмо на имя Хакимы Шакировой. И сижу себе, жду ответа. Проходит неделя, другая. Молчок. Тогда я отправляю второе письмо. И вот какой же я олух: совсем упустил из виду, что жену дядюшки Турана, что живет рядом с мельницей, тоже зовут Хакима и фамилия у нее — Шакирова. Только собрался я как-то погнать стадо на пастбище, на ферму заявляется дядюшка Туран и давай хлестать меня камчой. «За что? — кричу я. — За что вы меня лупцуете?». «Ты написал эти грязные бумажонки?» Гляжу — да, мои любовные послания, подписанные: «Пастух Закир, сгорающий от любви к тебе». Отдохнув, дядюшка Туран опять взялся за камчу, а я что, стою себе, молчу — поделом дуралею. Наконец мельников сосед совсем выбился из сил.

— Зачем тебе моя жена, мать десятерых детей? — упрекнул он меня. — Ты что, ровню себе не мог найти? Ответь, наконец, дубина!

— А я вовсе не вашей жене писал.

— Как так?! А кому писал?

— Дочке мельника, Хакиме.

— Болван! — завопил дядюшка Туран, но несколько смягчился. — Какие вы с твоим отцом растяпы все-таки, недаром говорят: яблоко от яблони недалеко падает. Твой отец тоже целый год морочил людям голову, не зная, к которой из сестер-близнецов собирается свататься.

Дядюшка Туран изорвал мои письма в мелкие клочья, швырнул их мне в лицо и выкрикнув: «И дед твой был шалопаем, и прадед, и прапрадед!» — ушел.

Разговор этот тотчас облетел весь кишлак, а Хакима, бедняжка, слегла в постель... Доконал я таки ее... Состояние было тяжелое, так что родители сами сватов прислали...

— Это к тебе?

— Ко мне.

— Все, значит, получилось наоборот?

— Да, наоборот. Вот был бы ты здесь — я выслушал твои советы и ничего бы такого не случилось.

— Ну, а что случилось потом? Видел Хакиму?

— Видел, конечно. Она подарила свою фотокарточку!.. Но я вовсе не об этом. Я другое хочу у тебя попросить, только ты не отказывай мне.

— Проси, — великодушно разрешил я. — Не откажу.

— После свадьбы я хочу показать Хакиму самому лучшему доктору в городе. Вот тут-то ты мне и поможешь. Я слышал, Хакиму можно вылечить и она совсем не будет хромать. Если нужно, я кожу свою дам, кости, даже всю ногу — гляди, какая она у меня здоровенная — лишь бы вылечили Хакиму.

— А на операцию она согласна?

— Согласна.

— А свадьба когда?

— Думаю, к майским праздникам и справим. Музыкантов, надеюсь, ты сам привезешь из города.

Звезды на небе давно погасли, петухи угомонились, поскольку, видно, увели своих подопечных кур на утреннюю трапезу. А мы с Закиром никак не могли наговориться, прощались несколько раз, и тут же все начиналось сызнова.

Так и стал я проводить время: сегодня говорю по душам с Закиром, завтра умничаем с тыквоголовым Арифом. У этого тоже новостей оказалась куча. Попросила Саддиниса (если помните, еще в шестом классе она взяла надо мной шефство) подремонтировать ей зубы, так мало того, что этот малый заговорил ей зубы, но заодно вскружил и голову. Ариф, дальновидный парень, заявил, что летом получит отпускные и будущей теще тоже вставит золотые коронки. «После этого уж и посватаюсь — отказа не будет», — говорил Ариф, потирая руки.

Мой отпуск больше всех пришелся по душе, не совру, моей любимой бабушке. Она целыми днями не вылезала из машины: к тетушке Хаджар, которая живет от нас в четырехстах метрах, и то ездила на машине — за дрожжами там или за ситом. И едет, главное, по пояс высунувшись из окошка «Волги».

— Ну разве так можно? — попробовал я раз урезонить ее.

— Не твое дело, шалопай! — огрызнулась она. — Я хочу хорошенько досадить этой болтунье Хаджар.

Кроме исполнения обязанностей личного шофера бабушки, я с папой занялся заготовкой дров на зиму: срубили старую высохшую урючину, распилили на колоды, потом я наготовил массу кизяков, которыми обложил все наши плоские крыши; еще съездили с бабушкой на рынок, продали все ее сухофрукты — персики, урюк, яблоки.

Как-то с отцом мы вскапывали огород под ранние помидоры. На тропинке появилась бабушка. В одной руке она несла пузатый чайник, в другой — тарелку изюма. Папа сел пить чай, а я продолжал изо всей силы махать кетменем.

— Хашимджан, жеребеночек мой, а почему ты не пьешь чай? — очень уж заботливо поинтересовалась бабушка.

— Я только что напился воды.

— Как ты считаешь, сынок, может, настало время засылать сватов к дочери Хаджар? — еще мягче, еще заботливее спросила бабушка.

Да, не напрасны были мои опасения.

— Не надо, — отмахнулся я, точно мне пощекотали между ребер. — Мать болтливая, значит, и дочка выросла такая же.

— А что скажешь насчет дочери тетушки Халчи?

— Так ведь она не ходит, а переваливается, как утка.

— Пусть Рашидахон станет тогда моей снохой.

— Мне вертушки не нужны.

— А кто тебе нужен?

— Мне нужна Фарида.

— Это которая Фарида?

— Которая здорово умеет лепить пельмени. Из психбольницы.

— Из психбольницы?.. Ты, видно, сам с ума сошел! — бабушка угрожающе двинулась на меня.

На мое счастье во дворе появился секретарь сельсовета. Очень взволнованный.

— Товарищ Кузыев! — крикнул он издали. — Только что звонили из города. Приказано вам срочно выехать.

И плакал я, точно отца родного потеряв...

Я лечу в город. Выжимаю из машины все, на что она способна, и мне все равно кажется, что стою на месте. Неужели Салимджану-ака опять плохо... Ведь ему нельзя было так переутомляться... Неужели... Нет, нет — об этом нельзя думать. А может, Адылу удалось бежать? Предположения, одно страшнее другого, отравляли сознание.

Дорога перед домом Салимджана-ака была чисто подметена, густо полита водой. На спиленном высохшем тополином стволе, брошенном у дувала и заменявшем скамейку, сидели аксакалы. Во двор входили и выходили не знакомые мне люди... Глаза мгновенно застлала мгла, сердце бешено заколотилось: значит, сбылись мои худшие опасения. Выходит, я лишился самого дорогого человека, наставника и учителя, не смог с ним даже попрощаться, услышать его последние слова!

Проклятая смерть!.. Я не мог больше сдерживаться: громко заплакал и, причитая, как у нас принято в кишлаке «О-о, отец, на кого ты нас покинул?! Оставил сиротами!» — направился к дому. Навстречу мне выбежал Нигмат-ака, бледный, расстроенный.

— Хашимджан, да ты что? Прошу тебя, успокойся!

Я зарыдал пуще прежнего:

— Ты сердце мое унес с собой, отец родной, как мне жить теперь без тебя?!

— Кому говорят, успокойся?! — крикнул Нигмат-ака, загораживая мне дорогу.

Оттолкнув его, я ринулся в калитку, чтобы успеть попрощаться, припасть к груди своего бесценного наставника... и застрял прямо на пороге, как машина, у которой неожиданно кончился бензин.

Двор был переполнен народом: соседями, друзьями Салимдясана-ака. Веранда, похожая на салон трамвая, была битком набита сотрудниками милиции — погоны так сплошь и сверкали. Во дворе на сури разместились ребята из самодеятельного ансамбля: как раз в тот момент, когда я сунулся в калитку со своими стенаниями, они заиграли огневую плясовую. И только тогда я понял, как невероятно оплошал. Но как теперь быть? Стыд и срам! Да и Салимджан-ака может обидеться!.. Надо найти выход. Дайка притворюсь сейчас пьяным. Ведь именно в пьяном виде люди вытворяют разные нелепости.

Я раскинул руки, завертелся на месте, громко притоптывая ногами, дрожь в которых еще не унялась.

— Э, посмотрите, Кузыев припожаловал!

— Припожаловал, да пьян вдребезги!

— Видно, опять на ревизии побывал!

— Пляши, парень, поддай огоньку!

— Вот так оно и бывает: сами напьются — и ничего, а глотнем мы, грешные, — так сразу на пятнадцать суток!

Я, разумеется, прекрасно слышал эти то осуждающие, то восторженные возгласы, но, как говорится, ноль внимания — продолжал свой иступленный танец. Мало того, вытащил в круг двух девушек из городского паспортного стола, потом еще двух парней, совсем незнакомых, а зрителей заставил хлопать в такт, что они и исполнили с удовольствием. Я уже стал изнемогать от усталости, когда круг вдруг распался.

— Хашимджан, сын мой! — навстречу мне шел Салимджан-ака. Я застыл, ожидая нагоняя.

Но Салимджан-ака по-богатырски обнял меня, оторвал от земли, чмокнул в лоб.

— Карим приехал, сынок, Карим наш вернулся!

...Карим-ака оказался парнем что надо: даже выше, стройнее, чем описывал полковник.

Точно его специально изготовили в каком-нибудь люкс-ателье, чтобы люди любовались.

— Если я не ошибаюсь, вы — Хашимджан, — сказал он, подходя ко мне.

— Да, он самый, — пробормотал я и замолк. Так уж я устроен: то невпопад начну говорить, пока люди не обалдеют, то, когда нужно, слова путного не найду, чтобы поддержать разговор. Стою как истукан, улыбаюсь какой-то неживой, нарисованной улыбкой. Спасибо, Карим-ака сам заговорил.

— Я знаю, Хашимджан, вы скрасили горькое одиночество отца... — Он вздохнул. — Очень благодарен вам за это.

— Да уж, какое уж там...

— Я получил все письма, которые вы писали вместе с отцом. Спасибо.

— Не стоит.

— Я просто зачитывался вашими шутками. Да вы прирожденный юморист!

Не находя слов, я просто кивнул головой. И что это я молчу, точно воды в рот набрал? Ведь этим я ставлю Карима-ака в неудобное положение! Не моей же идиотской улыбочкой подошел он любоваться!

— Карим-ака, надеюсь, мы с вами еще наговоримся вдоволь, — наконец проговорил я. — Если вы не против, пойду помогу по кухне. Вон сколько народу обслужить надо...

Я переоделся в гражданское, засучил рукава и пошел, и пошел трудиться. Дым стоял коромыслом: бегом носил полные чайники, подавал шашлыки, подбрасывал дрова в очаг, менял тарелки (правда, штук пятнадцать поколотил с первого захода), — в общем, опять почувствовал себя в норме. И трудился до глубокой ночи, пока не ушли последние гости. Показал-таки гостям и Кариму-ака, что я верный и любящий сын своего приемного отца полковника Атаджанова.

«Нет, вы не были мне настоящим отцом»

Наутро меня ждали новые радостные вести. Собрались мы в кабинете Али Усманова на летучку. Здесь я узнал, что Хашимджану Кузыеву, то есть мне, присвоено звание младшего лейтенанта. Полковник Усманов назначен начальником областного управления милиции; его кандидатура уже утверждена в Министерстве. А мой учитель полковник Атаджанов вот уже неделя, как руководит нашим отделением. Была еще четвертая новость... вы уж простите, не подумайте, что хвастаюсь — ведь в этом грехе кое-кто до сих пор частенько упрекает меня, — но если промолчу, то получится, что скрываю правду. А я этого не люблю. Значит так. Младший лейтенант милиции Хашимджан Кузыев, оказывается, назначен исполняющим обязанности начальника отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности, то есть ОБХСС. В масштабе района, конечно.

Прощаясь с нами, Али Усманович улыбался, но мы-то видели, что ему немножечко грустно.

— Друзья мои! — сказал он. — Вы все знаете, что некогда я был рабочим, пришел в милицию по настоянию Салимджана-ака и по зову сердца. И если завоевал некоторый авторитет, то это благодаря коллективу, то есть вам, дорогие друзья. Я навеки обязан своему наставнику, воспитателю и другу Салимджану-ака, а также нашему умнице-парторгу Каромат Хашимовой. Говорят, кто не работает, тот не ошибается. Я тоже совершал ошибки, есть у меня свои недостатки; но товарищи, когда было нужно, всегда наставляли меня на путь истинный. Я очень любил и наших молодых работников, таких, как Сурат Арипов, Адыл Шарипов, Хашимджан Кузыев. Они хорошо начинают, лучше, чем я, хотя трудностей у них поменьше, чем у нашего поколения. Надеюсь, мои молодые друзья, вы нас и впредь не подведете. Я... мне... мне очень трудно расставаться со всеми вами... — На этом месте полковник совсем

растрогался и, чтобы не показывать своих чувств, быстро вышел из кабинета.

Этот день оказался для меня по-настоящему радостным. Но помня, что есть слово «авторитет», я уселся за свой стол с таким мрачным и озабоченным лицом, точно размышлял о каких-то мировых проблемах. Однако надолго меня не хватило. Вскочил как ужаленный с мыслью: «А вдруг люди начнут говорить: «Вы посмотрите, как возгордился! Ходит, точно палку проглотил! Неужели зазнайку-карьериста пригрели!» И я пошел по кабинетам, шутил, смеялся, сыпал анекдотами. Так прошел день. А к концу я вдруг понял, что ударился в противоположную крайность... Ох, трудно быть начальником!..

Дома я застал Салимджана-ака вместе с сыном, за столом на веранде. Видно, крупно поговорили: оба нахмурены, не глядят друг на друга. У дверей стоит упакованный чемодан Карима-ака, сверху лежит плащ. Заметив их состояние, я ушел к себе в комнату, переоделся. Потом нащипал лучины, разжег самовар и лишь после этого вернулся на веранду. Однако снова невпопад.

— Карим, я считаю, ты поступаешь опрометчиво, — взволнованно говорил Салимджан-ака.

— У меня нет другого выхода, — отвечал Карим-ака, не подымая головы.

— Все же ты должен подумать и обо мне, ведь я не так уж молод...

— А вы? — Карим вскочил с места. — А вы думали обо мне, вы помнили, что я ваш сын? Настоящие отцы, если сын попал в беду, делают все, чтобы спасти его. А вы что сделали? Можно сказать, связали по рукам и ногам, как барана, и сдали в милицию.

— Я выполнял свой долг, сын...

— Вы хотели быть чистеньким перед людьми, государством, перед своей совестью, не так ли?

— Так, сын. Не чистеньким, а чистым, — твердо отвечал Атаджанов, хотя нелегко, видно, ему это давалось.

— Да вы пеклись о своем авторитете, о своей чести и совести, но ни капельки не подумали обо мне, о моей больной матери. Променили мою судьбу и жизнь матери на свой авторитет!

— Но ты ведь совершил преступление! — стукнул Салимджан-ака по столу кулаком. — Каждый преступник, кто бы он ни был, должен понести заслуженное наказание.

— Не притворяйтесь!

— Как ты со мной разговариваешь?!

— Я разговариваю с вами в последний раз. — Карим-ака опустился на диван. — Поэтому и должен высказать все, что думаю. Вот вы сказали, что каждый преступник должен быть наказан. На это я ответил, что вы лжете. Почему я так сказал? Потому что вы вызволили из тюрьмы соучастницу многих преступлений, женщину, которая вроде оклеветала вас, облила грязью, — Шарифу Усманову.

— Ее не привлекли к ответственности потому, что она вовремя призналась в своей вине, помогла разоблачить соучастников.

— А я, ведь я тоже признался?

— Только после того, как тебя разоблачила милиция, то есть я, ее представитель.

— Не все ли равно?

— Не все равно, сын мой, нет. Между признанием под давлением улик и добровольной явкой с повинной разница, как между небом и землей. Кроме того, у Шарифы грудной ребенок.

— Верно, верно, я и забыл, что у меня появился братишка!

— Молчать! — взревел Салимджан-ака; в один прыжок он оказался возле сына, схватил его за грудки, притянул к себе. — Откуда ты набрался этих мерзостей?

— Отпустите!

— Отвечай! Кто тебе все это нашептал, я спрашиваю?

— Письмо получил. Еще там, в колонии... Перед самым освобождением.

— От кого?

— Письмо было без подписи.

— И что же тебе писали?

— Что отец не постеснялся засадить тебя, родного сына, но вызволил из тюрьмы свою... любовницу,

— Что?.. И ты мог поверить?! Где это письмо?

— Я его изорвал.

— Глупец! Наказание не пошло впрок, вижу, человеком ты так и не стал. — Салимджан-ака отпустил ворот сына, обессиленно опустился на стул и застыл, обхватив голову руками.

Наконец что-то задело и этого бесчувственного Карима за живое, он заходил по комнате, взволнованно заговорил:

— Вы не имеете права утверждать, что беда моя прошла для меня бесследно! Я окончил там школу, притом с хорошими отметками. Вчера вы сами еще расцеловали меня, когда увидели мой аттестат. Опять-таки вчера вы видели «Почетные грамоты», врученные мне за труд, которым я искупил свою вину, свое позорное легкомыслие. Я там ни от чего не отлынивал, нет, выполнял по две-три нормы, — вот за это и благодарности. Вот поэтому вы и не имеете права говорить, что я не стал человеком... Отец, поймите меня правильно, я не в силах забыть... Если бы мать была жива, может я и смог бы... Мама умерла, переживая из-за меня, а вы...

— Довольно! — простонал Салимджан-ака.

— Отец, простите меня. Иногда я жалею вас, признаю, что вам тоже нелегко. А иногда ночами не сплю, проклиная вас: вы и воспитать не смогли меня, и из тюрьмы не пожелали вызволить. Мне нужно еще во многом разобраться. Поэтому будет лучше, если я уеду. Жить вместе мы не сможем...

— Что ж, раз так... Куда ты решил уехать?

— В Мирзачуле, я слышал, деревообделочный комбинат построили. Хочу туда податься.

— На дорогу дать тебе денег?

— Нет.

Карим-ака отвернулся, пошел в комнаты. Вернулся через минуту, прижимая к груди фото матери, вправленное в рамку, взял чемодан. Я глядел ему вслед, на подрагивающие его плечи, и ждал, когда он оглянется. Вот и калитка. Нет, не оглянулся.

Самовар выкипел наполовину. Наконец я опомнился, заварил крепкого зеленого чаю, вернулся на веранду. Салимджан-ака сидел на краешке дивана, глядя прямо перед собой.

«Будь самостоятельным, сын мой»

Как говорится, беда никогда не приходит одна. На следующий день — опять неприятности. Оказывается, председатель месткома Халиков решительно возражал против моего нового назначения. Салимджану-ака пришлось ввязаться с ним в ссору, защищая мою кандидатуру, что еще больше распалило Халикова.

Х а л и к о в. Что верно, то верно — Хашимджан показал себя смелым, боевым работником. Но какие бы он ни творил чудеса, Хашимджан еще молод, в органах работает совсем мало, тогда как у нас есть работники с пятнадцатилетним стажем, вполне достойные этого назначения.

А т а д ж а н о в. Как известно, ум зависит не от возраста и не от стажа. За совсем короткий срок Хашимджан сделал столько, сколько, может быть, не смог сделать ни один из нас, опытных.

Х а л и к о в. Я буду жаловаться в райком.

А т а д ж а н о в. Я выдвинул кандидатуру Хашимджана, предварительно посоветовавшись с товарищами в райкоме.

Х а л и к о в. Им, наверное, не известно истинное положение дела.

А т а д ж а н о в. Идите, просветите их, укажите ошибку.

Х а л и к о в. Все равно я остаюсь при своем мнении.

А т а д ж а н о в. И я вовсе не собираюсь менять свое мнение.

Х а л и к о в. Это мы еще посмотрим.

А т а д ж а н о в. Посмотрим, конечно, почему бы не посмотреть?!

И вот сижу себе, ничего не ведая, разложил папки, обдумываю, с чего же дела начать. А для облегчения мыслительного процесса выстукиваю пальцами ло столу очень душевную мелодию «Прекрасны гранаты в твоём саду».

И тут вваливается Халиков, я его, как положено, приветствую, а он вместо здарсьте:

— Совесть у вас есть? — говорит. — И вам не стыдно?

— А чего мне стыдно должно быть? — спрашиваю.

— Не прикидывайтесь дурачком, — отвечает. — Вы работаете без года неделю, а успели перебежать дорогу заслуженным людям.

«Так вот оно что! — думаю. — Но я ведь не напрашивался». Ладно, если ему нужна моя должность, ускай берет ее. Признаться, мне и самому не очень-то по душе эта затея. Лучше вернуться в кишлак, лепить кизяки, чем выглядеть выскочкой каким-то.

Я взял лист бумаги, потянулся за ручкой. Халиков на меня во все глаза глядит. И именно в этот момент в дверь просовывается роскошно причесанная головка нашей секретарши Лиляхон.

— Вас вызывают в партком.

— Ладно, приду.

— Не «ладно», а сейчас, сию минуту!

Головка исчезла, демонстрируя бесполезность каких-либо пререканий. Пришлось оставить Халикова в кабинете и идти в партком. Каромат-опа была в хорошем настроении, наверно, дочурка не бастовала сегодня, отказываясь идти в детсад.

— Как дела, товарищ начальник отдела? — сказала Каромат-опа, указывая глазами на диван. Я сел.

— Неплохо.

— С чего решили начинать свою работу?

— С заявления.

— Что? С какого это заявления?

— Ну... с заявления об увольнении...

— Послушайте, молодой человек, когда вы отучитесь шутить в самое неподходящее время?

— А я вовсе и не шучу. Просто я... просто меня товарищ Халиков спросил сегодня, имею я совесть или нет.

— Ах, вот оно что! Значит, он успел и на вас навалиться? — Каромат-опа встала и пересела рядом со мной на диван. — Не обращайтесь внимания. Вчера он зашел ко мне, говорил то же самое. Я его пристыдила. Но он, понимаете, такой уж человек. Давно метил в начальники отдела, но не вышло, райком не утвердил его кандидатуру. Вот он и сердится, не знает, на ком выместить зло... Через день-другой это у него пройдет... В общем-то он неплохой человек, и опыт работы имеет немалый... Но бесхарактерный, не самостоятельный, безынициативный. Так каковы наши планы?

— Сегодня как раз собирался заняться ими.

— Обратите побольше внимания на профилактику преступлений, перевоспитание

споткнувшихся. И еще, люди должны знать основы законодательства. Это требование партии на данном этапе.

— Постараюсь.

— Завтра принесите план мне на утверждение.

— Можно идти?

— Идите.

Халиков все еще сидел в моем кабинете.

— Зачем вас вызывали? — поинтересовался он.

— Проверить, есть ли у меня совесть.

— Ну и как, выяснили?

— Выяснили. Но об этом, оказывается, вам говорили еще вчера.

Халиков молча пошел к двери, так печатая шаг, что, казалось, хотел пробить пол.

После его ухода я еще долго сидел в скверном настроении, не в силах взяться за работу. Не выдержав, направился к Салимджану-ака: очень уж одиноко почувствовал себя. Полковник встретил меня обычным приветствием: «Слушаю вас, товарищ младший лейтенант». Я не заставил долго себя упрашивать, рассказал об инциденте с Халиковым — все как есть. Наставник мой, известно, человек рассудительный: выслушал меня даже с каким-то безразличием, а потом улыбнулся и сказал:

— Хочу напомнить тебе нашу старинную восточную притчу. Ну, да ты ведь не так давно еще пионером был, читал ее, наверное, в прекрасной обработке известного детского поэта Маршака. Помнишь, как старик и мальчик поехали на осле?.. Как без конца пересаживались, помнишь? Так вот, не надо уподобляться тому старику, свое мнение нужно иметь, а не угождать кому попало. И мы все, и райком тебе доверяем. Так что будь самостоятельным, больше уверенности в себе!

Тут опять дверь открылась и на пороге появилась наша секретарша. И что это она сегодня словно преследует меня!

— Товарищ Кузыев, тут давно вас ожидает какая-то девушка! — и громко захлопнула дверь, словно обозлилась на меня за что-то.

— Девушка? Какая девушка? — спросил Салимджан-ака, точно хотел сказать: «Ого, да тут, я вижу, дела назревают серьезные!»

— Сноха ваша, вроде, припожаловала... — пошутил я, стараясь скрыть смущение.

Девушка, тронувшая мое сердце

В приемной... — во сне это или наяву?! — сидела... Фарида! Та самая Фарида, которая часто снилась мне с целой миской пельменей в руках, Фарида, которая появлялась перед моими глазами каждый раз, когда бабушка начинала приставать с требованиями поскорее жениться! И вот она сама пришла проведать меня!

Ох, Фарида! Как она повзрослела, похорошела, румянец во всю щеку, — в общем, расцвела Фарида, как цветок. Говори же что-нибудь, Хашим, ведь это Фарида! Пришла проведать тебя!

— Хашим-ака, вы меня не узнали?

Какой у нее мягкий, нежный, ласкающий слух голос!

— Узнал, как не узнать, — ответил я. — Просто смотрю на вас так потому, что удивляюсь, почему вы пришли без пельменей...

— Ой, всегда-то вы шутите! — Фарида опустила глаза.

Я провел девушку в свой кабинет, усадил на диван. Сам опустился рядом. Воцарилась неловкая тишина. Странно, никогда я не был таким косноязычным, застенчивым, а теперь

краснел и смущался как красна девица. Я чувствовал, что смущены мои руки, ноги, даже нос. Руки противно дрожали, и я испугался — еще подумает красавица, что я пьющий... Ко всему прочему нос покраснел и стал потным — так обычно бывает, когда я очень волнуюсь. Так бы и взял сейчас нож и отхватил его... А вьющиеся волосы Фарида такие мягкие, шелковистые... И одета со вкусом: голубой джемпер и юбка под цвет. О, это прекрасная девушка, таких нет нигде, ни в нашем кишлаке, ни во всем мире!.. Да, но надо же, наверное, что-нибудь сказать ей?

— Я... я пришла к вам с просьбой... — Хорошо, Фарида начала разговор сама.

— Что бы вы ни попросили... кхм... — Проклятый кашель!

— Мы готовим праздничную стенгазету... А вы ведь пишете стихи...

— Стихи? Разве?

Вот оно в чем дело! В бытность «сумасшедшим» я и вправду накатал несколько шуточных строчек, чтобы посмешить Фарида, и, следует признаться, прихвастнул малость, что запросто строчу стихи. Кое-что я тогда так и не успел прочитать девушке. Может быть, воспользоваться этим сейчас?

— У меня как раз есть одно стихотворение, посвященное вашей благородной работе. Послушайте, может, подойдет?

В вашей больнице, подобно Меджнуну, напрасно лечился,
В медперсонал я, подобно Меджнуну, безумно влюбился.

Фарида звонко засмеялась.

— Об-бо, Хашим-ака, вам бы не в милиции, а в цирке работать.

Польщенный, что мое скромное творение понравилось, я тоже хохотнул.

— После свадьбы непременно перейду в цирк.

При этих словах взгляды наши встретились и, честное слово, произошло какое-то электрическое явление. Во всяком случае, искры были; и нам опять стало неловко. Так мы просидели еще немного, уже не глядя друг на друга, чтобы снова не вызвать короткого замыкания.

— Пойду я, Хашим-ака... — сказала Фарида, еле заметно вздохнув.

— Я вас провожу, — вскочил я с готовностью, хотя вовсе не желал, чтобы она так скоро ушла.

Прошли коридор, вышли на улицу. Мой несчастный язык опять отключился начисто. А встречные только и знали, что пялили на нас глаза да острили каждый по-своему:

— А-а, красавица, попала в руки милиции!

— Товарищ младший лейтенант, эта девушка — грабительница, вчера она выщипала в нашем саду целый пучок усьмы!

— Не переживай, девчонка, так и быть сообщу твоим родителям, куда ты попала.

— Ай-яй-яй, говорили ведь тебе, милочка, не носи короткие юбки — худо будет. Вот тебе результат — в милицию попала.

В другое время я бы достойно ответил на эти шуточки, но теперь я был по-прежнему нем, застенчивость заковала меня в железные латы. Ко всему, я почему-то еще то и дело оглядывался назад, будто боялся погони.

Как известно, всему приходит конец: мы приблизились к дому Фарида. Она, оказывается, живет совсем недалеко — в самом начале нашей улицы. Отец ее работает директором мелькомбината.

Обратно я не шел, а летел. Хотелось петь, плясать, обнимать, целовать прохожих. Впереди меня катился малыш, слегка отставший от матери. Я подбросил его высоко в воздух и

расцеловал.

— Ты понимаешь, братишка, я сегодня видел Фариду!

Но где ему понять!..

В райотделе творилось нечто невообразимое. Кто-то куда-то несся, сломя голову, надрывались телефоны. Дорогу мне загородила секретарша.

— Товарищ Кузыев, — сказала она, — Адыл Аббасов бежал из тюрьмы.

— Вот и хорошо! — воскликнул я, не в силах вникнуть в суть этого сообщения.

— Да вы в своем уме?! Я говорю, бежал главарь шайки Адыл Аббасов!

— Можете меня поздравить, — протянул я руку Лиляхон.

— Вы его поймали?

— Фариды сегодня приходила ко мне!

Секретарша несколько минут молча смотрела на меня, потом, бросив: «Не зря, видно, он попал в сумасшедший дом!» — повернулась и ушла. Я смотрел ей вслед и все еще бессмысленно и радостно улыбался, как пьяный. Да, я в самом деле был пьян. Пьян от любви.

Совещание мечтателей

Дознание по делу шайки Адыла Аббасова вел майор Халиков. Он прославился на всю область тем, что с давних пор вел самые запутанные, сложные дела, играючи справлялся с самыми отъявленными рецидивистами, слыл справедливым и твердым. Про него говорили так: «Лучше в руки Халикова не попадать, а коли попал, то знай, что все равно вину признаешь.» И вот Адыл-баттал, при всем при этом, как видите, сумел выскользнуть из его рук.

Вот как все произошло. Халиков вел допрос Аббасова, своими каверзными, глубоко продуманными вопросами загнал преступника в угол — тому оставалось лишь «расколоться». Вдруг открылась дверь и кто-то позвал Халикова к телефону: «Товарищ майор, вам звонят из райисполкома». «Пусть перезвонят сюда», — ответил майор. «Я так и сказал, а на меня наорали. Идите разберитесь сами». Следователю пришлось запереть Аббасова в кабинете и идти к телефону. Здесь он безтолку проговорил минут десять с каким-то типом, который под конец крикнул: «Если вы не выполните плана по сдаче шерсти, будете отвечать головой!» и повесил трубку. После этого нелепого разговора Халиков тотчас позвонил секретарю председателя райисполкома и спросил, кем работает у них Равшанов. «Такой человек у нас вообще не работает!» — был ответ. Сердце Халикова сжалось в предчувствии беды, и он кинулся в кабинет. А беда, действительно, произошла. Преступник ушел через окно, оставив на столе следователя записку: «Бог даст, тебя с Атаджановым вместе сам провожу в могилу».

Тотчас на ноги была поднята вся милиция, по республике объявлен розыск преступника, разосланы фотографии...

Сегодня в десять утра должно было состояться совещание по обсуждению и утверждению месячного и квартального планов нашего райотдела. Объявление, вывешенное в коридоре, предупреждало об этом вот уже три дня; но я думал, что ввиду чрезвычайных обстоятельств его отменят. Нет, люди начали собираться, и объявление продолжало висеть. Вид у нас у всех был неважный. И понятно: каждый считал себя в какой-то мере виновным в случившемся. Разговаривали между собой шепотом, в основном, конечно, об Адыле Аббасове.

— Да-а, не зря, оказывается, прозвали его Адылом-хитрецом.

— Я с самого начала предчувствовал нехорошее...

— Выходит, не всех взяли, у него есть еще сообщники на воле?

— Возможно, возможно...

— Но надо отдать им должное: лихо отработали план побега!

— Ничего, все равно попадется.

— Придется товарищу Кузыеву еще раз показать себя.

— Во всяком случае, это большое пятно на нашей совести.

— Не причастен ли к побегу сам Халиков?

— Вы в своем уме? Халиков — кристально чистый человек. Пистолет приставь к виску — на такое не пойдет.

— Вы правы, мне очень жаль его...

— Как бы не отстранили от работы...

Такие разговоры шли между двадцатью шестью работниками милиции, и каждый из них нет-нет да кидал украдкой взгляд на виновника ЧП — майора Халикова. Он сидел в сторонке, обхватив обеими руками голову, не поднимая глаз. Мне было очень жаль его, хотел подойти и сказать: «Не переживайте, я вам помогу выпутаться из этой истории. Если хотите, сегодня же поймаем его». Но вспомнил, как он недавно обозвал меня бессовестным, и молча отвернулся. Подойдешь с добром, еще какую-нибудь резкость скажет.

Совещание открыла Каромат Хашимова. Выбрали в президиум Салимджана-ака, Хашимову, участкового Сурата-ака и командира пожарников Самада-ака Кадырова, человека веселого, добродушного и настолько влюбленного в свое дело, что готов говорить о правилах пожарной безопасности с утра до вечера.

Сурата-ака назначили председателем. Утвердив повестку дня, он предоставил слово капитану Хашимовой. Наша Каромат-опа, по-моему, очень соскучилась по такому большому собранию, как сегодняшнее: она по привычке начала свою речь не спеша, издали, примерно с тех времен, когда не было на свете ни меня, ни моего папы. Однако быстро спохватилась и перешла к делу; а дело-то, оказывается, было важнее важного. Я думал, она будет говорить только о ЧП, но наш умница-парторг поставила вопрос куда шире.

— Мы еще зачастую сторонимся помощи широкой общественности; думаем, коли допустим к делу общественников, они могут все дело нам испортить. В итоге сами же остаемся в накладе, — сказала Каромат-опа. — Планы составлены из рук вон плохо. Мы мало обращаем внимания на воспитательно-профилактическую работу среди населения, не принимаем никаких мер в отношении пропаганды основ законодательства, чтобы пресечь на корню возможные преступления. В общем, товарищи, я хочу сказать, мы слишком высокого мнения о себе, о своих возможностях, тогда как сами оторваны от общественности, лишены своих главных помощников. В общем, товарищи, мы плохо выполняем указания партии и правительства о коренной перестройке своей работы...

Каромат-опа отпила из стакана воды, откашлялась и вдруг... начала критиковать меня!

— Вот, например, возьмем отдел БХСС! Мы возлагали большие надежды на товарища Кузыева, назначая его начальником отдела. Но представленный им план заставил меня призадуматься. Это нечто такое... воздушное, призрачное, что ли, далекое от жизни. В районе у нас для отдела товарища Кузыева предостаточно работы, а он решил еще подзаняться объектами соседнего района: кунжутным заводом, кондитерской фабрикой, трикотажной фирмой. Но ведь всем же известно, товарищи, что эти предприятия — не наши объекты!

В зале, несмотря на общее подавленное настроение, поднялся смех. И громче всех, как мне показалось, смеялся Халиков. Сам я, конечно, выглядел довольно глупо. Опять оплошал... Как было дело? А вот как. Сколько вчера ни бился над этими планами, так ничего путного и не придумал. Обратиться к полковнику, честно, как-то постеснялся. Да и занят был он очень. Тогда я раздобыл план завотделом БХСС соседнего района Машраба-ака Назарова и списал себе кое-что. Надо бы изменить названия предприятий, да выскочило из головы... И вот — результат.

— Товарищ Кузыев, почему вы составили такой план? — прямо обратилась ко мне Хашимова. Я поднялся с места. Все обернулись ко мне. Кто-то смеялся, точно радуясь моему промаху, кто-то качал головой, будто сожалея. Что делать? Признаться во всем или попытаться как-нибудь отвертеться? Хотя, по опыту знаю, в такой момент признаешься — все равно плохо, не признаешься, «уважительную причину» сочинишь — к чему-нибудь другому прицепятся.

— Гм... Мы собирались провести взаимопроверочные мероприятия с товарищем Назаровым, — сказал я как можно туманнее.

Зал опять грохнул смехом. Мне ничего другого не оставалось, как самому тоже засмеяться.

— Что же вы не научили своего ученика хотя бы планы составлять? — выкрикнул с места Халиков ядовитым тоном. Салимджан-ака хотел что-то ответить, потом, видно, раздумал и промолчал.

Однако не прошло и пяти минут, как пришла моя очередь смеяться вместе с другими над Халиковым. Я-то не знал, как составляются эти бумаги, потому, как новичок в школе, сдул у другого; а майор все ведь знает, а сдул сам у себя. Когда капитан Хашимова сравнила его планы за пять лет, зал хохотал, точно в цирке. Халиков оказался в этом деле даже ленивее меня; я-то труд положил, пока раздобыл чужой план, а он лишь менял месяцы и кварталы, а все остальное — копировал. От стыда Халиков спрятал лицо между ладонями.

Каромат-опа доложила, что, в целях широкого привлечения представителей общественности к работе милиции, полковником Атаджановым и ею составлена анкета.

— Я бы попросила председателя собрания ознакомить присутствующих с анкетой.

Каромат-опа села. Сурат-ака начал читать анкету нараспев, как собственные стихи, с чувством и толком.

Анкета

1. Ф. И. О.
2. Специальность.
3. Место работы.
4. Возраст.
5. Образование.
6. Довольны ли Вы работой районного отделения милиции?
7. Какие, по-вашему, следует принять меры в целях улучшения работы органов милиции?
8. Какую помощь Вы хотели бы оказать милиции в искоренении преступности и случаев нарушения общественного порядка?
9. Кто, Вы считаете, сможет оказывать действенную поддержку милиции на общественных началах?
10. Какие, по Вашему мнению, следует принять меры для устранения недостатков, встречающихся в сети торговли и общественного питания?

Ну и так далее. Сейчас я устал, поэтому решил не перечислять до конца все вопросы анкеты; постараюсь восполнить этот пробел в будущем, при случае. Однако хочу подчеркнуть: анкета послужила причиной резкой стычки между Халиковым и Салимджаном-ака. Майор попросил слова, вышел на трибуну и бросил следующее обвинение:

— Вот тут предлагали обсудить нашу работу среди широких масс народа. Удивляюсь! Такое может предложить только безответственная личность. Уверен, что эту мысль подсказал товарищ Атаджанов! Мы — карательный орган и только мы имеем право...

— ...Сидеть и восхвалять самих себя: ох, какие мы хорошие, ах, какие мы доблестные?! —

перебил его Салимджан-ака. — Народ — отдельно, мы — отдельно, так, что ли? Но для кого же мы ночей не спим?

— Оно и видно! — крикнул Халиков. — Нет чтобы работать, засучив рукава, а вы затеваете бумажную волынку!

— Все это делается в полной согласованности с партийными органами, — спокойно ответил полковник вместо того, чтобы грохнуть кулаком по столу и сказать крепкое словцо. Он только добавил: — До чего ж ты ядовит стал, Халиков, просто диву даюсь...

Майор, по-видимому, решил, что Атаджанов спасовал перед ним. Он выпил стакан воды и начал ораторствовать, рубя воздух рукой.

— Народ — это значит масса разных людей; как им можно доверять?! Враги, конечно, постараются воспользоваться возможностью очернить нас с помощью нашей же анкеты. А иные подонки постараются влезть в наши ряды под видом помощников и развалить работу. Милиция — это святая святых, не каждый имеет право входить в нее.

Халиков хотел налить себе воды, но графин оказался пуст. Тогда майор махнул рукой, сошел с трибуны и направился к своему месту, размахивая графином, который прихватил с собой по рассеянности.

— Надо кончать с бесконечными собраниями, всякими там анкетами и переходить к практическим делам! — выкрикнул он по пути.

На трибуну вышел начальник пожарной команды Самад-ака Кадыров. Не зная, с чего начать, он вынул из кармана огромный носовой платок, вытер толстую шею, красное добродушное лицо. Потом покачал головой, широко улыбнулся.

— Друзья, — начал он наконец, — вот вы меня знаете: вид у меня, точно вчера приехал с курорта. Я здоров, в меру упитан, как говорит герой одного мультфильма, весел, бодр. И все почему? Потому, что я и мои ребята почти ничего не делаем. (Смех в зале.) Верно, верно, пока мы примчимся на пожар, народ, глядишь, уже потушил его. Ибо что ни махалля, что ни дом — везде нами организованы добровольные пожарные дружины. Вот что значит — народ. А кто с народом, тот всегда бодр, весел и здоров. Да-а, братцы, великая это сила — народ, он может и поджечь, и потушить. Нельзя не направлять, не пользоваться этой силой, товарищи, это просто грешно... Вот тогда, товарищ Халиков, быть может, и ты бы малость поправился, на человека стал похож. Ты погляди на себя: бледно-желтый, как цветок, выросший в горшке. Поменьше яда, разгладь складки на лбу, постарайся опереться на людей! Вот тогда и плова будешь уничтожать целые блюда, и для шахмат время найдется. (Аплодисменты)... Товарищи, вот мое предложение: эту анкету следует как можно быстрее распространить среди населения. И еще одно я хочу сказать. Это уже моя жалоба, так сказать. Недавно мы проводили состязания среди добровольных пожарных дружин района. Товарищ Хашимова, где обещанные вами призы победителям? Или прикажете мне раздарить вместо них наши пожарные машины?!

Не ошибусь, если скажу, что на этом собрании все аплодисменты достались Самаду-ака. Сходя с трибуны, он раскланялся, точно артист эстрады, потом крикнул Халикову:

— Послушай, дружище, разгладь морщины и улыбнись малость, ведь никто тут не украл у тебя сноп клевера!

Собрание длилось до трех часов дня. Докладчики один за другим поднимались на трибуну, и каждый второй опровергал первого, в общем, бой был — аж перья летели. Когда осушили семь графинов воды, решили ставить вопрос на голосование. За распространение анкеты проголосовали девятнадцать человек, против — семь. Халиков стал сине-зеленым, как помидор после первых заморозков.

Одиннадцать тысяч помощников

Таким образом, дело закипело вовсю. На тридцать тысяч анкет мы получили четырнадцать тысяч ответов и письма продолжают поступать по триста-четырееста штук в день. Читать их, раскладывать по содержанию в разные ящики поручили шести учителям, изъявившим желание помогать нам. Специально изготовили тринадцать ящиков с надписями: «Предложения», «Критика», «Благодарности», «Жалобы» и так далее.

Поступили письма от продавцов и работников общепита с благодарностями милиции. Некий директор склада стройматериалов прислал любовное стихотворение, посвященное начальнику милиции и завотделом БХСС; правда, в конце он сделал приписку, в которой просил сократить число проверок и ревизий. Все продавцы двадцать четвертого мясного магазина поклялись записаться в дружинники. В конце письма они предлагали ввести в торговлю мясом новшество: не делить говядину и баранину на сорта, а продавать гуртом. Видать, они это «рацпредложение» давно внедрили и хотели, чтобы мы выдали патент на это их «изобретение». Еще они просили провести среди покупателей разъяснительную работу, убедить, что мясо в этом году уродилось очень костистое и жилистое. Воспитательница детского сада предложила упечь в тюрьму каждого выпивающего мужчину. Один гражданин клятвенно обещал никогда не нарушать общественного порядка, если мы сумеем немножко укоротить язык его жене.

Среди таких нелепых корреспонденции попадалось и много деловых, очень даже серьезных. Например, рабочие вагоноремонтного депо писали: «Мы совершенно недовольны методами борьбы с пьянством и алкоголизмом. Какой толк в том, что вы привозите пьянгчугу, валяющегося в грязи, подобно свинье, в вытрезвитель, отмываете под душем, укладываете в чистую постель, как дорогого гостя?! Да мы и сами виноваты — у себя на работе не прищемляем их как следует. Таких людей надо сажать на осла задом наперед, обвешать пустыми бутылками и, пригнав на самую многолюдную городскую площадь, позорить всенародно...» Работницы шелкоткацкой артели предложили избирать дружинников на общих собраниях предприятий, в махаллинских советах на определенный срок и регулярно заслушивать их отчеты.

Поток таких хороших и подобных им писем не убывал, а увеличивался. Зря я, кажется, беспокоился, что Салимджан-ака стареет, сдает понемногу. Силам и энергии его мог позавидовать любой молодой человек. Бывало, он работал по пятнадцать-шестнадцать часов в сутки. Целыми днями знакомился с почтой, распределял корреспонденции по отделам, выспрашивал мнения сотрудников, а Лиляхон заставил вести в особой книге запись самых ценных предложений. Дней десять вообще не являлся домой, спал на диване в своем кабинете, ужинал и завтракал с дежурными, массу дел провернул. Например, при шести отделах управления было создано двадцать четыре общественных отдела; кандидатуры их руководителей утвердил райисполком. Начали работать группы активистов по борьбе с нарушителями порядка в общественных местах, автоинспекции, группы по выявлению малолетних правонарушителей и воспитанию подростков, ломающих телефоны-автоматы, автоматы газированной воды...

Лиляхон поймала меня в коридоре и сказала, что Салимджан-ака просил зайти к нему. Я поспешил в кабинет. Полковник по-прежнему сидел за письмами, кое-какие строки подчеркивал красным карандашом.

— А, Хашимджан, заходи, заходи. Как твои дела? — поднял он голову.

— Плохи дела, — отозвался я, садясь на диван.

— Плохи? Чем же они плохи?

Я был обижен на полковника за вчерашнее. Он забраковал учетный листок Муслима-бобо, которого я решил назначить внештатным завотделом БХСС, велел переделать его.

— Плохи потому, что вы не утвердили заведомо человека, которого я считаю вполне достойным.

Салимджан-ака откинулся на спинку кресла, поглядел на меня прищуренными глазами.

— Старик этот, несомненно, честный и замечательный. Но ведь не только в этом дело. Внештатный руководитель ОБХСС прежде всего должен иметь знания, быть юристом. А Муслим-бобо — человек, как ты понимаешь, далекий от юриспруденции... Лучше ознакомься вот с этим письмом, чем без толку дуться на меня.

Это оказалась анкета, заполненная неким Мамаразыком Мамараимовым, желающим помогать работе ОБХСС. Он сообщал, что ему пятьдесят восемь лет, участник Великой Отечественной войны, лишился обеих ног в боях под самым Берлином, затем проработал в областном управлении милиции двадцать восемь лет, ныне находится на пенсии. Салимджан-ака хорошо знал его. Как начал расхваливать, так не мог остановиться. По его словам, этот человек в свое время окончил Московский юридический институт с отличием, может вести судебные заседания на пяти языках, частенько участвовал в разных совещаниях и симпозиумах, удивляя красноречием и логикой прославленных юристов и криминалистов. Если я поработаю с ним год или два, — о лучшей школе и мечтать нечего.

— Иди возьми машину и привези сюда этого человека, — приказал полковник.

Я послушно вытянулся, но все же попытался возразить :

— Однако жалко, что он безногий... А если нам придется с заданием куда выезжать, прикажете на руках его нести?

— В милиции важнее иметь толковую голову, чем быстрые ноги! — рассердился Салимджан-ака. — Не рассуждай много, отправляйся!

Пенсионера нашего я насилу отыскал: он жил за городом. Едва я объяснил, зачем приехал, он вдруг спросил:

— Машхурды хотите?

— С удовольствием. А если у вас еще найдется и немного творога...

Я, видно, здорово проголодался, пока разыскивал Мамаразыка-ака, — умял две порции.

— Если не ошибаюсь, вы лейтенант Кузыев? — спросил пенсионер, когда мы тронулись.

— Да, а как вы узнали? — поразился я.

— Очень просто. Не отказываетесь от еды, — улыбнулся мой спутник. — Мне вас именно таким и описали.

— Правильно описали. Люблю поесть, — согласился я.

— Признаться, сынок, я давно хотел познакомиться с вами.

— Не может быть... — смутился я.

— Да, да, после того, как вы взяли группу Адыла Аббасова.

— Правда?

— Еще бы, вы показали немалую сообразительность и храбрость, Хашимджан. Но и это дело ваше не менее важно.

— Какое дело?

— Да это самое — широкое привлечение общественности к работе милиции.

— Не я это придумал, а Салимджан-ака.

— Нет, сынок, это время придумало.

— Некоторые сомневаются, говорят, ничего не получится.

— Они еще поймут, что ошибались.

Война хапугам!

Атаджанов и Мамаразык-ака долго сидели на диване, пили чай и предавались воспоминаниям: о том, кто из общих знакомых умер, кто еще жив; что некий Романовский, с которым они двадцать лет назад занимались в одном семинаре, нынче работает в Тамбове, а Пальмин, отлично владеющий узбекским языком, ушел из милиции и служит теперь в областной прокуратуре. В конце концов Салимджан-ака перешел к делу.

— Разык, ты должен помочь Хашиму: научишь его работать, опыт свой передашь, а коли нужно будет, можешь закрыть кабинет изнутри и отстегать его ремнем по мягкому месту. С сегодняшнего дня ты — внештатный руководитель отдела БХСС. Сейчас поедешь в райисполком на утверждение. Тебя ждет товарищ Умаров...

Мамаразык-ака недолго пробыл в кабинете председателя: через считанные минуты вышел обратно, чем, признаться, слегка озадачил меня. А вдруг не утвердили его? Вот будет дело, если лишусь такого опытного помощника! Умаров ведь мог спровадить пенсионера, дескать, надоели мне эти общественники хуже горькой редьки!

— Не утвердили?

Мамаразык-ака улыбнулся.

— Утвердил, обнял и пожелал успехов. — Проскрипел протезами к машине, протиснулся в кабину, добавил не без гордости:

— Умаров меня хорошо знает и помнит.

Вернувшись в райотдел, он прошел за стол, который ему выделили, прочно уселся на стуле, будто проверяя, долго ли он сможет его выдержать, потом неожиданно заговорил таким сухим официальным тоном, что я удивленно вскинулся.

— Товарищ Кузыев, у меня есть к вам три просьбы.

— Я вас слушаю, товарищ Мамараимов, — в тон ему ответил я.

— Первая моя просьба заключается в том, товарищ Кузыев, что я сам хотел бы подобрать добровольцев, которые войдут в мой отдел.

— Это можно. Только я должен утвердить ваш список.

— Конечно. Без этого никак невозможно, товарищ Кузыев.

— Так, а в чем заключается ваша вторая просьба, товарищ Мамараимов?

— Вторая моя просьба заключается в том, товарищ Кузыев, что я хотел бы ознакомиться со всеми жалобами, которые попали в отдел в течение пяти лет. Мне бы хотелось детально ознакомиться с ними.

— Вот и прекрасно! — воскликнул я, не в силах более выносить этого официального языка.

— Третья моя просьба, товарищ Кузыев: мне хотелось бы получить список всех предприятий района.

— Товарищ Мамараимов, будет исполнена и эта ваша просьба.

— Ну вот и прекрасно! — официальности Мамаразыка-ака как не бывало. — Простите за мой бюрократический тон: я просто хотел проверить, сработаемся ли мы с вами.

Ну конечно, сработаемся!..

Контрольно-ревизионное управление проводило недавно ревизию в техучилище, обнаружило крупную недостачу. Только я потянулся к телефону затребовать акты ревизии, как дверь открылась и в комнату вошла своей танцующей походкой Лиляхон.

— Товарищ Кузыев, вам письмо! — Она метнула конверт на стол, плюхнулась на диван, заложила ногу на ногу. Да, поведение этой девушки здорово изменилось с того самого дня, как ко мне приходила Фарида. Она будто следит за каждым моим шагом, по поводу и без повода врывается в кабинет, при этом ведет себя довольно странно... Вот как сейчас, например. Небрежно облокотилась на валик дивана, обмахивается какими-то бумагами, узкая юбка достигла опасной высоты...

На конверте было выведено неуверенным почерком: «Передать лично полковнику Атаджанову или младшему лейтенанту Кузыеву». Вскрыв письмо, я углубился было в чтение, но Лиля тут же прервала меня:

— О чем она пишет?

— «Она» пишет, что в магазин привезли перламутровую губную помаду.

— Все шутки шутите, — кокетливо улыбнулась Лиляхон. — А еще какие новости?

— С мая месяца ожидается повышение цен на карандаши «Живопись», которыми женщины подрисовывают глаза.

— Правда? — округлила глаза Лиля. На этот раз, кажется, она клюнула. Спросила заинтересованно: — Еще что?

— Еще... еще пишут, что нехорошо портить свое красивее лицо всякими там белилами, красками, карандашами...

Лиля разозлилась, вскочила с места.

— Никогда не видела такого легкомысленного человека! — Хлопнула дверью и ушла.

Это я-то легкомысленный, а не она! Что верно, то верно: жить не могу без шуток. Не люблю чрезмерно серьезных людей. Но письмо, которое я держал в руке, как раз было очень серьезным, и я перечитал его несколько раз.

«Уважаемый Салимджан-ака, дорогой друг Хашимджан! Тысячу раз спасибо вам за то, что доверились мне и прислали свою анкету. Вы спрашиваете у меня, доволен ли я работой милиции? Отвечаю вам от своего имени, от имени престарелого отца, любимой матушки и жены Мубарак: благодарны милиции до конца дней своих. Дорогой Салимджан-ака, вы вырвали меня из лап страшного дракона — Адыла Аббасова и наставили на путь истинный. Вы простили мою вину, по-отечески позаботились обо мне. Матушка моя, женщина верующая, каждый день свою молитву завершает обращением к всевышнему: «Всемогущий создатель, ниспошли заступнику моего сына Салимджану, сыну Атаджана, доброго здоровья, продли его дни, обереги от напастей и козней злых людей!» Отец мой простой, неграмотный человек. Когда я впутался в эти грязные дела, он позабыл, что такое сон и еда. Когда я рассказал ему о нашей с вами встрече, умолял меня: «Сын мой, тебе повстречался святой покровитель бедных и сирых, заблудших и ослепленных, держись за него покрепче!»

Словом, вся наша семья бесконечно благодарна Вам.

Вы спрашиваете меня, какую я могу оказать помощь милиции. Я уже ее оказываю, как умею. Если хотите, могу регулярно сообщать обо всех происшествиях — хороших и неприглядных — в нашей столовой. Но по сравнению с теми точками общепита, которые как-то оказались под влиянием Адыла Аббасова, здесь, можно утверждать, почти нет воровства. Случается, конечно, что кое-кто втайне от директора уносит с собой мяса, там, масла. Но директор наш собрал недавно весь коллектив и заявил, что по всему городу нынче объявлена беспощадная борьба с хулиганами и ворами. И если он заметит, что кто-либо из нас позарился на дармовщину, повырывает всем зубы. И он это может сделать — твердого слова человек.

Дорогой Салимджан-ака, уважаемый Хашимджан! Я человек общительный, вечерами частенько наведываюсь в чайхану, побалакать о том о сем с друзьями. Как вы знаете, чайхана — одна из самых массовых культурных точек, здесь всегда бывает уйма народа. И тут у нас идет такой разговор: все посетители чайханы должны вам помогать. Здесь уже не встретишь любителей напиться. А те самые частные лепешечники, шашлычники, торговки семечками и дефицитными сигаретами, в общем, всякие мелкие спекулянтишки, попрятались по норам. Вот за все это-то и благодарны вам люди. Короче говоря, я хотел бы всячески помогать вам, а вы уж выхлопочите для меня красную книжицу.

Шлю вам пламенный привет, повар рабочей столовой Ураз».

Перечитав письмо, я решил поделиться с полковником радостью по поводу исправления нашего старого знакомца, взял письмо и отправился к Салимджану-ака. В кабинете его не было. Я оставил конверт на столе и вышел в коридор. Время уже перевалило за шесть и я решил последовать совету нашего брандмейстера Самада-ака, из которого вытекало, что излишняя озабоченность делами не на пользу ни делу, ни человеку, — быстренько собрался и помчался встречать Фариду. Авось сегодня повезет, перехвачу ее по дороге и мы наконец объяснимся...

Вот так уважили влюбленного!

Жажда встретить Фариду (заявиться в больницу я все-таки не осмеливался) и на сей раз привела меня к ее дому. Я стал прятаться за толстые стволы чинар, росших перед калиткой. Фариду опять не встретил, зато увидел отца девушки. Видно, и он давно заприметил меня, поэтому, выходя из калитки, стал методически проверять, нахожусь я на своем посту или нет... Пришлось на всякий случай ретироваться.

Я уже отчаялся увидеть Фариду, когда вдруг однажды она сама позвонила мне на работу. Можете себе представить, как я обрадовался.

- Фаридка, это вы? — заорал я что есть мочи.
- Да, я.
- Значит, вы меня не забыли!
- Хашим-ака, я хотела спросить у вас...
- Спрашивайте. Спрашивайте, сколько хотите, Фаридка!
- Только не по телефону.
- Тогда я приеду к вам.
- Встретимся у кинотеатра «Марс».
- Сейчас прилечу.
- Прилетайте, только не в форме.
- Почему?
- Придете, объясню.
- Ладно.

Я опустил трубку и задумался. Это хорошо, что Фаридка захотела повидаться со мной и поговорить. Но почему она потребовала приехать в штатском? Та ли это Фаридка, которая восторженно признавалась, что форма мне очень к лицу? Нет, тут что-то не то... С Фаридкой я не так уж много говорил по телефону, чтобы сразу признать ее голос. А что если опять ловушка? Ведь когда устроили побег Аббасову, то и тогда были какие-то телефонные звонки... Да, возможно, здесь есть какая-то тайна. Во всяком случае, дело нечисто... Идти без формы — это то же самое, что идти без оружия. Достойно ли пасть бесполезной жертвой, когда во всем городе идет настоящая битва между правдой и кривдой, честностью и воровством? Нет, не выйдет! Хашимджан не раззява какой-нибудь, водить себя за нос никому не позволит, ведь не зря же назначили его районным главой ОБХСС! На встречу я, конечно, поеду, только в форме и при оружии!

Я вызвал дежурную машину и помчался к кинотеатру «Марс». Фаридка стояла в очереди у билетных касс. Она была бледна, чем-то озабочена, а может, и напугана: часто оглядывалась, нервно открывала и закрывала сумочку.

- Почему вы приехали в форме? — был первый ее, вопрос.
- Я... просто... я не успел... переодеться, — нашелся я.

— Не приближайтесь ко мне, — прошептала девушка чуть не плача. — Нас заметят...

— Заметят... Кто заметит?

— Заметят — всему конец!..

За кинотеатром густо росли деревья. Прошли туда, держась друг от друга подальше.

— Вы не приходили к нам? — продолжала Фарида свой допрос на ходу.

— Как не приходил?! Еще как приходил. Такую площадку вытоптал за чинарами перед вашей калиткой, что вертолет может садиться. Подумывал с раскладушкой заявиться...

— Ах, так это были вы... вы!

— Ну конечно, я!

Несчастный я влюбленный! Опять испортил все дело. Отец Фарида, оказывается, засек меня в первый же мой визит вечером, а мать — с утра, так что старики переполошились не на шутку. Вот какой произошел между ними разговор.

О т е ц. Мать, что-то, видно, случилось: этот милиционер следит за нашим домом.

М а т ь. Я его заметила еще утром.

О т е ц. На нас, наверное, возвели какой-нибудь поклеп, вот он и старается, ищет улики.

М а т ь. Уверена, это дело рук Хакима-пекаря...

О т е ц. Точно. У самого рыльце в муке...

М а т ь. Помните, в прошлом году за домом Хакима-завмага тоже так же следила милиция, а потом в один прекрасный день нагрянули с обыском и добра увезли на трех грузовиках. (Рыдания.)

О т е ц. Ну, ну, не плачь. Ворованного у нас дома нет. Все нажито честным трудом. Но сидеть, ждать, когда они нагрянут, тоже не имеет смысла...

Короче говоря, в течение дня они вынесли к соседям все мало-мальски стоящее барахло, оставили дома разве лишь зубные щетки и мыльницу. Отец сейчас носится по городу, пытаясь перевести свою машину на чужое имя. Все это порядком развеселило меня.

— Пусть мой -будущий тесть переводит машину на мое имя, ведь так и так мне на ней ездить! — засмеялся я.

Фарида, однако, не разделяла моего оптимизма.

— Не дай бог, отец узнает... — заплакала она, затем сорвалась с места, побежала и крикнула мне, даже не обернувшись: — Забудьте мое имя и шагу не делайте в нашу махаллю!

В паршивейшем настроении я вернулся в отделение. Сел за стол, обхватил голову руками и погрузился в мрачные размышления о капризах судьбы. Тут же вспомнился бедняга Закир, перенесший столько мук и страданий ради своей любви.

— Хватит вздыхать, она ведь осталась жива, — раздался вдруг спокойный голос Сурата-ака. Занятый своими мыслями, я и не заметил, как он вошел в комнату.

— А? Кто осталась жива? — вздрогнул я. — О ком вы говорите?

— Да о Шарифе той самой!

— О какой Шарифе?

— Вы разве ничего не слышали?

— Нет.

— Шарифа, которую вы тогда спасли от смерти, сегодня тяжело ранена ножом!

— Что вы говорите?! — вскочил я с места.

— За ней, видно, давно охотились. Удар нанесен сзади, в область сердца, острым колющим предметом. Скорее всего, финкой...

Сурат-ака еще о чем-то говорил, но я ничего не слышал.

Разговор в гробнице

Немало неприятностей принесло нашему отделению бегство Адыла-баттала. Городское управление милиции выразило недоверие Халикову, взяло дознание по делу группы Аббасова в свои руки. Если добавить ко всему этому покушение на убийство Шарифы, попросту говоря, дальше ехать было некуда.

Шарифа Усманова с нашей помощью устроилась работать на чулочной фабрике, получила комнатку в общежитии и старалась наладить честную жизнь. И вот теперь это происшествие. Одни говорили, что покушение — дело рук Аббасова, другие утверждали, что это могли сделать и старые ее дружки. Во всяком случае, Шарифа лежала в больнице в бессознательном состоянии, помочь следствию пока не могла. Несмотря на это, убийц разыскивал весь город: милиция, дружинники, даже товарищи Шарифы по общежитию, но пока что безрезультатно.

Мне было жаль ее. Перед глазами так и стояла картина: перепуганная насмерть, взлохмаченная женщина прижимает к груди малыша, рыдает и твердит, будто заклинает: «Буду жить, как все люди! Буду жить, как все люди!»

— Ох, шапочка моя, опять я нуждаюсь в твоей помощи, — молвил я, вспомнив свою давнюю подругу.

— Я всегда к твоим услугам, Хашимджан, — ответствовала она.

— Я должен наконец найти Адыла-подлеца.

— Что ж, надевай меня — и за дело!

— Слушаюсь, моя советчица! — Я разгладил складки на шапочке, образовавшиеся от долгого лежания, поцеловал ее кисточку, надел.

— Ну, веди меня, дорогая.

— Гони к мечети, Хашимджан.

— Ты что, помолиться хочешь?

— Повидаемся с Адылом-батталом.

Для начала я заглянул в стеклянный павильон с вывеской «Манты», подсел прямо к печи, обжигаясь, съел штук десять пахучих манты; потом перешел в чайхану на противоположной стороне улицы, осушил целый чайник зеленого чая. Вечерело. Я поднялся и отправился в мечеть Ходжа Ахрару Вали. Как раз кончилась вечерняя молитва и десятка два старцев расходились по домам, помогая друг другу переходить через дорогу. Они обсуждали достоинства и недостатки молодого муллы, прибывшего из Бухары прочесть проповедь.

— Мы на месте, — объявил я шапочке, кивнув в сторону темнеющей громады мечети.

— Терпение, мой друг, терпение.

Ушел последний молящийся, всячески понося человека, по ошибке или нарочно надевшего его новенькие галоши. Здоровенный хмурый дядька пожилых уже лет — хромой на одну ногу, без одного уха и одет в белый яхтак — запер изнутри массивные ворота мечети. Затем замер на некоторое время, прислушиваясь, убедился, что все разошлись, и прихрамывая, но беззвучно направился к гробнице. Я кое-что знал об этом человеке. Его звали Могильщиком Суфи. Он появился здесь еще задолго до моего рождения. Поначалу работал могильщиком, потом, так сказать, получил повышение: стал суфи. Сейчас он выполнял сразу обе свои обязанности.

Могильщик открыл дверь гробницы, прошептал: «Бисмилляху рахману рахим» и осторожно шагнул внутрь. Засветив свечу, занавесил дверь гробницы. Пахло затхлым запахом могилы. В центре помещения стоял новенький гроб, чуть в глубине, у стены — два гроба, один на другом, причем верхний был перевернут и закрывал нижний. Могильщик снял верхний гроб. Из нияшего стала медленно подниматься голова... мертвеца. Я вздрогнул. Чуть отступив назад, все-таки еще раз взглянул на гроб: из него вылезал, охая и ахая, не мертвец... а мой дорогой «несчастный» Адыл-баттал! Да, да, он самый, широколобый, похожий на жабу,

изготовившуюся к прыжку, Желтый Див! Сердце застучало сильнее, ладони вспотели от волнения.

— А, Могильщик, явился? — спросил Аббасов, широко зевнув.

— Как вам отдохнулось, мой благодетель? — Могильщик протянул Аббасову сверток, который держал в руке.

— Погаси свечку!

— Я занавесил дверь, бог даст...

— Погаси, говорят тебе!

Вы только полюбуйтесь на этого «покойничка!» Спит в гробу, скрывается от милиции, а приказывает, что твой шах. Голос властный, взгляд острый, пронизывающий. Обращается с Могильщиком, как со своим рабом.

Свеча погасла, в гробнице стало темно... точно в гробнице. Хорошо, что со мной моя верная подруга — волшебная шапочка, а то не знаю, как бы я себя чувствовал.

— В свертке самса... — пролепетал Могильщик.

— Болван, не мог найти ничего другого. Самса, самса, — каждый день самса! — рявкнул Адыл-баттал. Затем начал есть, чавкая, хлюпая носом; изредка прихлебывал чай прямо из термоса. Адыл-наглец при каждом глотке, видно, открывал и закрывал глаза, в темном углу, где он сидел, вспыхивали два зловещих огонька.

— Рассказывай! — приказал он наконец.

— О чем рассказать, мой благодетель?

— Что в городе происходит?

— Слава аллаху, все в порядке... Но Шарифа еще жива, — сообщил с сожалением Могильщик.

— Подохнет... — заверил Адыл-баттал. — Я ударил ее прямо в сердце. Так, что там еще нового?

— Все те же разговоры, благодетель. С ног сбились — вас разыскивают. Бог сохранит, я думаю, не найдут. Улицы наводнены этими... С красными повязками. Хотят порядок навести.

— Шиш им, а не порядок. Ну, а то наше дело как?

— Плохо, мой благодетель! Боюсь вам даже говорить.

— Как, плохо?!

— Сначала я поехал к старшей вашей жене.

— Ну, ну...

— Я сказал ей, что вы больны и надо приютить вас, пока не наберетесь сил. Услышав сию весть, ваша половина, мой благодетель, казалось, сошла с ума — совсем онемела. Потом аллах вернул ей дар речи и она изрекла слова, недостойные ваших ушей. Имея меня супругой, сказала сия женщина, он каждый год брал новую жену, и так длилось тридцать лет. Опозорил меня перед родными и знакомыми, перед всем белым светом. И теперь, значит, когда провинился и скрывается от властей, я опять понадобилась ему? Нет, пусть идет к тем своим женушкам, которых любил и холил... Не сердитесь, мой благодетель, такова вообще эта женская порода. Ведь из-за этого-то и зарезал ваш раб несчастный свою жену и дочку. Тысячу благодарностей аллаху, что тогда вы повстречались мне и спасли от неминуемого расстрела... Да, черную неблагодарность проявила ваша половина, велела и носа не казать.

— О, ведьма, неужто так и сказала? — Мне показалось впотьмах, что Адыл-убийца вскочил на ноги.

— Именно так, благодетель.

— И ты не зарезал ее, как барана?

— Нет, мой благодетель, не зарезал. Я ведь поклялся, что никогда не возьму в руки нож.

— Ну, а что потом?

— Потом, мой благодетель, точно так, как вы велели, отыскал вашу другую, самую младшую жену. Особняк, который вы построили для нее, она сдала государству. Там сейчас разместились детский сад, где и работает воспитательницей эта ваша самая молодая половина. Поначалу, увидев ее среди детишек, я ошалел, подумав, что все эти сорок отроков — ваши. Потом, когда суть дела прояснилась, я обратился к женщине так, как вы учили сами: «Доченька, я приехал к вам за пятьсот верст, от вашего супруга. Он болен. Примете ли вы его, если приедет, дадите ли ему приют?» После этого ваша женушка — очень горячая особа, оказывается, побежала к телефону вызывать милицию.

— Гадина!

— Простите, мой благодетель! — испугался Могильщик Суфи.

— Не о тебе речь! Рассказывай побыстрее! — заскрипел зубами Аббасов.

— Слава богу, отговорил я ее кое-как. «Не слушайте нашептыванья шайтана, — сказал я. — Это он мутит ваш разум». Тогда она начала лить слезы, — женщина, сами понимаете, — рвать на себе волосы, бить в грудь. Я, мол, несчастная, такая-сякая. Молодость свою погубила, спутавшись со стариком, а что я могла поделывать, была молода, всего шестнадцати лет пришла официанткой в его столовую — он и заморочил мне голову...

— Дура!

— Простите?..

— Что потом?

— Потом, мой благодетель, перестала плакать и велела мне немедленно исчезнуть. Не то, пригрозила, и вас передам милиции.

— Денег ты у нее не попросил?

— Попросил, мой благодетель, как же! Но неблагодарная женушка ваша заявила, что все ваши грязные деньги сдала в милицию.

— Ложь!

Адыл-хитрец не на шутку рассвирепел, начал метаться по склепу, пиная и опрокидывая все, что ни попадется: гробы, термос; видно, саданул по животу и Могильщика Суфи.

— Я, я это, благодетель мой! — завопил тот, забиваясь в угол.

Адыл Аббасов бушевал в темноте еще минут десять, потом опустился на краешек гроба, перевел дух. Совсем недавно, когда потушили свечу, я не видел ничего. Теперь, то ли глаза привыкли к темноте, то ли нежелание тоже получить тумака, как Могильщик, сделало зрение зорче, но я уже видел все, что происходило в гробнице.

Адыл-негодяй некоторое время молча глядел в угол, потом налил в кружку остатки чая из разбитого термоса, жадно выпил.

— Дай папиросу.

— Я употребляю насвай, мой благодетель.

— Насыпь. — Аббасов протянул Могильщику ладонь, потом отправил насвай под язык и прошепелявил:

— Не обижайся, Могильщик, поголячился я.

— Чего мне обижаться, благодетель мой, из-за одного какого-то пинка, — хихикнул Суфи. — Пинки ваши я снесу с удовольствием. Ведь благодаря вам я живой, не то бы давно расстреляли или сгнил в тюрьме.

— Один у меня велный долг остался, и тот могильщик, — ухмыльнулся Адыл-баттал.

— До самой смерти я ваш верный пес. — Суфи тоже бросил под язык щепотку насвая. — Бог даст, и на том сфете пути вашим лабом.

Потом они разом выплюнули насвай, растерли ногами, вытерли рукавом рот и продолжали

прерванный разговор. Могильщик рассказал, что он побывал также дома у юрисконсульта, которого мы с Аббасовым посетили некогда и который с великой застенчивостью принял от Адыла-лисы золотое кольцо с изумрудным глазком и три мешка муки. Шакир просил в два часа ночи быть на кладбище, в склепе шейха Адыла, только непременно на сей раз принести обещанное, так как он опасается впредь встречаться с «дорогим другом».

— Я... я не смогу передать ему сегодня золото, — пробормотал баттал, как бы размышляя вслух. — Он, конечно, вызволил меня из лап милиции, но коли сейчас отдам ему золотишко, он постарается продать меня. Я этого Шакира хорошо знаю. Он всегда был плохим другом и впредь останется таким же.

Потом Аббасов попросил Могильщика приготовить шурпы, и тот заторопился к выходу.

— Если не найду чего покрепче, вина что ли брать? — словно прочитав мысли «благодетеля», поинтересовался он, откидывая завесу на двери.

— Нет, только коньяк, а если не найдешь, бери тогда водку, — напутствовал его Аббасов.

Живые трупы в склепе шейха

В гробнице, пахнувшей могилой, остались мы вдвоем с Аббасовым. Посидев немного, он нащупал рукой один из гробов, лег в него и задумчиво уставился в потолок.

Ну, а мне как теперь быть? Связать его по рукам и ногам и прямо приволоочь в милицию? Или малость потерпеть? Лучше, конечно, подождать, выявить остальных сообщников, а тогда всех гуртом и пригнать в отделение. В городе идет, как мы надеемся, последняя битва с преступным миром, и неплохо будет, если героем этого боя опять стану и я. Этот негодяй не впустую, конечно, бежал из-под стражи. У него наверняка еще немало припрятано добра.

Появился Могильщик с дымящейся кастрюлей в руках. Из кармана торчало горлышко водочной бутылки.

— Бай-бай-бай, — сказал он, ставя кастрюлю на дно перевернутого гроба, — за поллитра водки пришлось заплатить красную цену хорошего жеребенка!

— Надо было порасспрашивать у ближайших сторожей, — заметил ворчливо Адыл-хитрец, откупоривая бутылку.

— Какое там! Эти дружинники такого страха нагнали на сторожей, что промышляли водкой, просто не говорите, — вздохнул Могильщик. — К которому ни подойду, говорит, эх, братец, прошли те золотые времена... Почти весь город объездил на такси.

— Это дело полковника, его дело! — воскликнул Аббасов, скрежетнув зубами. — Сам не пьет и другим не дает. Бог даст, я его похороню вот в этом гробу!

— Да сбудутся ваши добрые слова, мой благодетель!

Водку разлили в стакан и крышку от разбитого термоса, выпили.

— Аллах ниспошлет свою кару на наших врагов, и настанут времена, когда дела наши пойдут опять на поправку и заживем мы, как бывало, — размечтался Аббасов.

— Да сбудутся ваши слова, аминь!.. Я вот о чем хочу попросить вас, мой благодетель: когда вы опять будете на коне, помогите мне занять место имама в этой мечети.

— Иншалла! — ответил Адыл-баттал. — Я тебе еще немало добра сделаю, Могильщик. — Он несколько раз глотнул прямо из кастрюли. — Только ты, братец, должен мне помочь еще в одном деле.

Могильщик прижал руку к сердцу.

— Готов жизнь положить ради вас.

— Что мне твоя жизнь! Надо убрать полковника. Тогда опять мы сами будем хозяевами в городе.

— Да ниспошлет аллах исполнение ваших желаний! — провел Могильщик руками по физиономии.

— Но ты мне должен помочь.

— Благодетель мой, я поклялся, что никогда в жизни не возьму в руки нож!

— Не бойся, я сам убью его. А ты должен изучить расположение дома Атаджанова: сколько комнат, куда выходят двери, есть ли подвал, в какое время в доме никого не бывает. Вот что мне нужно от тебя. Нападу на него ночью, когда он спит. Если не превращу его в решето, и на том свете не найду успокоения! Но это потом. Сейчас надо выправить паспорт. Вот после этого... Эх, поскорее бы!..

— О создатель! — Могильщик проворно упал на колени, простер руки для молитвы. — Помоги моему благодетелю во всех его начинаниях, аблоху акбар!

— Аминь! — благочестиво провел руками по лицу Аббасов. Потом вынул из кармана часы на золотой цепочке.

— Скоро два. Пора трогаться.

Поверите вы или нет, но я боюсь ходить по кладбищу даже днем, хотя не верю в существование всяких там чертей, ведьм и призраков. Не люблю ходить — вот и все. А тут изволь топтать, хочешь или нет.

Время — далеко за полночь. Все честные люди сладко спят в своих постелях. Стоит жуткая тишина, отчего кладбище становится еще жутче. Лишь изредка где-то за каменными плитами ухаёт филин. Деревья, освещенные луной, бросают на землю причудливые, фантастические рисунки, в которых напряженный взгляд угадывает то фигуру семиголового дракона, то другого какого-нибудь сказочного чудовища. А вон... и настоящие: сидит дюжина мертвецов под огромным деревом, о чем-то совещаются. Все обернуты в саваны, иные беспрестанно кивают головой, другие хлопают в ладоши, высоко подняв руки. А один, длинный-предлинный, вышел в круг и пустился в пляс...

Ужас кипятком обдал меня. Сердце сорвалось и покатило куда-то вниз. Я крепко зажмурился и кошкой вскарабкался на спину Адыла-баттала.

— Товба! — остановился тот, удивленный. — Послушай, Суфи, что-то я вдруг стал вдвое тяжелее, с чего бы это, а?

— Мысли на вас давят, мой благодетель, мысли давят! — философски пояснил Могильщик. — Со мной тоже частенько такое случается.

Мы остановились под тем самым деревом, под которым плясали мертвецы. Открыв глаза, ничего страшного я не обнаружил. Просто меня, оказывается, напугали тени от ветвей, колышущихся под ветром. А звуки аплодисментов создавали несколько сухих веток, ударявшихся друг о друга.

Стоим, оглядываемся. Тишина. Тысячи, десятки тысяч погребенных на этом кладбище тоже покоются на своих местах тихо и смиренно. Беспокойны только живые, а они спят вечным сном. Все заботы у них остались позади, все забыто: недостроенный дом, недополученный долг, забыт даже маленький сын, считающий, что отец уехал в длительную командировку, и при малейшем стуке выбегающий к калитке...

Полная луна заливает все кругом мягким, как шелк, белым, как молоко, светом. Сова то и дело издает глухой печальный крик. И опять глухая тишина. Не спим только мы трое. У каждого своя цель, свои заботы...

Где-то в дальнем конце кладбища вспыхнул и погас свет. Адыл-хитрец тотчас зажег спичку и трижды поднял над головой.

— Могильщик, ты на всякий случай будь начеку, — прошептал он.

— Не беспокойтесь, благодетель.

Мы вдвоем с Аббасовым направились к склепу шейха Адыла. Шагая впереди, баттал вынул пистолет, передернув затвор, положил обратно в карман. «Когда, интересно, он снова обзавелся оружием? — удивился я. — Ведь убежал-то совсем недавно?!»

Остановились возле склепа, небольшого куполообразного строения. Из-за стены неслышно вынырнул Шакир-«юрист». Адыл-хитрец шагнул в низенькую дверцу склепа, за ним — законник и я.

Аббасов зажег свечку — склеп осветился мигающим нервным светом. В углу возвышалась какая-то небольшая кучка, прикрытая истлевшим куском ткани. «Это, наверное, и есть кости бедняги шейха Адыла, а тряпка — бывший саван», — подумалось мне. Здесь, по-видимому, такие свидания происходили и раньше: на полу валялись окурки от папирос «Беломорканал», пустые водочные бутылки. Шакир был смертельно бледен и заметно дрожал — кажется, перетрусил не меньше моего.

— Ах, Адылджан, как я рад, что опять удалось свидеться нам живыми-здоровыми, — проговорил он наконец. Хотел улыбнуться приветливо, но вместо улыбки получился какой-то неживой оскал.

— За это я должен благодарить вас, — тоже оскалился Адыл-негодяй. И так они оба, оскаленные, словно волки, некоторое время смотрели друг на друга.

— Ах, Адылджан! — воскликнул опять законник.

— Ах, Шакирджан! — в тон ему ответил Аббасов.

Из их дальнейшего разговора я установил, что Адыл-баттал еще несколько лет назад в кругу своих приближенных сказал следующее: «Если я когда-нибудь ненароком окажусь в тюрьме и кто-то из вас поможет мне бежать или вызволит любым путем, — тот получит целый килограмм старинного бухарского золота». И вот когда такой момент наступил, Шакир-законник с немалым риском помог своему шефу бежать. И теперь, разумеется, ждал награды.

— Я уверен, Адылджан, что вы все еще помните свое обещание.

— Помню, — сказал, слегка кашлянув, Адыл-хитрец.

— Значит, мои старания не прошли даром.

— Да, я уверен, что не пройдут даром и ваши предстоящие старания.

Шакир сделал вид, что не расслышал.

— Тогда я хотел бы получить золотишко и бежать домой. Право, время уже позднее...

— Я не смогу отдать вам сейчас золото...

И хитрец пустился в длинные извинения перед своим «дорогим другом». Он сказал, что его сокровища хранились в трех местах. Одно, как уже известно, «накрыла» милиция. Два других клада зарыты далеко отсюда, в могилах его предков. Съездить туда он не смог: во-первых, совсем обессилен, а во-вторых, за ним усиленно охотятся. До сих пор кое-как перебивался на горсточку золотишка, которую некогда оставил Могильщику Суфи. Если аллах поможет, на этой неделе он обязательно раскопает хоть один из своих кладов. Но чтобы поехать за ним, непременно нужен паспорт на чужое имя.

— Паспорт я не смогу достать, — неожиданно твердо сказал законник.

— Без паспорта не будет золота, — отрезал Адыл-хитрец. Однако заметив, что настроение Шакира изменилось, поспешно вынул из кармана пять золотых монет, положил перед сообщником.

— За одну такую монету можно купить какой угодно паспорт. — Потом добавил, мягко так и приторно: — Вы же знаете, Шакирджан, я никогда не обманывал друзей.

Законник недолго колебался: взял золотые монеты, попробовал на зуб, проверяя, не поддельные ли, — удовлетворившись, спрятал их в карман. Сразу оживился, бледное лицо покраснелось, и они вернулись к разговору о паспорте. Перебрали несколько вариантов и

наконец порешили, что лучше всего справить паспорт на имя имама этой мечети, скончавшегося лет эдак десять-пятнадцать тому назад. Во-первых, лицом он очень походил на Адыла-негодяя. Во-вторых, не имел ни детей, ни жен, ни родственников. Его, конечно, все позабыли, и с этой стороны не грозят никакие неожиданности. В общем, пять золотых монет сделали беседу приятной, очень теплой и дружеской. Шакир-консультант стал мягким, добродушным и шутливым. Советы — полезные и бесполезные — так и сыпались из его уст.

— Я думаю, вам сейчас куда безопаснее находиться здесь, чем в другом городе. В Америке фальшивомонетчики работали в подвале комитета по борьбе с фальшивомонетчиками.

Адыл-хитрюга рассмеялся.

— Верно, Шакирджан, братец мой, — сказал он. — Мухобойка опасна для мухи, пока она летает, но сядь она на эту мухобойку, и та для нее уже не страшна. Ну, а я скоро переберусь на постоянное жительство в подвал полковника Атаджанова.

Они беззвучно засмеялись, трясая животами, вытирая выступившие на глазах слезы. В заключение договорились встретиться в следующий четверг здесь же, в два часа ночи.

Могильщик тенью выскользнул из-за дерева.

— Все в порядке, мой благодетель?

— Бог даст, все будет в порядке, — ответил Адыл-баттал, притянул к себе Могильщика и что-то зашептал ему на ухо. Суфи тоже отвечал ему шепотом, так что я ничего не мог услышать из их разговора. Потом Могильщик передал «благодетелю» узелок с едой, прикрыл дверь склепа и заколотил вход гвоздями, точно заживо похоронил своего кумира.

Искусство следователя

Когда я проснулся, было одиннадцать часов. Сказалась вчерашняя бессонная ночь. Салимджан-ака, конечно, давно на службе. Во дворе громко кудахтала курица. Она-то и разбудила меня. Я выглянул в окно: соседский мальчишка, тот, на которого не напасешься штанишек, целеустремленно гонялся за разгневанной несущкой.

— Бахрам, ты что делаешь? — поинтересовался я. Мальчик не ответил и, поскольку уже пленил курицу, схватил ее за крылья и направился ко мне.

— Хашим-ака, проверьте пальцем вот тут, нет ли яйца?

— Зачем тебе яйцо?

— Дома уже есть одно. Если будет два яйца, продам и куплю резинку для рогатки.

Я пообещал Бахраму принести резинку, с условием, если он отпустит курицу. Завтракать одному не хотелось, поэтому я купил за углом четыре пирожка с потрохами, которые студенты неблагозвучно прозвали «ухо-горло-нос», и, попутно уничтожая их, добрался до отделения. Я спешил доложить полковнику раздобытые мною вчера сведения, получить указания о дальнейших действиях.

Лиляхон, закинув ногу на ногу, листала журнал мод.

— Салимджан-ака у себя? — спросил я, поздоровавшись с ней.

— Уехал в Ташкент. С парторгом вместе, — ответила она куда-то в пространство.

— В Ташкент? Зачем?

— Там без вашего разрешения затеяли совещание.

— Жаль, мне нужно было посоветоваться с полковником.

— Он оставил вместо себя меня. — Наконец Лиляхон подняла голову, уткнула руки в бока, подделываясь под Салимджана-ака, спросила: — Так, товарищ Кузыев, слушаю вас?

— Сегодня состоится открытие Дома бракосочетаний, — ответил я, тотчас включаясь в

игру. — От нас должны явиться двое, пройти обряд бракосочетания.

— Выходит, придется идти нам вдвоем?

— Нет, по условиям не положено, чтобы и жених и невеста оба были из милиции.

— Почему это не положено?

— Если у них родится мальчик, то будет отчаянным свистуном.

— А если девочка?

— Если девочка... то кроме журнала мод ничего не будет читать.

Лиляхон громко засмеялась, звонко хлопнула ладошкой по голой коленке.

— Ах, Хашим-ака, вам бы конферансье работать...

Да, шутки шутками, но как же быть с Адылом-негодяем? А может, поговорить с Халиковым? Нет, не годится. Сгоряча он тотчас ринется его хватать. Раз повезло, сеть надо закидывать пошире. Ведь в ней пока только Адыл-хитрюга да Шакир-«законник»... А мало ли еще прячется по разным щелям их сообщников?! Они не должны избежать на сей раз правосудия. Так что получается, бегство Адыла-хитреца нам только на руку. Оно поможет нам очистить город от всей остальной нечисти. Как говорит Салимджан-ака, терпение в нашем деле — это половина победы.

Придя к этому выводу, я со спокойной совестью окунулся в повседневные дела, которых, кстати, накопилось предостаточно. Кроме того, беседы с Мама-азыком-ака, его рассуждения окончательно вытеснили из головы мысли об Адыле Аббасове.

Прав был полковник, когда говорил, что в нашем деле важнее иметь не быстрые ноги, а умную голову. И Мамаразык-ака работал по этому принципу. О лучшем помощнике я не смел и мечтать. За какие-нибудь пятнадцать-двадцать дней он привел в порядок все дела. С двадцатью четырьмя своими помощниками провел проверку на всех предприятиях и в магазинах, ресторанах и кафе, которые вызывали подозрение. Да-а, Мамаразык-ака оказался асом ОБХСС. Трудно представить, что такой ценнейший человек пролеживал бы дома кровать, получая свою пенсию, или готовил плов в чайхане с такими же, как сам, стариками, портил себе желудок. А теперь, благодаря Салимджану-ака, он опять в гуще жизни, опять полезный член общества.

Против завхоза техучилища было возбуждено уголовное дело и расследование по нему я вел сам. Сегодня в первый раз вызвал его на допрос. Мирсалимов оказался скользким, как обмылок. Разговор получился вовсе безрезультатным, и я отпустил его, велев хорошенько подумать.

Через минуту в кабинет вошел, скрипя протезами, Мамаразык-ака.

— Хашимджан, вы не обидитесь, если я сделаю вам замечание?

— Нет, что вы! Всегда готов вас выслушать.

— Сдается мне, вы не совсем еще подготовлены для допросов; а это дело не менее важное и сложное, чем выслеживание и задержание преступника.

— Почему вам так кажется?

— Я слышал, как вы разговаривали с Мирсалимовым.

Я молчал, не в силах сразу признать его правоту.

— Да, вы не подготовлены, — продолжал пенсионер. — Сегодня не вы допрашивали Мирсалимова, а он допрашивал вас, выведал, что вам известно, что не известно...

Мамаразык-ака опустился на диван, потом попросил, если мне не трудно, принести из соседней комнаты пиалу холодного чая, выпил его, утер рот ладонью.

— Так вот, Хашимджан, слушайте первую заповедь искусства ведения следствия...

И Мамаразык-ака начал говорить. По его словам, следователь подобен полководцу, который поведет войска на штурм позиций неприятеля. Полководец, как известно, чтобы одержать победу, должен знать, хотя бы приблизительно, численность врага, его вооружение, состояние боевого духа, тактику; где расположены основные силы, а также условия поля битвы, объекты,

за которые неприятель будет держаться до последнего, будь то речка, высота или маленький хутор. Так же и следователь. Прежде чем начать допрос подозреваемых и свидетелей, он должен досконально изучить объект, где произошло преступление, систему отношений людей, их характеры, привычки, какие упущения или недостатки на предприятии, в учреждении способствовали возникновению правонарушения. Вот лишь тогда можно начинать следствие и лишь тогда следователь будет хозяином положения, а преступник прижат в угол.

Потом мой помощник рассказал несколько случаев из своей практики и закончил свою нескучную лекцию словами:

— Поэтому, Хашимджан, вам лучше всего прекратить допрос Мирсалимова, пока досконально не изучите как обстановку в техучилище, систему и способы хищения, так самих преступников, их окружение и свидетелей... Вам нетрудно будет принести еще пиалку чая, а то у меня в горле пересохло.

— Вы правы, — признался я, выполнив просьбу своего помощника. — Я понял, что еще не совсем готов вести следствие. Ну, да ведь я университетов не кончал...

— Еще молоды, успеете. Похвально то, что сразу признаете свои недостатки. — Прихлебывая чай, Мамаразык-ака продолжал не спеша: — На свете встречаются люди двух типов, коих надо остерегаться. Одни считают себя всезнающими, а всех других — дураками; они ни у кого ничему не хотят учиться. К другой, близкой им категории относятся те, которые сами ничего не знают, но днем и ночью поучают других. Хашимджан, вы мне годитесь во внуки, поэтому прошу, не обижайтесь на меня, если иногда во мне прорвется, как сегодня. А к какой категории людей принадлежу я — решайте сами, — мой помощник лукаво улыбался.

— Да что вы, наоборот, я очень благодарен вам, — я вскочил с места. — Если вы не против, провожу вас до дома.

— Хашимджан, не забывайте, что я похож на стреноженного коня: пока мы доберемся до дома — ого-го, сколько времени пройдет...

— Да я не спешу. Все равно мне некуда себя девать.

Я взял Мамаразыка-ака под руку и мы потихоньку тронулись в путь. О многом переговорили. О природе преступления и о психологии преступника. Мамаразык-ака рассказал еще, как он несколько лет назад ездил в Россию знакомиться с работой милиции одного города. Несмотря на то, что населения в нем раз в десять больше, фактов преступности и нарушений общественного порядка оказалось в несколько раз меньше, чем в нашем городе. Причина этого, по мнению Мамаразыка-ака, — глубоко укоренившееся в сознании людей убеждение, что преступник ни при каких обстоятельствах не избежит возмездия, что любой хулиган и дебошир получит соответствующую награду за свои «геройства». Кроме того, нарушители даже больше боялись людского осуждения и презрения, чем наказания.

— А в нашем городе пока что, — продолжал Мамаразык-ака, — и преступник и хулиганы стараются избежать возмездия, укрывшись за спиной иных лиц влиятельных и авторитетных, и это им зачастую удается. Да и людей мы недостаточно воспитываем в духе понимания советской законности. В прошлом году, к примеру, был такой случай. Школьный учитель разоблачил махинации директора. А недалекие люди начали стыдить не преступника, а его разоблачителя.

«Эй, недотепа, — говорили ему, — ну, украл человек, но ведь не из твоего же кармана, а у государства! Государство наше богатое — не обеднеет. А человек этот семейный, детей имеет, кто их будет кормить, если его посадят?» И перестали с бедным учителем здороваться, звать на свадьбы там, похороны... Да, нам еще работать и работать, чтобы люди наши знали, кого презирать, предавать остракизму, а кого поддерживать.

— Это мечта Салимджана-ака...

— Да, Хашимджан, но у нас тоже дело идет к тому. Поверьте, Хашимджан, если и дальше так пойдет, то через год-другой... да ладно, чего гадать, поживем — увидим: а точнее сказать, поработаем — увидим.

Любовь поселяется в чистых сердцах

Да полно, сказал я сам себе, чего это я лью слезы, переживаю, не сплю, не ем, когда следует действовать и действовать! Вот ведь даже в газете черным по белому написано: «Чтобы добиться своей цели, человек должен до предела использовать свои возможности...» А разве у меня нет этих возможностей? Как бы не так!.. Верно я говорю, шапочка моя? Да ведь стоит мне тебя надеть, как стану невидимым и смогу заявиться к Фариде хоть на работу, хоть домой! И не удержусь: если плачет — утру слезы; если смеется, поет и красит усьмой глаза — далеко упрячу пиалу с усьмой, пусть поищет, позлится!

И тут же, как на крыльях, понесся домой к Фариде. Обойдется Адыл-нахал пока что без моего сопровождения. И вообще, надоел мне этот несчастный Желтый Див!.. Еще надоело мне скакать на четвереньках из комнаты в комнату, посадив по крайней мере двух отпрысков соседа Нигмата-ака на спину, да еще громко ржать по-жеребьячи. Мало, что в пот загонят, если ссадишь — еще ревут, жалуются, что не накатались.

— Куда это вы на ночь глядя собрались? — поинтересовалась Фатима-апа, матушка моих всадников.

— В магазин схожу за седлом.

— Вай, зачем вам понадобилось седло?

— Чтобы ваши джигиты могли ездить на мне с удобствами, — ухмыльнулся я.

Приблизившись к дому Фариды, я растворился в воздухе, осторожно открыл калитку. При этом я вознес аллаху примерно такую «молитву»: «О всевышний! Хоть ты высоко сидишь и работы у тебя полно, как в аду, так и в раю, но отвлекись ненадолго, направь свой телескоп сюда, придай мне побольше храбрости, ведь в этом доме я должен стать любимым зятем и мужем. Пожелай мне удачи!»

Да-а, не скажу, что у моего свекра большой двор: три деревца персика, два куста винограда. Не густо. Ба, это что такое? Хобби Салимджана-ака — цветы, а моего тестя, как вижу, — птицы. Сколько тут клеток, сколько птиц: соловьи, перепелки, кеклики, попугаи... Э, да что перечислять, почти все птицы, какие существуют на свете, кроме ворона и дятла, сидят себе в клетках, поют, свистят, верещат, стучат, кукуют... Тут, наверное, очень весело жить. А может, пернатые друзья почуяли появление будущего зятя? Если так, то продолжайте, мои дорогие, я не возражаю.

Ага, что у нас там находится, в глубине двора? Небольшая веранда... И на ней сидит, подложив под себя старенькую курпачу, мой будущий тесть. Перед ним старые-престарые счета, слева высокая кипа каких-то документов. На носу сверкают очки в железной оправе. Надо, само собой, вначале познакомиться с хозяином дома. Но он так углубился в работу, что стыдно даже отвлекать. Вот чай и фруктовый сахар. Так что найдется работенка и мне...

Тесть наконец отложил счета, сдвинул очки на лоб и радостно крикнул:

— Мама, мамочка, где ты?

М а т ь. Я здесь, папочка!

О т е ц. Идите сюда, мамочка, скорее!

М а т ь (вбежала, запыхавшись). Что с вами, папочка? Что случилось?

О т е ц (привстав). Магарыч с вас, суюнчи причитается!

М а т ь. Для суюнчи я сердце готова отдать!

О т е ц (обессиленно опускаясь на место). Сейчас я проверил документацию комбината за все пять лет, что я там работаю. Обнаружил недостачу...

М а т ь (в ужасе прикрывая рот ладонью). Ой, что вы говорите?!

О т е ц. ...всего-навсего в три рубля.

М а т ь (медленно отходя от испуга). О боже, напугали-то как... Вначале обрадовалась было: лицо ваше сияет, суюнчи, и вдруг на тебе — недостача.

О т е ц (с угрозой). Вот теперь-то я поговорю с этим милиционером, такого жара задам — рад не будет.

М а т ь. И поделом! И начальству пожалуйте, а то ходят тут всякие... подумаешь!

О т е ц. А Хасана-пекаря... С ним у меня будет разговор особый! Пусть знает, как на честных людей доносы писать.

М а т ь. И правильно сделаете. И от меня ему пару слов передайте.

О т е ц. Передам. Всем достанется!

М а т ь. Пойду обрадую доченьку. Похудела бедняжка моя, глаза ввалились, не ест, не пьет — переживает, точно хворь неисцелимая вселилась.

О т е ц. Иди, мамочка, иди.

Да, здесь мне, конечно, еще придется осаду выдержать. Но посмотрим, что будет дальше. Главное — не унывать. Гм, четырехкомнатный дом, мебель неплохая, но скромная... А вон и Фарида! Ох, бедняжка, лежит на кровати, бессильно раскинув руки. Выглядит даже хуже, чем описала мать.

Ф а р и д а (слабо). Мама!

М а т ь. Я здесь, доченька. Тебе нужно что-нибудь? Или испугалась чего?

Ф а р и д а. Нет.

М а т ь. Температура не спала?

Ф а р и д а. Я не больна, мама.

М а т ь. Не надо так, доченька. Лежи, лежи. Я же вижу, что тебе плохо. Сердце матери не обманешь. А вообще нам радоваться надо: папа проверил все свои документы и обнаружил всего-навсего три рубля недостачи.

Ф а р и д а. Нет, мама. За папу я не боялась. Знаю, что он рубля чужого не возьмет. У меня... я... я хотела вам сказать про другое.

М а т ь. Говори, доченька.

Ф а р и д а. Скажу, если вы меня простите...

М а т ь. Вай, доченька, чего это тебя прощать-то, главное — чтоб ты поправилась.

Ф а р и д а. Я боюсь папу...

М а т ь. Ну что ты, дурочка, почему ты должна его бояться?

Ф а р и д а. Мама, мамочка моя миленькая...

И тут Фарида прижалась к груди матери и горько-горько зарыдала. Мамаша обняла свою доченьку и давай тоже реветь. Ну точь-в-точь моя мама. Потом взяла ладонями круглое личико Фариды, поцеловала в лоб.

— Влюбилась небось, моя глупенькая?

— Мамочка...

— Маленькая ты моя! Влюбилась — радоваться надо, а не рыдать. Ведь любовь поселяется только в чистых сердцах!

— Но я стесняюсь папы...

— Не стесняйся, и папа твой был влюблен, и я. Знаем, что это такое. Любовью прекрасен этот мир, доченька, запомни. Скажи мне, кто этот счастливый парень, который похитил твое сердце?

— Не могу сказать, мамочка.

— Кому же ты это скажешь, дочь, если не мне?

Фарида выскользнула из объятий матери, выхватила из-под подушки мою фотокарточку, протянула ей. Теща взяла карточку, взглянула — и вскрикнула, точно ненароком схватила уголек:

— Ой, боже же ты мой, да ведь это давешний милиционер! — И отшвырнула мой портрет.

Фарида, насколько я понял, ожидала именно такой реакции. Она молча перетерпела первую вспышку гнева родительницы, потом начала говорить, низко опустив пылающее лицо. Рассказала, как мы встретились в больнице, о пельменях, разговоре в милиции, о моей караульной службе у их калитки, потом о крупном объяснении в саду за кинотеатром «Марс». Теща вроде несколько смягчилась, но я все равно о трепетом душевным ждал ее первой фразы.

— Но парень он вообще-то что надо! — сказала она вдруг, после секундного молчания. — Красивый, фигуристый. И глаза вон, смотри, смеющиеся...

— Вообще он очень веселый... Такой шутник! — просияла Фарида.

И голос ее сразу стал звонким, веселым, как серебряный колокольчик. В этот миг теща повернула фотокарточку и взглянула на надпись на обратной стороне. Я ее делал в спешке, выписываясь из психбольницы, поэтому даже не помню, что там нацарапал. Осторожно заглянул через плечо тещи. «Фаридахон — девушке, делающей безболезненные уколы, на память от глотателя пельменей Хашимджана». Ну и ну, тоже мне, написал, юморист несчастный.

Теща выбежала на веранду, взволнованно закричала:

— Папа, папочка, скорее сюда, сюда! Тут такие дела назревают!

Тесть, с клеткой в руке, неторопливо повернул к дому.

— Теперь суюнчи с вас, папочка! Гоните скорее магарыч!

Тесть не спеша бросил птице, сидевшей в клетке, червяка.

— Да что у вас там стряслось? Кричишь, точно мир перевернулся.

— Нет, выложите вначале суюнчи! — заупрямилась теща, но тут же не выдержала и с быстротой пулемета пересказала мужу все, что слышала от дочери, даже чуть-чуть приукрасила, потом сунула ему мой портрет. Тесть опустил очки со лба на глаза, посмотрел на фотографию, затем несколько раз перечитал надпись на обороте.

— А что это означает — «глотатель пельменей»?

— Это он шутя написал, — пояснила теща. — А вообще, оказывается, он очень любит пельмени.

— Выходит, этот парень и есть Кузыев? — задумчиво проговорил мой тесть, опять вглядываясь в мое фото. — Его имя, можно сказать, сейчас гремит, сам в начальство выходит... Ну, мать, скажу тебе, неплохой вкус у твоей дочки, отнюдь неплохой... — Тесть и теща некоторое время молча глядели друг на друга, потом захохотали во все горло, ударяя себя по бедрам. Мне показалось, что Фарида тоже присоединилась к ним, потому что очень уж весело и громко застонали пружины кровати.

— Ой, ой, держите меня, упаду! — хохотала теща.

— О-хо-хо, не хуже Насреддина-афанди мы оплошали, мать! — вторил ей тесть. К ним присоединились все птицы, что сидели в клетках на дворе. Веселье было — ни пером описать, ни словами сказать!..

После ужина тесть и теща отправились к соседям, чтобы перетащить обратно невесть зачем припрятанные у них пожитки. Я решил, что мне тоже пора, погостил и хватит. Хорошего понемножку.

...Салимджан-ака еще не вернулся. Джигиты Нигмата-ака не спали. Свалка среди них была

в самом разгаре: шла борьба за первую очередь езды на Хашиме-ака, когда он принесет седло. Бахрам подскочил ко мне первым.

— Где седло? — строго спросил он.

— Не успел: магазин закрылся.

Трехлетний Даврон уже карабкался по мне.

— Все лавно покатайте. Без седла.

— Сейчас, ребята! — Я сбегал переоделся, потом надел старый чапан Нигмата-ака, отвернув его полы назад, соорудил нечто вроде седла.

— Прошу, джигиты, по коням!

Джигиты не заставили повторять приглашение — налетели всем скопом. И катал я их не помню уж сколько, но так устал, что свалился посреди комнаты и уснул не расседланный.

Приснилась мне Фаарида. Она тоже... ездила на мне, как на коне.

«Площадка отщепенцев», или как меня выкупали

Я шел по улице Мукими. Был в штатском, поскольку вышел просто погулять, подышать свежим воздухом. Вдруг на дороге раздались глухие удары плохо подогретой дойры, громкие крики. Гляжу, среди машин катится трактор с прицепом. В кузове прицепа стоят человек шесть, тесно сбившись в кучу. На шее у каждого болтается по гирлянде из пустых водочных бутылок, как предлагали рабочие в своем письме. Ниже бутылок висел кусок картона; на одном было написано: «Неисправимый пьяница Расул Усаров. Работник машиноремонтной мастерской». Расул Усаров, так же, как и остальные его друзья, не знали, что раньше прикрыть руками — надписи или лица; так что открытыми для обозрения оставалось и то, и другое. По бокам прицепа шла охрана — дюжие ребята с красными повязками. Рядом с трактористом-водителем стоял дойрист, видимо, самоучка: он просто колотил рукой по дойре — мелодия здесь и не ночевала. Но толпу, валом валившую за прицепом, интересовала не мелодия. Люди толкались, лезли вперед, чтобы получше рассмотреть пьяниц. Здесь были взрослые и дети, молодые и старые.

— Вай-вай, да ведь это отец Дильбар!

— Это который пропил ее новенькие туфли?

— Тот самый, будь он неладен...

— Так ему и надо.

— Мавлян, слышь, Мавлян, беги домой, выкинь бутылку, что стоит в кухне.

— Но, мама, она ведь пуста?!

— Все равно выкинь, вдруг отца тоже, как этих...

— Эй, соседка, вы узнаете вон того, что сверкает плешью?

— Как не узнать, милая?! Да это тот самый Касым, который напился на свадьбе своей дочери и захотел побороться с зятем...

— Молодцы, что такое наказание изобрели! Сколько можно терпеть от пьяниц!

— А как вы думали? Государство, уничтожившее Гитлера, да не справится с какими-то алкоголиками?!

— Это все дружинники. Вот кого надо благодарить.

Иногда в разговорах упоминалось о какой-то «Площадке отщепенцев», открытой в парке имени Мукими.

— Дехканбай, ты видел эту выставку, которую, говорят, открыли в парке? — спросил соседа старик, от чапана которого исходил запах хандаляков.

— Куда там, Махамбай, — отвечал сосед, от которого несло запахом мяты. — Пятнадцать

дней как лежу с пудом отрубей на пояснице. Сегодня еле выполз на свет божий...

— Сноха моя очень хвалила эту выставку, — сказал Махкамбай.

— А моя внучка говорит, что надписи делала к этим самым... экспонатам, — гордо сообщил Дехканбай.

Посоветовавшись, старики порешили сходить на выставку, а поскольку Дехкан-бобо беспокоился, что опять схватит поясница, Махкам-бобо пообещал быть ему опорой. После этого они пустились в путь, сгорбленные, стуча палками.

Я знал, что открылась эта выставка, но за целый месяц так и не удосужился сходить на нее. Поэтому, долго не раздумывая, отправился за дедушками.

Вот и парк. Выставка заняла в глубине его примерно полгектара; крытая шифером крыша, стеклянные стены. Народу стояло на выставку — туча, хвост очереди торчал где-то за воротами парка. Мне подумалось, что в цирке, в театрах и кинотеатрах города, в которых как раз в эти дни гнали фильм про шпионов, сейчас пусто-пусто. Казалось, весь город собрался в парке.

Я со своими старичками простоял два часа, и вот мы входим в павильон. Над его фасадом аршинными буквами светится надпись: «Моя милиция меня бережет».

Залы оформили, скажу я вам, на славу. Здорово потрудились ребята, молодцы. А Умаров, председатель райисполкома, по-видимому, побросал все свои дела, занялся одной этой выставкой, собрал сюда всех мастеров, художников-оформителей. И они уж постарались, дай бог! Будь я такой сочинитель, как Сурат-ака, вмиг сварганил бы стихотворение про все эти чудеса. У самого выхода, слева, на стене висят портреты работников милиции, под ними подписи. Справа — тоже фотографии, но это уже, оказывается, «Аксакалы милиции».

Дехкан-бобо остановился перед портретом русоволосого майора, улыбающегося во весь рот.

— Махкамбай, посмотри-ка, не Иван ли это Козлов наш?

— Он самый, — почему-то с гордостью ответил тот.

— Помнишь, как он любил дыни?

— Еще бы! Хлебом не корми — дыню подавай!

— Ты все еще посылаешь ему свои дыни?

— Послал в прошлом году посылку. Дыни были зрелые, по дороге сгнили, потекли. Так что дошли одни семечки. Вот Иван и написал мне: «Махкам, спасибо за присланные семена. Но — увы! — как ты знаешь, на четвертом этаже не больно-то вырастишь дыни».

— Широкой души был урус, дай бог ему долгой жизни.

— Не любил он жуликов, терпеть не мог...

Оставив стариков у портрета Козлова, я перешел в отделение «Народная милиция». Шагнув за порог, я растерянно остановился. На меня со всех сторон смотрели десятки знакомых лиц: дружинники, общественные заведомы, добровольные пожарники, в общем, хорошие люди, и среди них — портрет моего любимого помощника и чудесного человека Мамаразыка-ака. Правда, на фото он получился хмурый и злой: верно, в тот момент на что-то сердился.

Воздав должное искусству оформителей, я заспешил за своими старичками, уверенный, что увижу еще кое-что интересное. Они повернули к залу, название которого определялось народным афоризмом: «Уворованный кусок не идет впрок». Здесь были выставлены вещественные доказательства, различное имущество и другие ценности, конфискованные в домах и тайниках субчиков из группы Адыла Аббасова. Все это я, конечно, видел, но, собранные вместе, они заняли столько места, что производили особенно сильное впечатление.

— Бай-бай-бай! — пораженно остановился Дехкан-бобо, глядя на «экспонаты», стоящие и лежащие под стеклом. — Неужто все эти богатства принадлежали Адылу?

— Да вон ведь написано, что ему.

— Бай-бай-бай! Ты погляди, сколько здесь золота! Можно подумать, царь Николай передал

ему в наследство свою казну!

— Это не Николаева казна, а пот наш с тобой.

— А сейчас он опять гуляет на свободе. Говорят, сбежал.

— Бай-бай-бай! Вот подлец, а? Его непременно должны поймать. Если бы не поясница — сам бы пошел искать негодя. Постой-постой, Махкамбай, вот этот же — наш толстячок Абдурахман!

— Он самый, завскладом был.

— Бай-бай-бай! Есть все-таки бог на свете, есть: карающей рукой святой милиции наказал-таки сволочей. Прошлой зимой решили снохе пальто купить. Ну я и попросил Абдурахмана достать. И что, думаешь, он сделал? За семидесятирублевое пальто содрал все сто. Спасибо милиции, благое дело сделала!

Послушал я немного, вижу, еще долго мои бобо будут изумленно хвататься за воротники, качать головой и тянуть свое: «Бай-бай-бай». Решил, пока не поздно, обойти другие залы и отделения. У выхода, на низеньком столике, увидел «Книгу отзывов». Подсел к столу, начал листать книгу: шестнадцать тысяч человек написали шестнадцать тысяч отзывов. Почти половина из них возносила до небес товарища Кузыева, обезвредившего группу Аббасова, другая половина предлагала зарядить этой шайкой самую большую в стране пушку и выстрелить в небеса. Я, как вы понимаете, не без удовольствия прочитал похвалы в свой адрес. И сам не заметил, что направился в зал «Хулиганы», по-строевому печатая шаг. Наверное, опьяненный похвалами, я не все экспонаты запомнил, только некоторые — посвященные удивительным подвигам хулиганов школьного возраста. Запечатлелись в памяти, например, фотография мальчишки, который из своей рогатки вдребезги разбил семнадцать окон, или тринадцатилетнего торгаша, укравшего у соседа огурцы и продававшего на рынке. Меня удивило лишь одно: почему-то рядом с их портретами вывесили также фотографии родителей, надписи с обозначением места их работы и жительства. Справедливо ли это? Ах, бедные родители... Молча пожав плечами, я направился в зал под названием «Площадка отщепенцев».

Не думайте, пожалуйста, что Хашимджан опять привирает, что в наши дни такое не случается. Клянусь, до сих пор я и сам так думал. Ну кто поверит, что директор школы собирает у себя дома мулл и имамов (притом самозванных, то есть, просто шарлатанов) и читает с ними коран, справляет всякие религиозные ритуалы? Никто, вы говорите? А вот его фото. И адрес школы, где он работал.

Или вот другое. У аптекаря заболела жена. И чтобы она поскорее поправилась, он зарезал годовалую овцу у могилы святого Курбана-ата и ждал положительных результатов до тех пор, пока благоверная не скончалась.

Еще фото. Мясник избил соседа. За что? Да ни за что. Просто гадалка сказала, что сосед с дурным глазом, может сглазить его семейную идиллию. Мясник взял черенок от кетменя, пошел бить соседа. Избил до полусмерти. Хорошо хоть свой мясницкий топор не схватил.

Бр-р... хватит, думаю. Этот зал оправдывает свое название. Полностью, — подобные люди в самом деле отщепенцы.

Я бродил по выставке до шести часов. Поверите ли, устал, как собака. Ноги гудели, будто телеграфные столбы, да и в голову не все уже лезло. Вот сейчас, хоть убейте, не смогу рассказать, что видел в зале «Народное осуждение» или в отделе «Эй, товарищ, разоблачи преступника!» Под конец у меня уже голова закружилась и я ринулся к выходу, разрезая людской поток. У дверей даже рывкнул на старуху, которая налетела на меня: «Сидели бы дома, нянчили внуков!»

Устать я, конечно, устал, но в то же время чувствовал невыразимую гордость и удовлетворение. Да, не пропали даром усилия Салимджана-ака, принесли свои плоды его

бессонные ночи, и это — самая высшая награда для него...

Страшно хотелось пить, поэтому, недолго раздумывая, я свернул к пивной, расположенной в трехстах шагах от выставки, на берегу Анхора.

Под тентом сидели человек десять, в основном парни моего возраста или чуточку старше. Они пили пиво из высоких граненых кружек, ели соленый миндаль, завернутый в маленькие кулечки. Взяв две кружки пива, я подсел к ним. Прислушавшись к разговору, понял, что речь идет о прекрасном начинании райотдела милиции, о необыкновенном детективном таланте младшего лейтенанта Кузыева, о справедливости полковника Атаджанова. Послушал я их, послушал, потом решил малость разыграть.

— А мне кажется, — встрял я в разговор, — что этот Кузыев не такой талантливый, как вы считаете.

— И неправильно кажется, — хмуро буркнул высокий худой парень.

— К тому же, — продолжал я, — он хвастун и растяпа...

— Что-что? — привстали с места сразу пять здоровенных детин.

— К тому же он пьет пиво бочками, вот как я. Почти что алкоголик...

Не успели эти слова слететь с моих уст, как возле меня в один прыжок оказался тот самый длинный худой парень.

— Возьми свои слова обратно. Не то плохо будет, — жестко потребовал он.

— Не возьму, — отказался я. — А этот полковник ваш — фантазер, выживший из ума старикашка... Настоящий, бумагомаратель и крючкотвор.

— Ты почему, подлец, оскорбляешь товарищей Кузыева и Атаджанова? — Парни бросились ко мне, схватили за шиворот. — Проси прощения, не то...

Длинный парень уже не хотел, чтобы я просил прощения. Он скомандовал:

— Сунуть его в Анхор! Пусть утонет бочка пива — не жалко.

Пятеро детин схватили меня за ноги, пятеро за руки, поволокли к реке. Я начал отчаянно отбиваться, одновременно признаваясь, что хотел разыграть их.

— Ребята, отпустите, ведь это я и есть тот самый Кузыев!

И зря сказал. Эти славные парни взбеленились еще больше.

— Ты смотри, этот пьянчуга еще выдает себя за товарища Кузыева! Да это же настоящий мошенник!

И тут я шлепнулся в воду, хлебнул несколько глотков, схватился за ветки ивы, стал взбираться на берег.

— Ну, детка, изменил свое мнение о работа ОБХСС? — пропел длинный.

— Нисколько, — простучал я зубами. И опять полетел в воду. Только хотел вылезать, длинный снова спросил:

— Теперь-то, надеюсь, изменил?

— Нисколько. Остаюсь при своем мнении, — ответил я и поплыл к другому берегу...

Люди в саване

День возвращения Салимджана-ака из Ташкента стал настоящим праздником. Потомки Нигмата-ака устроили хорошенький кавардак при дележе подарков, слегка даже повздорили, затем наконец уgomонились. Мы остались с полковником вдвоем на кровати посреди цветника.

— Ну, Хашимджан, как идут дела? — поинтересовался мой начальник, обмахивая лицо веткой мяты.

— Ничего. Как вы сами съездили?

— О нашем начинании уже известно всей республике.

— Серьезно?

— Каромат Хашимова сделала доклад на час, а аплодировали ей двадцать минут.

— Здорово!

— Министр лично поздравил нас, обещал всячески помогать.

— Это хорошо!

— Да, сынок. Еще он просил не оставлять дела на полдороге. По их замыслу, наш район должен стать образцово-показательным.

— Салимджан-ака! Я тоже хочу сообщить вам одну приятную новость.

Салимджан-ака так увлекся, что не слышал меня, продолжал говорить о своем:

— Это великое дело, сын мой Хашимджан: доверить борьбу с преступностью самому народу, а нам возглавить ее.

— Я нашел, где скрывается Адыл Аббасов.

— А?! — мой наставник так подскочил, что чуть не перевернул кровать. — Что ты сказал?

Я поведал полковнику все, что выяснил в последние дни, правда, скрыл, насколько помогла мне волшебная шапочка.

— Выходит, побег организовал Шакир — «консультант?» — с ненавистью и презрением произнес Салимджан-ака, высоко приподняв брови, точно перед ним сидел не я, а Адыл-негодяй.

— Да.

— Шарифу тоже пытался убить Аббасов?

— Точно так.

— И теперь подбирается ко мне?

— Да. А сейчас пытается выправить себе чистый паспорт.

— Пусть. Мы возьмем и того негодяя, который продаст ему паспорт. Дай, Хашимджан, поцелую тебя в лоб, сын мой!

Затем полковник начал действовать, как по тревоге. Он побежал к телефону, не нацепляя даже шлепанцев. Позвонил генералу, тому самому, которого я некогда брил, потом в областной центр, Али Усманову на квартиру. Через полчаса вышел обратно, сел на кровать, залпом осушил пиалу с остывшим чаем.

— Они одобряют твой план, Хашимджан. Аббасовым мы должны воспользоваться как приманкой. Ты никому не говорил, что напал на след?

— Нет, конечно.

— Правильно. Начальство предлагает хранить все в строгой тайне. Об-бо, Хашимджан, сын мой, целую гору с плеч снял. Помощь нужна?

— Нет, не беспокойтесь. Пока сам справляюсь.

Опустив в карман пистолет, я направился на новую «квартиру» Аббасова, в склеп святого Шейха Адыла. По пути решил проведать Могильщика Суфи. Время было как раз после вечерней молитвы. Могильщик возился во дворе мечети: готовил ужин на керосинке. Вскоре, поглядев на часы, он заспешил в магазин за водкой.

Не доходя до склепа, Могильщик припал ухом к земле, долго прислушивался, вглядываясь во тьму. Утоловтворенный, подошел к двери, выдернул предусмотрительно прихваченными клещами гвозди.

— Благодетель мой, вы не спите?

Склеп безмолвствовал. Могильщик достал спичку, зажег свечу. Из гроба, стоявшего посреди усыпальницы, приподнялась фигура, завернутая в белый саван.

— Сколько времени?

— Почти два, — ответил Могильщик. Труп сбросил с себя саван и превратился в Адыла

Аббасова.

— Дай умыться, — приказал он.

Суфи начал лить воду ему на руки, которые сильно дрожали. Я глядел на Аббасова и не узнавал его: он страшно похудел, посерел и стал похож на рисунок табличек, какие приколачивают к столбам высокого напряжения и трансформаторным будкам: «Осторожно! Смертельно!» Ко всему, он зарос шерстью, точно полоумные дервиши, еще иногда слоняющиеся по базарам с протяжным криком: «Дийдиё!» Глаза провалились, рот и нос увеличались; словом, Адыл-хитрец стал еще больше похож на дива.

— Выпить принес? — хрипло спросил баттал.

— Принес, избавитель мой, принес!

Они вдвоем съели большой кусок отварного мяса, затем принялись за нарын. Справившись с едой, взялись за чай (Могильщик, видно, успел отремонтировать термос). За трапезой Суфи доложил об обстановке в городе, передал слухи... И закончил свой доклад следующими словами:

— Сегодня ходил на разведку. Вы не ошиблись, мой благодетель, подвал в доме полковника есть, сам Атаджанов отсутствует целыми днями, на службу уходит рано, возвращается поздно...

Адыл-негодяй выхватил кинжал длиной в полметра, с силой вонзил его в землю.

— О боже, не дай остыть в груди пламени мести!

Могильщик подлил в пиалы чаю. Разговор пошел о мертвце, которого хоронили сегодня.

— Это была женщина? — поинтересовался Аббасов.

— Женщина, — подтвердил могильщик.

— Ты знал ее раньше?

— Нет, мой благодетель. Не знал.

— Откуда тогда тебе известно, что у нее есть золотые зубы? Гляди, коли проваландаемся попусту, как вчера...

— Уверен, что на этот раз повезет. Провожать покойную приехали на пятидесяти легковых машинах! Покойник из уважаемого дома не может быть без золотых зубов.

Суфи предложил идти на дело, завернувшись в саван: если кто заметит ненароком, примет за привидения и даст стрекача. Адылу-батталу предложение понравилось. Он молча обмотался саваном, схватил прислоненную в углу лопату. Могильщик взял кетмень и они выскользнули во тьму.

Чудак я, чудак, перетрусил в тот раз, приняв тени от дерева за черт-те что! Пугаться следовало бы сейчас: призраки в саванах подходят к свежесасыпанной могиле, принимаются разрывать ее. Увидев, как похудел Аббасов, я, грешным делом, пожалел его, решив, что он здорово обессилел. Орудовал же он сейчас лопатой — дай бог! Даже привычный к такому делу Могильщик Суфи еле поспевал за ним. Видно, добыча очень уж привлекала.

Вот и разрыли могилу. Суфи спрыгнул в яму... Дальше я не мог смотреть — отвернулся; слышал, как Могильщик заклацал клещами, как ударялся металл о металл... В голове у меня помутилось, к горлу подступила тошнота — еле сдержал себя. И я ничем не мог помешать негодьям, ведь я на службе и должен беспрекословно выполнять приказ, ни во что не вмешиваться.

— Вот, мой благодетель; рука у вас, как всегда, легкая, — сказал Могильщик, выбираясь из ямы, — Плюньте мне в лицо, если здесь меньше пятидесяти граммов золота!

Потрошители мертвцов вернулись в склеп святого шейха. Пересчитали золотые коронки, взвесили на ладонях, бросили в грязный, замусоленный, но довольно; туго набитый мешочек. Выходит, не первую могилу разворошили эти негодяи, не первого покойники осквернили...

Они, видно, грабили могилы с тех самых пор, как баттал бежал из-под следствия.

Оборотень Аббасов взвесил в руке мешочек, встряхнул его — коронки жалобно звякнули.

— Здесь всего граммов триста, не более, — вздохнул Адыл-лиса. — Этим не откупишься от Шакира, запросто заложит.

Он прищурился, закусил губу и надолго замолчал, уставившись в одну точку. Потом встрепенулся, выхватил свой кинжалище, вонзил в землю.

— Могильщик!

— Слушаю вас, избавитель мой!

— На колени!

— Благодетель... я...

— На колени, говорю! — свирепо прошипел сквозь гнилые зубы «благодетель». Суфи, не отрывая испуганного взгляда от кинжала, опустил на колени.

— Клянись, что никому ни слова не скажешь о том, что увидишь сейчас. Иначе вот этот кинжал отсечет тебе голову!

Могильщик поклялся. Он дрожал, как осиновый лист.

Ах, вот оно в чем дело, оказывается! Самый большой клад оборотня — наследство, оставленное ему отцом-скототорговцем, — хранился в одной из могил на этом самом кладбище. Шакиру-законнику он соврал, когда говорил, что все сокровища хранятся в далеком кишлаке. Клад он перевез и припрятал под старым тутовником, когда умерла средняя жена.

Два негодяя сдвинули в сторону покрытый мхом мраморный памятник, разрыли могилу и выволокли тяжелый стальной сундук. Затем все вокруг привели в прежний вид, поставили памятник на место. Прodelали они все это очень быстро и споро, но зато взмокли от пота, часто пугливо озирались, припадая на семлю при каждом шорохе. Глаза их горели безумным огнем. Боже мой, подумал я, до чего же может дойти человек! Или эти — уже давно не люди?..

Оттащили сундук в склеп. Оборотень опустился перед ним на колени, положил голову на крышку и надолго замер, словно заснул безмятежным сном. Вдруг плечи его затряслись, раздались какие-то всхлипы, и Адыл-разбойник в голос заревел, точно младенец:

— Папа, папочка мой родной!

— Благодетель... Успокойтесь... — слегка дотронулся Могильщик до его плеча.

— Для того ли вы копили богатства, чтоб ваш сын спал в склепе, в соседстве с мертвецами?! Для того ли вы старались, чтобы я, как волк, хоронился от людских глаз?! Жить бы мне да жить, не тужить, а тут... й-а-а!

— Не плачьте...

— Папочка мой!.. — И вдруг баттал умолк, точно выключили радиоприемник на полуслове. Оборотень отер рукавом слезы, вставил кинжал в замочную скважину... Раздался мелодичный звон и крышка сундука откинулась назад. Сундук доверху был полон золотыми монетами, старинными украшениями, каких не встретишь даже в музеях, кольцами, перстнями, браслетами, — все это засверкало, заиграло при слабом свете свечи. Два живых трупа алчно ухмылялись, облизывая пересохшие губы.

— Вот этот пистолет тоже папочка оставил мне, земля ему пухом. Из Кашгара привез. — Аббасов спрятал пистолет и запасные обоймы в карман, гордо распрямился. — И вот я опять король! Ты слышишь, Могильщик?! Это золото вернуло мне силы и могущество! Теперь со мной не справится ни милиция, ни суд, ни сам господь бог! Опять я шах сего города, его шахиншах!

Через полчаса Могильщик Суфи запеленал «будущего шаха» в саван, уложил в гроб, точно младенца в кроватку, заколотил дверь склепа и отправился восвояси.

Ненужная профессия

Могу поклясться, что парк наш за все время своего существования не видел столько народу, сколько теперь за один день. А веселье, бьющее через край? А праздничный, нарядный вид людей? Это уж само собой разумеется. Трубят карнаи-сурнаи, гремит барабан. Текут, текут по улицам рекою маленькие девочки с пышными бантами, шустрые мальчишки, зажавшие в ладонях мелочь, сэкономленную на завтраках; парнишки-старшеклассники — активисты борьбы за хорошую успеваемость; энергичные дружинники с ярко-красными повязками на рукавах, молодые красавицы; рабочие, восставшие против пьянства, — да что там перечислять, весь, весь городской люд течет по улицам, вплоть до старичков с больной поясницей и старух, не сумевших отыскать очки и посему злобствующих по адресу снохи.

У водопроводной колонки стоят две такие старушки.

— Что там сегодня в парке, подруженька, вы не знаете?

— А вы, милая, разве не слыхали?

— Нет, ничегошеньки не слыхала.

— Так ведь там сегодня слет проходит.

— Понятно. То-то я думаю, почему сегодня мой убежал спозаранок, приоделся, прихорошился? Праздник вроде, а он говорит: «Сегодня похороны. Будем хоронить преступность».

— Товба! Где это видано: похороны с музыкой?

— Кто их знает, новая мода, наверное!

— Ой, да ведь у меня масло сгорает!..

Да, старуха не ошиблась — в парке проходил слет. Районный слет помощников милиции. Я сам до сих пор не понимал, оказывается, значения этого слова. Теперь-то уж знаю, меня не проведешь. Слет — это мероприятие, в начале которого играют карнаи-сурнаи, в середине говорят длинные речи, и все завершается аплодисментами... Как мне стало известно, директор парка целых пятнадцать дней рассылал пригласительные билеты, отпечатанные типографским способом. В них говорилось: «Милости просим на народное гулянье, посвященное славным работникам милиции и членам добровольных народных дружин. В чайханах вы сможете участвовать в аския — состязаниях острословов, на открытых сценах парка увидите самодеятельные спектакли, бичующие взяточничество, воровство и стяжательство. А также всевозможные игры, зрелища».

Слет открылся ровно в девять. В летний большой зал кинотеатра вместились шестьсот сорок человек, остальной народ толпился у входа и вокруг помещения. Торжественное собрание открыл товарищ Умаров. Вдоволь нахвалив дружинников, он объявил:

— Слово предоставляется начальнику районного отделения милиции товарищу Атаджанову!

Салимджан-ака... бедный Салимджан-ака, такой умный, представительный, такой могучий человек, а как нужно выступать — теряется, как мальчишка. Через каждые два слова почесывает плечо, кашляет в кулак, словно от этого речь потечет ручейком! Побормотав малость, он приложил руку к груди:

— Товарищи, простите, я вообще не умею говорить с трибуны, а сейчас — тем паче: от радости першит в горле. Если еще немного поаплодируете, то я, честное слово, готов вместо доклада минут тридцать поплакать вам тут. Сорок лет я мечтал о том дне, когда борьбу против правонарушителей всех мастей возьмет в свои руки народ. Дождался я этого часа! Мечта моя сбылась! За последние шесть месяцев по сравнению с шестью месяцами прошлого года число преступлений уменьшилось на восемьдесят пять процентов, а число нарушений общественного

порядка — на девяносто шесть!

Зал бешено зааплодировал. Нечаянно оглянувшись через плечо, я заметил нашего товарища Халикова. Он тоже всюду хлопал в ладоши.

— Ия! — воскликнул я. — Как же так, товарищ майор, ведь вы обещали, что начинания полковника останутся на бумаге?!

— Ну и что?! — отрезал Халиков. — Мало ли что говорят некоторые люди в порыве злости! Салимджан-ака попробовал продолжить:

— Министр внутренних дел, поздравляя нас... — Гром аплодисментов опять прервал его. У всех присутствующих, видно, давно чесались ладони. Послышались возгласы:

— Будем еще больше стараться!

— Преступность уничтожим в самом зародыше!

— Превратим свой район в район коммунистического быта!

Вначале я подумал, что большую часть запаса аплодисментов заработал Салимджан-ака, но вы бы видели, что творилось, когда на сцену поднялась Каромат-опа Хашимова и стала вручать грамоты и премии общественникам: тридцати шести юношам и девушкам, одиннадцати старухам и семерым старикам. Заодно уж достались и призы пламенным энтузиастам нашего пожарника Самада-ака.

После церемонии награждения председатель собрания дунул в микрофон несколько раз подряд, привстал, чтобы объявить имя очередного докладчика. Но его остановил Муслим-бобо, неожиданно поднявший руку. И не дожидаясь, когда предоставят слово, он быстро пошел к сцене, так и держа руку над собой. Ордена и медали, прицепленные к белому яхтаку, весело позванивали в такт шагам.

Встав перед трибуной, Муслим-бобо схватился за бороду, на миг призадумался, потом нерешительно обратился в зал:

— Друг Мерган, может, сам попробуешь?

— Говори уж, раз вышел, — откликнулся старческий голос.

— Что ж, попробую. Дорогие друзья, я работаю сторожем в тридцать шестом магазине... — Муслим-бобо запнулся, полез в карман, вытащил очки, водрузил их на нос, затем извлек какую-то потрепанную, замусоленную книжицу, полистал ее, что-то прочитал, шевеля губами, и удовлетворенно произнес: — Точно так, в тридцать шестом... А Мерган сторожит атласный магазин... Я верно говорю?

— Верно, — ответил ему тот же старческий голос.

— Так вот, как пошло это дело с дружинниками, так и нечего стало нам делать с Мерганом. Полеживаем в закутке, вспоминаем конокрадов николаевских времен, а в углу свистит электрический чайник... Мы так считаем: получать зарплату, ничего не делая, это по-старому — грешно, а по-новому... как это?... беспринципно... А мало ли таких, как мы с Мерганом, стало нынче? Во времена жестокого царя сторожей было мало, а воров и грабителей — уйма. На весь старый город ходил горбатый старец со своей трещоткой... Сейчас же воров — раз-два и обчелся, а сторожей — видимо-невидимо! Сторожа магазинов, охрана заводов и фабрик, вахтеры всяких контор... Эй, люди, знаете, в одном нашем маленьком районе, оказывается, работает двести шестьдесят сторожей!

Зал зааплодировал. Слушатели задних рядов почему-то даже повскакали с мест. Муслим-бобо выждал, пока аплодисменты и шум стихнут, потом продолжал:

— Мерган, я правильно сказал?

Ответа не последовало, но бобо и не дожидался его.

— Быть может, и не все двести шестьдесят, а двести пятьдесят, это уж неважно. Мы старые, могли и ошибиться на десяток-другой. Но вы послушайте, что получается. Государство за год

выплачивает одному сторожу семьсот двадцать рублей. Ну а сколько истрачивается денег на все двести пятьдесят сторожей? Мы как-то с Мерганом взяли да попытались подсчитать. Вот на этой бумажке записано, сколько это... Сейчас... «сходить на ярмарку, купить внучатам игрушек, снохе отрез атласа»... нет, не на этой бумажке, оказывается... Мерган, где эта бумажка, не у тебя ли она?

— Поищи получше, у тебя была, — донесся ответ.

— Да, да, нашел! — крикнул Муслим-бобо, выудив из кармана другую бумажку и виновато улыбаясь. — Всего получается сто девяносто тысяч рублей. Если бы работу сторожей взяли в свои руки дружинники, общественность, а на эти сто девяносто тысяч рублей закупить саженцев, цветочной рассады и посадить по берегам арыков, на пустырях, по краям дорог — да ведь наш город превратился бы в рай!

Не знаю, люди словно и собрались-то сегодня только для того, чтобы хлопать в ладоши; да бешено так, да так долго, что после речи Муслима-бобо я минут десять сидел, заткнув уши пальцами. И все равно слышал громкие возгласы:

— Слава тебе, отец!

— Мы сделаем точно так, как ты предлагаешь, друг!

— Гляди-ка, старики смотрят шире и глубже, чем молодежь!

— И революцию-то совершали вот такие старики!

Доклад деда Муслима послужил толчком к длинным и горячим дебатам. Один выступающий выражал опасение, что сокращение штата сторожей приведет к росту краж. Другой кричал, что пора прекратить либеральничать с правонарушителями, а надо перейти к методам наказания, как якобы делает некое племя в Африке: отрезают уши и нос. Или хотя бы можно помещать их фото в районной газете под соответствующим заголовком. Третий высказался в том роде, что, дескать, нельзя много говорить о ворах, а то, не дай бог, и в самом деле их станет больше.

И так далее и тому подобное... Дискуссия длилась целых три часа, после чего решили, что предложение Муслима-бобо дельное, и постановили: сторожей распустить, вменить исполнение их обязанностей общественности, на сэкономленные деньги благоустроить и озеленить город; а для сторожей-пенсионеров, вроде Муслима- и Мергана-бобо, открыть на улице Кушчинар артель по изготовлению бумажных пакетов.

Собрание закрылось принятием торжественного письма в адрес Министерства внутренних дел.

По пути домой Салимджан-ака положил руку мне на плечо и жарко воскликнул:

— Сынок, сегодня самый счастливый день моей жизни!

— И моей тоже, — от души откликнулся я.

Смерть Желтого Дива

Шакир-подручный должен был в четверг принести паспорт. Но он к этому дню с заданием не справился, из-за чего в склепе святого шейха вышел крупный разговор. «Консультант» заявил, что если человек, обещавший достать паспорт, не сдержит слова и завтра, то придется искать другого посредника. Адыл Аббасов был вне себя, но, чувствуя свою беспомощность, стал рвать волосы, бить себя в грудь и плакаться, что здоровье его ухудшается с каждым днем. Разговор этот я записал на пленку, а вот сфотографировать сообщников не удалось — было слишком темно, не применять же «вспышку»!

Шакир-советчик, по-видимому, умел стараться, когда хотел. На другой день он вошел в склеп, протянул своему хозяину паспорт и рухнул на пол.

— Адылджан, вы б знали, как я измотался из-за этих «корочек». Но еще раз доказал, что готов умереть ради вас! — прохрипел он.

— Ну, как же, и милиции, возможно, известно, что вы мне настоящий друг, Шакирджан, — «поблагодарил» Адыл. — В одном деле замешаны, как тут не подружиться.

— Вы, оказывается, и сегодня в саване, — ухмыльнулся Шакир-советчик. — Признаться, гляжу на вас двоих в саване — и душа уходит в пятки.

— Вы савана не бойтесь, — поучающе заметил Могильщик Суфи. — В конце концов и вас завернут в него.

— Да, но вы надели его чуточку раньше... — ответил Шакир колкостью на колкость. Однако Могильщик и не думал отступить.

— Если хотите, могу сейчас принести и вам один...

Адыл-баттал не знал, куда себя деть от радости. Шакир тоже был счастлив, добился богатства, о котором мечтал всю жизнь. Облегченно чувствовал себя и Могильщик. Он надеялся, что Адыл-избавитель, обзаведясь паспортом, поскорее сгинет с глаз долой, и он, Суфи, вернется в спокойное лоно мечети Ходжа Ахрару Вали. Вот почему они так развязно шутили, смеялись.

Шакир-советчик, спохватившись, поспешил распрощаться. Пожелал Адылу-хитрецу счастливого пути, доброго здоровья везде и всегда. Потом напомнил, что полковник их общий враг до конца дней, и попросил Аббасова непременно убрать Атаджанова.

— Бог даст, послезавтра в мечети Ходжа Ахрару Вали мы будем отпевать его! — пообещал Адыл-разбойник, сверкнув глазами.

Они даже обнялись, прощаясь. Я отвернулся. Стало как-то не по себе, глядя, как человек в саване обнимает человека, который еще не надел его.

У нас было договорено: если Шакир-«консультант» пойдет домой с золотом, проводить его до ворот кладбища и дать сигнал стоявшим в засаде милиционерам, посветив спичкой. Вот мелькнул огонек и тотчас за воротами послышалась возня, приглушенные голоса: «Стой, ни с места!», «Что это такое?! Я буду жаловаться!», «Тихо! Руки!», — и опять кладбище погрузилось в пучину мертвой тишины. Все в порядке, решил я удовлетворенно и поспешил обратно в склеп: следовало выяснить дальнейшие планы преступников. Но я, видно, опоздал: Адыл-баттал и Могильщик Суфи наострились уже прятать золото. К тому же они, кажется, успели обговорить, как убрать с пути моего наставника. И неизвестно, на какое время назначено покушение... Нет, теперь времени терять нельзя, надо действовать быстро и решительно.

Я осторожно вытащил из карманов Аббасова новый паспорт, два пистолета и деньги. Затем обчистил Могильщика: выгреб даже истершиеся, позеленевшие пятаки, не говоря о двух пачках пятидесятирублевков.

Уложил все это в стальной сундук. Держись, Адыл-злодей! Твоя жизнь в моих руках, вот в этом продолговатом, покрытом рясовчиной сундуке. Ты ведь Див, чудовище из сказок, перебравшееся в нашу жизнь, и ты шагу не посмеешь ступить из склепа, если исчезнет этот сундучок! Так что занимай свое место в гробу и дожидайся нас.

— Прощай, мой шах, одетый в саван! — прошептал я и, с трудом взвалив тяжелый сундук на плечо, отправился в отделение.

Избавившись от тяжелой ноши, я пошел домой. Уже открывая дверь ключом, услышал пронзительный звон телефона. Подбежал, схватил трубку.

— Хашим! — раздался крик Салимджана-ака.

— Я слушаю!

— Собирайся немедленно!

— Что случилось?

— Поступило сообщение, что люди обнаружили на кладбище два живых трупа...

— Да уж не Адыла ли негодяя с Могильщиком?

— В том-то и дело! Толпа преследует их...

Пока я поспешно одевался, у ворот засигналила дежурная машина. Салимджан-ака подвинулся, я плюхнулся рядом. «Волга» рванулась вперед и понеслась по улицам, оглашая их воем сирены, но вдруг мотор почихал и заглох. Водитель вырулил машину к обочине, остановил. На лбу его выступили крупные капли пота.

— Что там у тебя? — искрикнул Салимджан-ака.

— Простите, товарищ полковник. Я виноват... это... это моя вина...

— В чем дело, тебя спрашивают!

— Бензин кончился... Забыл заправиться с вечера...

— Разгильдяй! — вскипел Салимджан-ака, резко открывая дверцу. — Давно пора было выгнать тебя в три шеи!

Мы вышли на дорогу: ни одной машины. Топать к кладбищу не имело никакого смысла. Свернули направо, прошли улицу Яккачинар и вышли на Муками — так до отделения было ближе.

Вдруг из-за угла вынеслась толпа, впереди которой бежали, словно два спринтера, живые трупы в саванах. И правда, им мог бы позавидовать любой спортсмен — скорость они развили самую невероятную; мы не успели и глазом моргнуть, как они проскочили мимо.

Толпа была уже человек в пятьдесят и все увеличивалась. В основном, старики, но были здесь и люди средних лет, и молодые, и около десятка ребяташек, которые свистели, улюлюкали и пытались кидать камушки в убегающих поперек голов преследующих. Шум, крики, топот множества ног...

Толпа стала настигать беглецов, когда вдруг Могильщик Суфи остановился, закрутил над головой длинным посохом.

— Ха-а-ё Ходжа Ахрару Вали! — дико завизжал он. От неожиданности толпа остановилась, отпрянула назад. Беглецы понеслись дальше, воспользовавшись секундным замешательством преследователей...

Мы только потом выяснили, почему пришлось отщепенцам раньше времени покинуть свое убежище. Всему послужила причиной моя поспешность.

Адыл-хитрец тотчас обнаружил исчезновение стального сундука.

— Послушай, Могильщик, ты брось такие шутки шутить! — рявкнул он.

— О каких шутках вы говорите, мой избавитель? — удивился Суфи.

— Ты же вытащил у меня пистолеты!

— Упаси боже, зачем они мне?!

— Постой, постой, ты и кинжал спер?!

— О создатель! — простонал Могильщик.

— Ия, паспорт тоже исчез?!

— О всевышний! — пошатнулся от ужаса Суфи.

— Оставь всевышнего в покое! — завизжал, свирепея, Адыл-баттал. — Где сундук? Куда ты припрятал золото?

Могильщик Суфи тоже почувствовал неладное, ощутив удивительную пустоту карманов.

— Что вы обвиняете меня, когда сами выгребли из моих карманов все до последней копейки?! — Он начал зловеще подниматься с места. — Смотрите, в карманах один ветер гуляет! Вы стащили у меня даже перочинный ножичек!

— Предатель!

— Мелкий воришка! — И два живых трупа кинулись друг на друга с кулаками. Адыл был

зол как сто чертей, ведь он потерял все, что имел, и надежду на спасение. Ну, а Могильщик, старый рецидивист, не впервые участвовал в подобных побоищах да еще так отъелся на дармовых харчах, что только держись! В общем, они так измочалили друг друга, что оба без сил рухнули на пол. Будь бедный шейх Адыл живым, долго бы ломал голову, кому присудить пальму первенства.

Некоторое время они сидели, привалясь спиной к стене, буравя врага глазами.

— Где сундук?

— Отдай перочинный ножичек!

— Куда спрятал пистолеты?

— Деньги забрал, хоть мелочь оставил бы на проезд!

После этого драка возобновилась с новой силой. В склепе раздавались лишь глухие звуки ударов и возгласы: «Вот тебе пистолеты, ё Ходжа Ахрару Вали!», «Вот тебе перочинный ножичек, ё Джамшид!»

В это время мимо склепа проходил некий богобоязненный старец Абдураззак-ата, который решил перед утренней молитвой посетить могилу снохи, скончавшейся при родах, и услышал шум, глухие вскрики, тяжелое сопение. Поначалу он испугался, подумав, неужели, мол, наш святейший шейх Адыл воскрес; но любопытство взяло верх, заглянул в щель двери и увидел, как два... покойника в саванах дубасят друг друга.

Старик перетрусил теперь не на шутку, прямиком бросился бежать к мечети Ходжа Ахрару Вали, где уже собралось человек тридцать молельщиков. Старики коротко посоветовались и вскорости окружили склеп тесным кольцом. Но никто не осмеливался подойти к дверям. Тогда имам мечети показал небывалую храбрость: открыл дверь и отпрянул, выкрикнув:

— Будь ты самим шайтаном — изыди!

Ответа не последовало.

— Будь ты привидением иль ангелом — изыди!

Опять безрезультатно. Тогда имам догадался, что дело нечисто, что силы небесные здесь ни при чем и пора прибегнуть к силам земным.

— Закир-кары, бегите, позвоните в милицию!

Не успел он произнести эти магические слова, как из склепа выскочил вначале длинный мертвец с палкой в руке, за ним — мертвец-коротышка. Они стремглав припустились к задним воротам кладбища. Молельщикам ничего другого не осталось, как броситься в погоню, подхватив под мышки галоши, то и дело слетающие с ног...

Дальше — больше: к преследователям стали присоединяться все новые и новые помощники — подметающие улицу дворники, разносчики молока, рабочие, возвращающиеся из ночной смены, старухи, вставшие спозаранок замесить тесто. Толпа все увеличивалась, как снежный ком, долго преследовала преступников, пока не окружила вконец обессилевших «покойничков». Но подходить к ним никто не осмеливался.

— Неужто это привидение святого шейха Адыла? — предположил кто-то. — Тогда кто же второй?

— А может, воры, прятавшиеся в склепе?

— Да что ты, разве остались воры в нашем городе?!

— А может, их похоронили по ошибке? Ведь бывает так...

— А чего тогда они прячут лица? И почему убегали?

— Кажется, боятся.

— Тогда точно — воры!

— Возможно, это артисты, репетирующие роль воров?

— Вполне. Говорят же, что скоро экранизируют «Гёроглы Султана».

— Чудеса!

— Когда настанет светопреставление, сосед, говорят, святейший отец Баховутдин восстанет из могилы!

— Эй, святейшие, покажите-ка свой светлейший лик!

В это самое время мы настигли толпу, запыхавшиеся, взмыленные, как кони, и устремились к преступникам, расталкивая людей.

— Хашим, чего смотришь, раскрой им лица, пусть увидят люди! — распорядился Атаджанов.

Я сдернул саваны с живых трупов. Толпа поражено ахнула, на миг застыла, как загнипнотизированная, потом всколыхнулась, точно море при шторме.

— Так ведь это вовсе не шейх Адыл, а Адыл-баттал!

— Главарь всех воров. Недалеко же убежал...

— От народа не убегут!

— Взятчик!

— Лжец!

— Клеветник!

— Бей их! — выкрикнул кто-то.

Ненависть к преступникам, видно, была, что бомба замедленного действия, и вот теперь она взорвалась. Словом, артобстрел был что надо, и следует признать, основной удар достался мне с Салимджаном-ака: ведь мы должны были защитить преступников от самосуда. Не знаю, чем бы кончилось дело, не подоспей дружинники.

Мы кое-как доставили Аббасова и Могильщика в отделение, уложили на диван. Вот Адыл-баттал открыл мутные глаза.

— Пить...

Салимджан-ака подал ему стакан воды. Аббасов принял его дрожащими руками, облизнулся, но в этот момент взгляд его стал более осознанным — отшвырнул стакан, метя в полковника.

— Нет! Я еще не мертв, я не умру! — закричал он, из последних сил порываясь встать. Зубы его стучали, глаза округлились, изо рта показалась пена, с лица градом лил пот. Он привстал, опершись на руку, и выкрикнул опять, задыхаясь:

— Что-то сердце... Нет, я не умру!

— Да, еще будете жить, — хладнокровно вставил Салимджан-ака. — Перед судом ведь отвечать за все надо.

— Преступление бессмертно!

— Успокойтесь.

— Милиции никогда не дожидаться покоя!

— Выпейте водички.

— Салим! Я тебя задушу собственными руками! — крикнул Адыл-негодяй, бросаясь на полковника с протянутыми руками, но тут же сник, упал ничком на диван и сполз на пол. Адыл Аббасов был мертв. Уложив тело на диван, мы вызвали врача-экеперта...

Жены отказались забрать останки Адыла-хитреца, поэтому на четвертый день его похоронили на средства милиции. Самад-ака Кадыров предложил прибить на столбе у его могилы дощечку со следующей надписью:

«ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН АДЫЛ АББАСОВ — ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ВОРОВСТВА, ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА, РВАЧЕСТВА, ЖАДНОСТИ, СТЯЖАТЕЛЬСТВА, ВЫСОКОМЕРИЯ, ЭГОИЗМА. ГОД РОЖДЕНИЯ НЕ ИЗВЕСТЕН. СКОНЧАЛСЯ 14 ИЮЛЯ НА РАССВЕТЕ».

В тот день город вздохнул глубоко и свободно, точно и в самом деле избавился от гнета

сказочного чудовища — Дива. И казалось, птицы защebetали веселее, солнечные лучи стали теплее, цветы еще краше и душистее. Детишки приналегали на мороженое, а мужчины исподтишка («Как бы не засекли милиционеры или дружинники!») пропустили рюмочку-другую.

Преступность в лице Адыла-баттала была зарыта в сырую землю. Горожане, хоть и неофициально, устроили себе праздник. «Прощай, баттал!» — не печалься, как вы понимаете, воскликнул ваш покорный слуга, то есть я, Хашимджан, и тоже присоединился к веселью.

Город мой цветущий

Таким образом, дорогие мои друзья, вот и заканчиваю я свой рассказ, где всего было понемножку: и правды, и вымысла, и грусти, и радости. Вы, дорогие читатели, надеюсь, сами поймете, догадаетесь, что и в последней главе ваш Хашимджан опять забегает вперед. Но так будет, обязательно будет. Знаю, знаю, порядком надоел вам, но если признаться откровенно, сам тоже устал. Я мог бы, конечно, на этом поставить точку и распрощаться с вами, но вижу, все-таки надо еще подвести кое-какие итоги.

После того как в нашем городе блюстителем порядка стал народ, мы, милиционеры, поневоле превратились в настоящих бездельников: то играем в шашки, то в «слова», а однажды составили футбольную команду и сыграли со старшекласниками одной школы. Матч проиграли со счетом восемнадцать — ноль. Попробовали организовать художественную самодеятельность и выступать с концертами, но Сурата-ака назначили редактором районной газеты, и поэтому из нашей новой затеи тоже ничего не вышло.

Майор товарищ Халиков перевелся в отделение милиции Багишамала.

Самада-ака проводили на пенсию. Прощание было очень трогательным.

Вот в такой период, когда работники нашего отделения разбредались кто куда, Салимджана-ака и председателя исполкома товарища Умарова неожиданно вызвали в Ташкент в Министерство. Право слово, я с опаской ждал возвращения наставника, мало ли что?.. Но Салимджан-ака вернулся довольный, сияющий.

— Хашим, сынок! — воскликнул он, обняв меня.

— Значит, опять поздравлять? — спросил я осторожно.

— Не меня надо поздравлять, а я должен поздравить! Тебя, всех наших товарищей.

— Благодарю, товарищ полковник, от имени всех коллег-тунеядцев! — воскликнул я, стукнув каблуками и отдавая честь.

Итак, вот с чем поздравлял меня Салимджан-ака. Состоялась официальная церемония передачи функций отделения милиции в руки представителей народных дружин. В торжестве участвовали сотрудники Министерства, областного управления. Сурат-ака на общественных началах назначался руководителем районной добровольной милиции. ОБХСС возглавил наш славный пенсионер Мамаразык-ака. Начальником угрозыска стала, по предложению женщин района, Мархамат Касымова, недавно вышедшая на пенсию, а до этого тридцать восемь лет проработавшая судьей, энергичная женщина. Район наш объявили опытно-показательным. Представитель Министерства закончил свое выступление словами: «Товарищи, теперь дело за вами, держитесь! На вас смотрит вся страна!» При этом вся масса народа, собравшаяся на главной площади города, крикнула как один:

— Не беспокойтесь, не подведем!

Это прозвучало клятвой.

На другой день девять наших работников выехали в девять районов области для передачи опыта. Салимджан-ака начал оформлять документы на пенсию.

А мы с Фаридой... Да, кстати, бабуля моя сама ходила сватать и с первого захода обделала дело. Хотя ее приняли очень тепло, она сразу заявила, что в случае отказа всей семье не поздоровится. Те посмеялись и сказали, что дело до этого не дойдет.

Я решил вернуться в свой родной кишлак, заново открыть парикмахерскую имени покойного моего учителя уста Усмана Акрамова. Свадьбу мы с Фаридой решили отложить до осени, к сезону созревания урожая. Конечно, ее можно было справить и пораньше, но упрямая моя бабушка решила во что бы то ни стало пошить восемнадцать матрацев и восемнадцать одеял, и ни одним меньше!

Я три дня подряд спорил с Салимджаном-ака, который стал самым дорогим мне человеком, с которым мы делились и радостью, и горем. Я настаивал:

— Поедьте в кишлак, вот где вы развернетесь со своим цветоводством.

— Нет, ты останешься в городе. Дай на старости лет понянчить внуков! — возражал полковник.

— Поедьте, поедьте, вот увидите, как будет хорошо.

— Не могу... — отказывался Салимджан-ака и вздыхал. — Не могу я оставить бесприютной могилку жены...

Так мы спорили — то ругались, то целовались — три дня подряд. На четвертый день Салимджан-ака появился в дверях взволнованный.

— Хашим, ты дома?

— Пельмени леплю, — отозвался я.

— Твоя взяла, сынок. Еду с тобой.

— Это правда?! — выбежал я навстречу полковнику с руками по локоть в тесте.

— Правда, сынок, еду... Знаешь, Хашимджан, что я люблю?

— Вроде бы знаю... Детей любите...

— Да, это так. Но ты не все знаешь. Я люблю ходить босиком по пыльным улочкам кишлака в самые знойные дни лета... Знаешь, что я еще люблю?

— Нет, не знаю.

— Я люблю пустить воду в грядки в лунную ночь и возлежать, ни о чем не думая, на зеленой пахучей траве.

— А что вы еще любите? — спросил я, глядя в горящие радостью и счастьем глаза названного отца.

— Еще? Еще... я люблю ходить на заре по бахче, срывая самые зрелые дыни.

— А еще?

— Люблю сидеть в густой тени древней чинары за чайником чая с мудрыми, неторопливыми дехканами, обсуждать цены на рынке, сдержанно радоваться добрым урожаям... и все такое...

Салимджан-ака-то ведь родом из кишлака. Сорок лет он мечтал когда-нибудь вернуться к земле, к милой сердцу сельской жизни. До сих пор это было неосуществимо — служба держала крепко...

В тот день многое совершили мы, возлежав на нашей кровати посреди благоухающих роз: разбили цветники на каменистых отрогах гор, предварительно освоив, разумеется, эту целину; посеяли дыни, воздвигли шалаш, поохотились на перепелов, пустили воду по грядкам, слушая ее мелодичное журчание; так и уснули, утомленные своими праведными трудами...

Здание бывшего отделения милиции превращалось в музей. С утра мы начали собирать все, что могло нам пригодиться: пожелтевшие письма, документы, именное оружие, короче, единственное, что оставил Салимджан-ака себе — это ордена, медали и фотокарточка покойной жены и сына Карима. Дом он переписал на имя соседа Нигмата-ака. «Пусть детишкам будет где

бегать, готовить уроки, не мешая друг другу, — сказал Салимджан-ака при этом. — Твоя келиной от души одобрила бы мое решение, ведь она была этим детишкам как мать родная». Полковник смахнул непрошеную слезу... На сберкнижке Салимджана-ака накопилось кое-что. Две тысячи он перечислил сыну. Остальные деньги передал народной милиции с тем, чтобы их использовали как фонд для поощрения лучших дружинников. Наутро мы должны были выехать в дальний путь на том самом допотопном, похожем на божью коровку «Москвиче». Но ночью позвонил товарищ Умаров и сказал, что завтра в парке культуры и отдыха состоится небольшое мероприятие и Атаджанов сможет ехать в кишлак лишь в том случае, если примет в нем участие, иначе общественные автоинспекторы будут предупреждены и не выпустят его грохочущую колымагу из города.

Знаете, я думал, что очень люблю Салимджана-ака, а выходит, что Умаров любил его раз в десять больше. Он велел, например, сорвать по одному цветку с каждого куста, посаженного за долгие годы по инициативе полковника. И вот вам результат: в руках всех посетителей парка — букеты роз, цветы у ворот, розы вдоль аллей, цветы в горшках, цветами обвиты цепи качелей, цветами засыпаны крыши беседок... Странно далее: глядишь на эти штуки — цветы, вроде бы ничего особенного, но на душе невольно становится радостно и весело, мир словно преображается, смеется счастливым смехом.

Народ бурлит — протолкнуться невозможно.

Молодые дружинники с повязками провели нас в летний зал. Не успели мы подняться на сцену, где уже сидели партийные и советские руководители района, директора предприятий, как присутствующие в зале дружно повскакали с мест, начали махать букетами. Мне показалось, что весь мир утонул в потоках ароматных и ярких цветов, и люди плывут в этом море как счастливые дети.

Товарищ Умаров поднялся, позвенел колокольчиком. Наступила тишина.

— Товарищи! — Голос председателя исполкома был глух и печален. — Сегодня мы собрались здесь проводить на заслуженный отдых — на пенсию коммуниста, человека, посвятившего борьбе за спокойствие и счастье людей всю свою жизнь, невзирая на трудности и невзгоды, выпавшие на его долю. Дорогой Салимджан-ака проработал в нашем районе почти сорок лет. И за все это время он сделал людям столько добра, что просто немислимо все здесь перечислить...

Из зала донеслись выкрики:

— Да, редко встречается такой человек!

— Добрых дел его не счесть!

— Спасибо ему за труды, за жизнь его трудную!

Затем товарищ Умаров объявил, что при Янгибагском районном исполнительном комитете учреждена «Книга почетных граждан» и на первую ее страницу будет вписана фамилия полковника Салимджана Атаджанова. Когда он вручал будущему пенсионеру огромный символический ключ от города, люди в зале опять вскочили на ноги, начали кричать «ура» и аплодировать. Именинник встал, чтобы поблагодарить за внимание, но не смог говорить. Боясь, что, если раскроет рот, разрыдается, Салимджан-ака прижал обе руки к груди, застыл в долгом низком поклоне.

После этого стали подниматься на трибуну представители разных предприятий и учреждений, друзья и соратники Салимджана-ака, каждый из которых старался перещеголять других, хвалил, перечислял заслуги полковника. В общем итоге ему подарили семь халатов, столько же ярких поясных платков, одиннадцать чустских тубетеек и около семидесяти букетов.

Я уж стал поглядывать на часы, надеясь, что торжественная часть проводов подходит к

концу и, возможно, начнется другая, если, конечно, товарищ Умаров догадался заказать плов в чайхане... Но нет, еще, оказывается, хотели говорить Мерган- и Муслим-бобо. Они кряхтя выволокли на сцену корзину с цветами, поставили ее перед юбиляром.

— Об-бо, Салимджан наш! — воскликнул Муслим-бобо, с трудом выпрямляясь. — Значит, решил уйти от нас... М-да, вообще-то... не надо бы... Мог бы следить за работой своих учеников, проводил бы деньки с нами, стариками, в чайхане, пловы бы готовили, в шахматки играли... Ну, ладно... я знаю, вообще, ты рожден для больших дел. Говорят, раз в сто лет рождается один лев... Ты тоже, Салимджан, рожден львом! Приветствую тебя, брат, ты как лев боролся с подлецами и преступниками! Дай накину на твои плечи вот этот чапан от своего имени, от имени вот Мергана, который как раз заложил под язык насвая и посему слова не может вымолвить, а также от имени всех стариков-пенсионеров нашего города! Только не плачь, парень, не подражай мне, нехорошо, когда плачет милиция...

У-уф-ф, наконец кончилось. Мы кое-как пробилась к воротам, подошли к стоянке... Что такое? Вместо нашего жукоподобного «Москвича» стоит та самая черная «Волга», на которой я еще ездил домой. Вся увита гирляндами цветов, разноцветными лентами, точно машина, везущая молодоженов. Я сразу заметил, что на «Волге» номер нашего допотопного «Москвича». Но Салимджан-ака удивленно остановился.

— Эт-то еще что такое? — воскликнул он.

— Это — решение районного исполнительного комитета! — улыбнулся товарищ Умаров, протягивая Салимджану-ака ключи от машины.

До полковника наконец дошло, в чем дело.

— Это ты брось, — махнул он рукой. — У меня своя машина еще вполне хороша.

— Мы ее отвезли в музей.

Салимджану-ака ничего другого не осталось, как пожать плечами и сесть в машину.

Чтобы выехать из города, мы должны были миновать улицу Мукими. Но, видно, товарищ Умаров и здесь поработал достаточно: по обе стороны дороги выстроились дружинники, учащиеся, студенты, старики, старухи, рабочие... Э, в общем, считайте — весь город. У всех в руках опять-таки букеты цветов, пучки райхона — мяты...

— Прощайте, товарищ Кузыев!

— Салимджан-ака! Я вам сообщу, когда женюсь. Приезжайте!

— Салимджан! Не забывай друзей из чайханы!

— Прощай, наш добрейший друг!

На машину и под ее колеса летят пышные букеты. Салимджан-ака улыбается, без устали машет рукой. А я рад и счастлив безмерно. Ведь, придя в милицию, я служил вот этим самым людям, которые сейчас приветствуют нас, работал рядом с такими коммунистами, как Салимджан-ака, заслужившими за дела свои горячую любовь народа...

Толпы людей поредели, скоро начнется пригород. Я решил выехать на свободный правый крайний ряд, чтобы увеличить скорость, как вдруг в зеркале заднего обзора заметил одиннадцать человечков, несущихся за нами прямо по проезжей части дороги. Наши соседи! Потомство Нигмата-ака! В руках — цветы, лица чумазые от пота и пыли... Я резко затормозил. И вот они догнали нас: кто-то обнял, кто-то взобрался на спину, кто-то трется о коленку. Мы с Салимджаном-ака стали похожи на яблочки-падалицы, облепленные муравьями.

— Хашим-ака-а, почему вы уезжаете? — заплакал Давран.

— Надо ехать, малыши, ждут дела...

— Кто же теперь купит мне резинку для рогатки?!

— Сам пришлю в посылке. — Я поцеловал пыльное мокрое лицо Даврана.

На шее полковника повис Бахрам, который, как всегда, был без штанишек.

— Дядя, ну дядечка, не уезжайте, пожалуйста! — умоляет он.

— Но где опять твои штаны, сынок?

— По дороге потерял... Ну, дядя, не уезжайте, пожалуйста!

— Но я ведь не насовсем уезжаю, — вздыхает полковник.

— Если вы уедете, то Бахтияр опять будет колотить меня! — чуть не плачет малыш.

— Пусть попробует! Тогда я ему никакого подарка не привезу.

Салимджан-ака успокоил ребят, пообещав обязательно приехать на той неделе и привезти гостинцев. Потом обнял всех поочередно, расцеловал.

Детишки махали нам вслед, пока машина не исчезла из виду. Салимджан-ака глубоко вздыхает, беспокойно ерзает на сиденьи. А я все сильнее и сильнее нажимаю на газ и про себя повторяю, повторяю бесконечно.

— Прощай, цветущий мой город, прощайте, дорогие мои горожане, прощай мой маленький братишка Бахрам-бесштанник!

«Волга» стрелой мчится по зеркалу асфальтированной дороги.